909.7.
Л-33
45346

Лебедева И. И.

Народный быт в Верховьях Десны и Верховьях Оки.

Часть 1-я.

1-33
6346

Мемуары
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии

Выпуск 2-ой

Н. И. Лебедева

НАРОДНЫЙ БЫТ
в ВЕРХОВЬЯХ ДЕСНЫ и в ВЕРХОВЬЯХ ОКИ

(Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах).

Часть первая
НАРОДНЫЙ КОСТЮМ, ПРЯДЕНЬЕ и ТКАЧЕСТВО
171 рисунок в тексте

Mémoires
de la SECTION ETHNOGRAPHIQUE
de la Société des Amis des Sciences Naturelles, d' Anthropologie et d' Ethnographie

Livraison 2-ième

N. I. Lebedeva

LA VIE POPULAIRE
AUX SOURCES DES RIVIÈRES DÈSNA ET OKA

(L'expédition éthnologique aux gouvernements de Briansk et de Kalouga en 1925 et 1926).

1-re Partie
Costume populaire, le filage et le tissage.
Avec 171 figures en texte

Казанская Научно- Книгохранилище

Москва 1927 Moscou

Рязанское Научно-Краеведческое О-во
Книгохранилище
6166

Мемуары
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии

Выпуск

Н. И. Лебедева

НАРОДНЫЙ БЫТ
в ВЕРХОВЬЯХ ДЕСНЫ и в ВЕРХОВЬЯХ ОКИ

(Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах).

Часть первая
НАРОДНЫЙ КОСТЮМ, ПРЯДЕНЬЕ и ТКАЧЕСТВО
171 рисунок в тексте

Mémoires
de la SECTION ETHNOGRAPHIQUE
de la Société des Amis des Sciences Naturelles, d' Anthropologie et d' Ethnographie

Livraison 2-ième

N. I. Lebedeva

LA VIE POPULAIRE
AUX SOURCES DES RIVIÈRES DÈSNA ET OKA

(L'expédition éthnologique aux gouvernements de Briansk et de Kalouga en 1925 et 1926).

1-re Partie
Costume populaire, le filage et le tissage.
Avec 171 figures en texte

Москва 1927 Moscou

16346

Смоленск, Гостипография имени Смирнова.
Зак. № 5657. Мосгублит
№ 44184. Тираж 1000 экз.

Напечатано по распоряжению Совета Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при 1-м Московском Государственном Университете.

Ученый Секретарь Общества
Вл. Богданов.

Москва,
4 мая 1927 года.

Настоящий выпуск „Мемуаров" отпечатан в количестве 1.000 экземпляров 25 сентября 1927 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящий труд является одним из неразрывных звеньев той этнологической работы, которая ведется в Москве по плану и под непосредственным руководством Вл. Вл. Богданова и сосредоточивается при его ближайшем участии в следующих учреждениях: в Этнографическом Отделе Общества Любителей Естествознания. Антропологии и Этнографии, в Этнологической Комиссии Московской Секции Государственной Академии Истории Материальной Культуры, в Центральном Музее Народоведения (бывшем Румянцевском Музее) и в Государственном Музее Центрально-Промышленной Области.

Основные нити этого плана проходят по территории центральных губерний Европейской части Союза, населенных по преимуществу разными этническими группами восточных славян, но в своих исторических судьбах имеющими связь с другими народами не славянского происхождения, отчасти же и сейчас отражающими на себе эти инородные соприкосновения. Вместе с тем В. В. Богдановым была поставлена и другая руководящая задача: обследовать не племя или особую этническую группу в целом, т.-е. например, не великоруссов или южно-великоруссов вообще, а обследовать этнические группы, замкнутые территориально в характерные этнические комплексы, хотя бы последние и не были однородными по происхождению и однотипными по своему настоящему этническому облику Эта вторая задача, особенно настойчиво проводимая им в Музее Центрально-Промышленной Области, как задача областной этнологии, помогла мне глубже вникнуть в целый ряд этнологических деталей, которые, действительно, характерны в их областном, территориальном выявлении и которые в их этногенетическом значении не все определяются сейчас, а иные и вообще, вероятно, определятся не скоро.

Таким образом, моя работа примыкает по цели, по теме и задачам также к работам Б. А. Куфтина и других сотрудников Вл. Вл. Богданова, которые, будучи руководимы им, сделали уже очень много для этнологии центральных губерний.

Благодаря только что указанным руководящим задачам, я уверенно отправилась выполнять предложенный мне Вл. Вл. Богдановым план и маршрут работ по материальной культуре, отчасти и по духовной, среди населения верховьев Десны и верховьев Оки в Брянскую и Калужскую губернии. Этим работам я посвятила два лета: 1925 и 1926 года.

В обработке полученных результатов я, также следуя указаниям и советам Владимира Владимировича Богданова, решила дать об'ективное изложение мною виденного и обследованного, делая при этом лишь такие свои замечания, которые носят характер

невольных возникавших у меня сравнений по поводу тех или других аналогичных или отличающихся фактов, виденных и обследованных мною в других местах или узнанных из научной литературы.

Отправляясь в Калужскую и Брянскую губернии, я шла прежде всего в так называемое „Полесье".

Полесье Калужское и Полесье, известное в литературе под именем „Орловское"—и то и другое Полесье почти целиком вошли теперь во вновь образовавшуюся Брянскую губернию (не вошли: небольшая часть Калужской, юго-восточная, в районе с. Плахина, западная и северная часть Калужской губ., вошедшая во вновь образовавшийся Спас-Деменский уезд, Калужской губернии). Полесье по своему происхождению термин чисто географический, приуроченный к тем территориям, где пространство полей значительно меньше пространства лесов. По отношению к Брянской и Калужской губ. это будут лесные районы: 1) по Десне, Снопоти, Ветьме, 2) к северу от Жиздры, 3) по Десне, Навле, Нерусе, 4) к Карачевскому лесу по р. Рессете. „Полехи"—обыватели лесов. Термин, получивший в нашей литературе чисто этнологическое значение, как тип русского населения, встречаемый в полесьях. А раз так, то невольно являлась мысль: 1) какую территорию занимает эта этническая группа и 2) какими она обладает чертами, отличающими ее от остального населения. Ответ на первый вопрос в имеющейся литературе дается, исключительно, на основании данных местного самосознания и на свидетельстве соседей и, надо сказать, ответ неточный и разноречивый. По Орловской губернии (я беру старые административные деления, так как сведения относятся к 60, 70, 80 годам прошлого столетия) Пассек (Очерки России, IV, стр. 26) относит к Полесью Брянский и Трубчевский уезд. С. Максимов (Др. и Нов. Россия 1876, № 8 стр. 306) добавляет еще Севский уезд. Тарачков (Орл. губ. Ведом., 1859 г. № 11 и 1862 г. № 2) прибавляет к трем уездам, поименованным у Максимова,—Карачевский. Карпов (Журн. Имп. Моск. О-ва Сельского Хозяйства, стр. 626—7, приложение 1865, № 17) говорит о Полесье по левому берегу Десны и по правому на 25 верст в Рославльском у. после впадения р. Ветьмы—это район, называемый „Кривой Лес". По Калужской губернии Попроцкий (в Материалах по статистике России Калуж. губ., стр. 8) относил Жиздринский, Козельский и Мосальский уезды к уездам Полесским, а в „Калужских губ. Вед." 1860 г. отнесен и Лихвинский уезд к Полесью. В „Живописной России" (т. VII, стр. 294), к Полесью отнесены Жиздринский и Козельский уезды.

Все эти сведения, имеющиеся в литературе, очень неточны и суммарны. Совсем неясно, считать ли целый уезд Полесьем или его части. Напр., насчет Мосальского уезда у Зеленина (Описание рукописей Географ. О-ва, стр. 576) есть указание на деление его на два стана. В 1-м стане живут поляне, во 2-м полехи. Будде (Сбор. II Отд. Академии Наук, т. 76, стр. 85) относит с. Мокрое, Прилепы, Ревны, Верхополье, Орловской губернии к селам, заселенным полехами. Д. К. Зеленин проводит северную границу Полесья по линии Сухиничи—Дудино. Следовательно, является вопрос о принадлежности к Полесью не всего уезда, а его частей. Кроме того, не исключена возможность изменчивости их границы. Уже Зеленин отмечает в своей книге „Великорусские говоры", что с вырубанием леса сокращалась площадь Полесья.

Раз неясны были границы Полесья, то при выборе маршрута пришлось брать район гораздо больший, чем очерченный район

по имеющимся сведениям, включив в него все уезды, которые так или иначе включались в Полесье. Получился очень большой район: уезды Лихвинский, Козельский, Жиздринский, Мосальский, Калужской губернии; Трубчевский, Брянский, Карачевский, Севский бывш. Орловской губернии и Рославльский уезд, Смоленской губернии. Не только неясны были границы Полесья, но еще более неясными были те об'ективные признаки, на основании которых отличают полехов от степняков, полян. Как такие признаки, указывали: 1) белые колпаки и белые зипуны (Орл. Губ. Вед. 1866 г. № 44, 1862 г. № 5); но они не были по литературным данным свойственны всем районам, приуроченным к Полесью, следовательно не могли быть чертою, выделяющей все Полесье, как одну этнографическую группу; 2) указывали на поневы и рогатые кички, но ведь эти элементы женского костюма, свойственные чуть не всем южно-великоруссам и в настоящее время; 3) указывали на курные избы, но курная изба является старой формой жилищ восточных славян, не только северно-великоруссов, южно-великоруссов, белоруссов, но и многих групп украинцев; наличие курных изб для восточных славян говорило скорее об отсталости района, а не об отдельной этнической группе и, наконец; 4) как на общую черту, свойственную „полехам", указывали на некультурность, „серость", как говорят местные жители, черту, свойственную медвежьим углам. С характерной консервативностью и отсталостью полехов нельзя не соглашаться. Леса и болота, укрывавшие жителей в течение многих столетий от городских влияний, воспитали население, поражающее наблюдателя архаичностью своего быта. Здесь для этнолога богатая жатва. Но всякий согласится, что эта черта может быть характерна для какой угодно этнической группы, живущей в одинаковых условиях, будет говорить о степени культурности группы, но, во всяком случае, не может явиться этническим признаком; таким по существу важным для этнолога явится вопрос: почему отдельные районы наиболее хорошо сохраняют особенности быта, а другие нивеллируются весьма скоро.

Здесь мы сталкиваемся с интересной проблемой, выдвигаемой в связи с наблюдениями на ряде территорий: там, где происходит культурный стык отдельных этнических групп, там наиболее хорошо выделяются их особенности—это мы видим на севере Рязанской губ. на верховьях Днепра, на нашем Кавказе, в Сибири на Енисее и на Дальнем Востоке. Поэтому о Брянском и Калужском Полесье мы скоро можем говорить не как о каком-либо этническом типе, а как об этническом районе, на котором можно ставить вопрос о взаимоотношениях этнических групп и о причинах консервативности населения. Какие же этнические группы сталкивались на этой территории, каким культурным влияниям она подвергалась. Этнологи этим вопросом занимались мало, да и этнологически эти губернии были мало изучены.

По этому району имелись следующие работы:

1. Д. О. Святский. — Материалы по Севскому уезду (Жив. Стар. 1910, № 1).

2. Н. М. Могилянский. — Поездка по Тульской и Орловской губ. (Материалы по этнографии России, т. 1). Интересующей меня области касается лишь вскользь, говоря о Брянском уезде.

3. Д. К. Зеленин. — Описание рукописей архива Русского Географического Общества. Материал особенно интересный по Трубчевскому уезду. Ценна рукопись Сполохова, но это, пожалуй,

одна жемчужина среди массы разрозненного неточного материала.

4. Ответы на анкету В. Ф. Миллера (Архив Общества Л. Е., А. и Э.); имеются отрывочные сведения, мало коснувшиеся наиболее глухих частей территории.

5. В. Ф. Миллер. — Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического Музея.

6. М. Е. Шереметева. — Гамаюнщина. Костюм. Калуга 1926 (Работа вышедшая уже после моего изучения этого района).

7. Е. Н. Елеонская. — Женский костюм в пригородных деревнях, (г. Козельска. Этн. Обозр. 1908 № 3).

8. Несколько статей в „памятных книжках“ и „губернских ведомостях“.

Вот весь материал, которым можно было располагать при изучении нашего Полесья. Материал разрозненный, отрывочный наводящий чаще на мысли, на вопросы, чем дающий ответы. Главный недостаток всего имеющегося материала — отсутствие в нем точных описаний, точных классифицирующих признаков и отсутствие границ распространения этнических явлений (исключение составляет статья Д. О. Святского).

Несколько, казалось, лучше обстояло дело с музейными коллекциями. Здесь ведь материал говорит сам за себя. Но и тут отсутствие точных легенд, даже иногда и датировок в смысле указания места происхождения вещи, тормозили понимание намеченного к изучению района. Кроме того, музейные коллекции не захватывали всех районов. Коллекции Румянцовского музея выявили северные уезды Калужской губернии, Боровской, Мосальский, частично Перемышльский, Козельский, ничего не имея ни по Жиздринскому уезду, ни по Брянской губернии. Коллекции Русского Музея (с ними я познакомилась после своих работ по Калужской и Брянской губ.) правда, хорошо выявляют Севский уезд, частично Жиздринский, Бежецкий, а также Трубчевскую волость, Почепского у., но материал не весь датирован и к нему нет точных легенд. Весь имеющийся материал говорил о разнообразии районов в намеченной к изучению территории, говорил о своеобразных группах населения в Севском уезде, в западной части Жиздринского уезда, намечал ряд элементов одежды, очень близких к элементу одежд Рязанской и Тульской губ., но сведений о границах распространения отдельных явлений, о полных комплексах этих явлений, об условиях их бытованиях нам не давал.

Нисколько не больше дают нам материалы археологические, несмотря на то, что по реке Жиздре, Снопоти, Вытебети, Ветьме, Десне, Навле мы встречаем целые вереницы курганов, десятки городищ, однако, весь этот материал лежит под спудом, и в наших музейных коллекциях мы почти не встречаем материалов из раскопок. Известные раскопки Булычева по Угре дают очень суммарный материал, указывая на перекрестные элементы лишь „Вятической“ и „Кривической“ культур. Материалы раскопок по Навле у с. Глинного указывают лишь на элементы общие, с „Северянскими“ курганами. Небольшие коллекции, собранные Брянским музеем по славянским культурам, дают некоторые сведения о древних обывателях реки Ветьмы и Болвы, мы там находим целый ряд вещей, общих с вещами Смоленских кривичей.

Несколько определеннее ставятся научные проблемы по материалам историческим и лингвистическим. Древними обывателями

изученной территории историки считают Финнов и Литовцев, основывая свои предположения, главным образом, на названии рек и урочищ. В эпоху славянской колонизации изученная территория явилась культурным стыком трех славянских групп: северян, вятичей, кривичей. Река Брынь, приток Болвы, Брынские леса служили рубежом между Смоленскими кривичами и вятичами. Десна, в районе современного Брянска, Болдыж-лес вниз по Десне, по левому берегу и по реке Неруссе, служили раздельною полосою между северянами и вятичами (см. Любавский, Историч. География, стр. 56 и 75).

Население этого района держалось, главным образом, по р. Десне и по верховьям Оки. Наибольший прилив населения был в эпоху нашествия татар. Глухой, болотистый край дает приют степнякам. Середонин указывает на движение северян по Десне, Угре и даже в Ростово-Суздальскую землю.

В эпоху удельной Руси изученная территория входит своими восточными частями в Ростово-Суздальскую землю, своими западными и северными частями в Смоленскую область, на верховьях Болвы и Десны мы встречаем в то время южные пограничные пункты Смоленского княжества.

Южные части изученной территории тяготеют к Черниговскому княжеству. Город Брянск в XIII веке является лучшим городом Черниговской области. С XV века весь край попадает в состав Литовского государства, а в XVI веке мы его видим уже в составе Московского государства, так что этот край в сравнении с берегами верхнего Днепра, испытал меньшее влияние Литовского государства, во-первых, потому, что по времени он недолго был под властью, Литвы и, во-вторых, как наиболее отдаленная от Литвы окраина, мало соприкасался с Литвой. Здесь мы не встречаем и литовских помещиков. Наш край был настолько далек и забыт, что жил собственною жизнью и мало впитывал в себя элементы литовской культуры XV и XVI вв. Итак, исторические сведения нам говорят о старых финских и литовских слоях, о стыке трех славянских культурных групп и о различных политических судьбах отдельных районов. Правда, принадлежность к той или другой политической территории не всегда может говорить о культурном влиянии политического центра. Но географическое положение этих районов дает возможность говорить о тех культурных влияниях, которые могли проникать к ним. Верховья Болвы и Угры, связывающие басейн Днепра и Оки, открывали сначала широкий путь для культурных влияний, шедших из Византии, но для нашей территории эта эпоха—эпоха до татарского нашествия—менее существенна, тем более, что в это время край был мало населен. Наиболее сильные культурные влияния на нашей территории связываются с бассейном Оки, где эти влияния стояли в связи с расцветом культуры древних болгар. Третье культурное влияние, возможное для нашей области могло, направляться сюда из Смоленской области, а именно через Великий Новгород, отсюда через Смоленск могли итти культурные влияния из Скандинавии и Западной Европы.

На основании лингвистических данных изученная территория вызывает ряд недоумений и сомнений. Одни лингвисты ставят вопрос о том, является ли великоруссами или южно-великоруссами население этой территории. Одни из них границу между названными группами восточных славян проводят по реке Болве (см. Диалектологическую карту, составленную Дурново, Ушаковым и Соколовым); другие же из них, признавая ряд белорусских черт в говорах Калуж-

ской и Орловской губерний, проводят границу по реке Десне (см. Карский.—Белоруссы). Другая же группа лингвистов ставит вопрос о так называемых переходных говорах, считая возможным проводить точные границы для отдельных групп восточных славян лишь там, где они столкнулись не ранее XVII века. В тех же местах, где население с отдаленных времен живет по соседству, там точных границ не существует, и население представляет из себя мало заметный переход от одной группы к другой (см. ак. А. И. Соболевский, Русский народ как этнографическое целое. Харьков, стр. 11—12) и к такой широкой переходной полосе относят западную часть Калужской и Брянской губ. На карте, составленной Д. К Зелениным, эта переходная полоса идет от г. Калуги к западу от Оки, захватывает бассейн Жиздры и Вытебети, реку Болву и заходит несколько к западу за Десну; южная ее граница проходит немного севернее Брянска, идет по Десне к Трубчевску (см. Zelenin: Ostslavishe Volkskunde). Кроме отношений белорусских и южно-великорусских, ставится лингвистами вопрос относительно южных частей изучаемой территории, именно, возможности там общих черт с украинцами и указывается на возможность северной колонизации, растворившейся в общей массе южно-великоруссов (Е. Ф. Будде О говорах Тульской и Орловской губ. 1904 г. СПБ. ст. 11). Итак, все имеющиеся материалы — исторические, археологические и лингвистические--ставят ряд еще далеко не разрешенных вопросов: во-первых, является ли население изученной территории южно-великоруссами или белоруссами; во-вторых—где проходят границы между этими двумя группами восточных славян; в третьих, есть ли возможность выделить отдельные группы населения, связанные с отдельными группами славянской колонизации, с отдельными политическими судьбами отдельных районов и с отдельными культурными влияниями.

Таким образом, немногие археологические, исторические, лингвистические и этнологические материалы намечали ряд важных и интересных проблем в Полесье. Полесье, сохранившее архаические черты быта, обещало дать богатый материал. Собрать этот материал и было поставлено мне задачею В. В. Богдановым, инициатором и руководителем этой работы, указавшим мне этот район, как наиболее ценный и интересный для этнологических работ, стоявших, к тому-же, в связи с теми работами, которые были проведены Б. А. Куфтиным, также по плану, разработанному и указанному ему В. В. Богдановым в Рязанском Полесье. За данный мне план и за все указания я приношу самую горячую благодарность Вл. Вл-ровичу. Кроме того, я многим обязана Обществу Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, снабдившему меня своими командировочными удостоверениями и решившему напечатать мою работу, Центральному Музею Народоведения и Государственному Музею Центрально-Промышленной Области.

Охватить весь район я не могла за неимением времени и сил, поэтому я выбрала отдельные районы, отдельные группы населения, чтобы яснее в будущем можно было ставить уже чисто этнологические проблемы, в связи с этническими чертами населения очерченной территории, и по этим контурам могло-бы пойти краеведное изучение каждой деревни, каждого уголка. Мое изучение района распадалось на два момента: 1) рекогносцировка—собирание сведений на базарах, у местной интеллигенции, у жителей того или другого села—относительно соседних сел; 2) стационарное изучение быта в отдельных пунктах, при чем путем расспросов или на осно-

вании имеющихся в литературе материалов, намечался район с группой однотипных сел; в нем выбиралось одно село, и оно исследовалось детально по всем поставленным вопросам. Если данное село не давало исчерпывающих сведений, то оно дополнялось сведениями другого однотипного села того же района. Если приобретались вещи, то полный комплект подбирался из одного села, из соседних же сел брались вариации и дополнения. В обрабатываемых мною материалах при характеристике отдельных элементов культуры данного района я делаю ссылки на те села, в которых я была и которые детально изучала; при указании границ распространения этнических фактов я привлекала материал, добытый путем рекогносцировки. Так как задачей экспедиции было не только изучение, но и приобретение материала для музеев, то пришлось выбирать глухие уголки, могущие дать максимум желаемого материала.

Маршрут в 1925 году был выполнен в три приема: 1-я часть маршрута началась от города Калуги, исследован был район, называемый Гамаюнщиной—дер. Ромоданово, Квань, Животинкино, Колюпаново. Далее путь шел вниз по р. Оке—дер. Тинино, село Никольское, Криуша, дер. Ахлебинино, Макарово, Гулёво, Беляево, Леохино, Русаново, Стайки, Ханино, гор. Лихвин, с. Кипеть, Косынь, Красный Клин, Сергеевка, Иваньково, Березово, г. Белев, Веино, Киреевская, г. Козельск, Новоселки, Прыски, Березичи, Клюксы, Хоссы, Булатово, Дретово, Белый Камень, Волосово, Дудино, Алахино, Кцынь, Берестня, Фролово, Водкино, Подбужье, Судимир, Бояновичи, Пеневичи, Слобода, Березово.

2-я часть маршрута была начата от станции Навли, Московско-Киево-Воронежской ж. д., и охватила Навльскую волость: дер. Алексеевка, Святое, Салтановка, Глинная, Вздружная, Сытенки, Пролысово, Сидоровка, Журавки, Алешинка, Ружное, Покров, г. Карачев.

3-я часть маршрута началась от станции Сухиничи, Московско-Киево-Воронежской ж. д., и были охвачены деревни: Михалевичи, Добужа, Борнятино, Новое Село, Фоминичи, Волос, Прудки, Бокеевка, Бережки, Песочня, Савки, Зимницы, Бутчино, Ивашковичи, Падерки, Судовище, Мокрое, Ямная, Дедова Сторонка (место гончарных изделий), Семерёво, Осиновка, Спас-Дёменское.

1-й маршрут проделан единолично, а 2-й при участии сотрудниц Центрального Музея Народоведения — Валерии Павловны Никольской и Зинаиды Евграфовны Аллендорф.

3-й маршрут был сделан при участии А. Г. Данилина, сотрудника Музея Центрально-Промышленной Области.

Маршрут 1926 г. был выполнен в связи с изучением Смоленской, Гомельской, Черниговской губ. В пределах интересующих сейчас меня материалов я захватила деревни Ельнинск. уезда—Гнездиливо, Шилово, Арнишенцы, Павлиново, Добрица, Жарное, Заболотье, Троянова Слобода, Рогнедино, Дубровку; в пределах Брянской губ: Осавик, Щипань, Снопоть, Литовню, Клетну, Грабовку, Салынь и Рековичи, ряд сел, охвативших западную границу распространения типов, характерных для районов, изученных в 1925 г. (маршрут выполнен единолично) и район, начиная от Почепа, захвативший села: Пьяный Рог, Сосновое Болото, Уты, Яковское, Рябчевск, Орельск, г. Трубчевск, Гнилёво и Любичи (район изучен при участии Е. П. Ульяновой).

Предметом изучения как в 1925, так и в 1926 г. была, в первую очередь, материальная культура:

1. Постройки — составление планов и профилей, фотографирование и, прежде всего, изучение типа курной избы, как типа вымирающего жилища, далее—овинов и бань, как видов примитивных построек.

2. Народная одежда, главным образом, в старинных формах и при этом богатое разнообразие женских головных уборов.

3. Ткачество, при чем особенное внимание обращено на примитивное ткачество, как напр., тканье поясов, сетей, дерганье обор.

4. Сельско-хозяйственные орудия труда.

5. Местные промыслы, особенно гончарное и деревообделочное.

6. Средства передвижения, из них особенно, лодки-однодеревки и 2-х-колесные телеги.

7. Народные музыкальные инструменты.

8. Духовная культура изучалась лишь в отдельных вопросах: а) обряды, связанные с элементами материальной культуры, как то отдельными частями одежды, с отдельными элементами жилищ, б) обрядовое печение, в) обряды, связанные с годовым кругом праздников, д) похоронные обряды и некоторые моменты свадебных обрядов. При изучении каждого этнологического явления имелось в виду: 1) установить основные формы, 2) выделить архаические элементы и более поздние, при этом проследить изменчивость явления на памяти живущего поколения, 3) определить границы распространения элементов и форм быта.

Маршрут 1925 г. был выполнен: а) на средства Музея Центрально-Промышленной Области—для которого и был приобретен материал, в пределах Лихвинского, Козельского, Мосальского и, частично, Жиздринского уездов, главным образом в районах, относящихся к Центрально-Промышленной Области и б) на средства Центрального Музея Народоведения, материал для которого был приобретен в Жиздринском, Брянском, Мосальском уезде. В 1926 г. командировка была исключительно на средства Центрального Музея Народоведения. Приношу самую горячую благодарность этим музеям за оказанную помощь в выполнении моей работы, а также В. В. Богданову и Б. А. Куфтину за их ценные указания по вопросам собирания полевых материалов и их обработке. Не могу обойти благодарностью и моих самоотверженных спутниц В. П. Никольскую, З. Е. Аллендорф и Е. П. Ульянову, сопровождавших меня пешком по лесам и болотам. Особенно благодарю А Г. Данилина, оказавшего мне большую помощь, взявшего на себя всю работу по фотографированию во время совместного со мною путешествия, Э. Т. Шацкую—художницу Центрального Музея Народоведения и Е. П. Пятницкую—художницу Музея Центрально-Промышленной Области за их зарисовки с полевых набросков, испорченных фотографий и приобретенных вещей, снабдивших мою работу рисунками. Собранный мною материал во время этих поездок является предметом описания этой работы. Сейчас закончена и печатается 1-я часть материалов: „Народный костюм, пряденье и ткачество“, готовятся: ч. 2-я „Жилище и двор“, ч. 3-я „Средства передвижения“, ч. 4-я „Народные промыслы“ и ч. 5-я „Обряды и верования“.

ГЛАВА I.

РУБАХА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ПРОЦЕССЫ ПРЯДЕНИЯ, ТКАЧЕСТВА, ПОКРОЯ И ВЫШИВАНИЯ.

Рубаха—основная часть женского костюма. В народном быту она является не столько бельем, сколько выходным костюмом. Некоторые возрасты ограничиваются ею, как единственным костюмом, другие, прикрывая ее другими частями костюма, выставляют, однако, отдельные ее части,—так, рукава редко закрываются, а также подол в тех местах, где рубаха носится с поневой, выставляется наружу. Рубашка—существенная часть одежды, она тесно связана с лицом, носящим ее: „своя рубашка ближе к телу"; продать рубашку—значит продать счастье, удачу, по рубашке можно ворожить и испортить бывшую ее владелицу, продавать рубашку грех: продать рубашку—значит продать свою кожу. Поэтому стоило большого труда в некоторых местах приобрести рубашку для музея (с. Рябчевск, Почеп. у).

Рубашка на изученной территории встречается в следующих основных типах.

1-й тип рубах, который Б. А. Куфтин в своей работе „Материальная культура русской Мещеры" называет рубашкой „туникообразной", имеет форму прямоугольного мешка, чаще всего из 4-х полотнищ холста, в которых проделаны 3 отверстия—одно для головы, два других для рук; к последним пришиваются прямые цилиндрические рукава (см. рис. № 1), покрой этот встречается в римских туниках и византийских саккосах и других царских и первосвященнических облачениях, широко распространен среди финнов Поволожья и у чуваш, близок к покрою мужской рубахи. Этот тип рубахи, как женский, мне пришлось встретить в с. Никольском, Калужского уезда. Здесь этот покрой фигурирует, как рубашка „старушечья" (см. выкройку рубашки Арины Болмаревой, рис. № 1). Прямое полотнище длин. $3^{1}/_{2}$ арш., перегнуто пополам по утоку, в середине сделан разрез для ворота и разрез на груди, с боков пришито по слегка скошенному полотнищу (до 4 см. сверху), перегнутому по утоку, рукав косятчатый, т.-е. снизу его отрезан треугольник, который и подставлен к его верхней части, рукав пришит непосредственно к среднему полотнищу. В своей основе рубашка является туникообразной, но есть в ней специфические особенности: а) боковые полотнища несколько скошены,—такая скошенность полотнищ наблюдается и у группы рубах Мари и Чуваш; скошение боковых полотнищ встречается и на нагрудниках, правда, верхней одежды, но по покрою близко стоящих к рубахам туникообразным (Чучково, Рязан. губ., Бельский уезд, Смол. губ.,

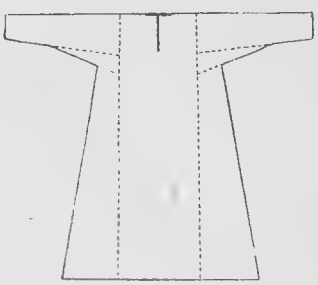

Рис. № 1.

коллекции Тенишевского музея, д. Ширки № 5918, Верешки, Духовщинского у. № 5762) встречается и на мужских рубахах (д. Ломино, Смол. губ., Тенишевский музей № 5560), в Гамаюнщине (мужская рубаха, рис. № 103). Какими являются все поименованные рубахи в музейных собраниях—связаны ли они с определенными группами населения, являются ли они более старинными или более новыми, неизвестно. Относительно же тех районов, где мне приходилось наблюдать, могу сказать, что в некоторых районах скошенность бочков является основным типом (Чучково, Ряз. губ.), но встречаются они чаще в тех районах, где старинные формы плохо сохранились (Гамаюнщина); б) вместо „ластовиц" вставлен в рукав „клин", срезанный с края рукава. В рубахах марийцев и чуваш такой покрой рукава обычно сопровождает рубахи со скошенными бочками; в) характерное отличие от мужской рубахи—это прямой ворот, но возможно, что старинный разрез ворота и у мужской рубахи был не косой. Женские рубахи туникообразного покроя

Рис. № 2.

Рис. № 2а.

почти что неизвестны, наличие их в музейных коллекциях насчитывается единицами: в Центральном Музее Народоведения рубашка донских казаков, привезенная Н. Ф. Яковлевым № 1, и в Тенишевском музее—из дер. Верешка, Духов. у., № 5817. Старообрядцы д. Бычки, Сыч. у., мне показывали такие рубахи, которые берегут на смерть, считая их рубахами погребальными. Имея в руках небольшое количество рубашек такого покроя, можно, однако, сделать некоторые предположения: Д. К. Зеленин (Ostslavicche Volkskunde) считает эту рубашку древней рубахой восточных славян. Но, вернее, ее признать одной из древних форм рубахи, создавшейся под общим культурным влиянием у финнов Поволожья и отдельных групп восточных славян, рубахой, которая древнее, может быть, самой славянской культуры, так как у славян мы уже встречали на памятнике в Адалеклисе рубаху с поликами Niederle Zivot starych slovanov Sv. 2 см. 482 рис. 59), на основании чего Б. А. Куфтин в своей книге—„Материальная культура русской мещеры" называет рубаху с поликами рубахой восточной и южно-славянской. Во всяком случае, бытование туникообразной женской рубахи на нашей территории—очень большой архаизм.

2-м типом рубах на изученной территории являются рубахи с косыми поликами (см. рис. № 2 и 2а [1]). Отличительной чертой

[1]) № 2—рубаха спереди, № 2а—рубаха сзади.

этих рубах является наличие трапециевидных вставок, которые врезываются на спине и спереди в разрезы по основе основных полотнищ рубах.

Полики кроятся следующим образом: берется прямоугольник из холста, с одной стороны срезается наискось треугольник (см. рис. № 3), который пришивается своей прямой стороной к другой стороне прямоугольника. Получается трапеция. Эта трапеция и вставляется в разрезы по средине полотнищ рубахи. Надо заметить, что для изученного района является характерным, что рубахи шьют из 4-х полотнищ и точи делаются по бокам и по средине сзади, только в д. Бокеевке удалось встретить, на ряду с рубахами в 4 полотнища, и рубахи в 5 полотнищ—праздничные, а в Зимницах—будничные в $3^1/_2$ полотнища. Если в Рязанской губ. мы видим разнообразие в размещении точей (см. работу Б. А. Куфтина—„Русская Мещера"), то здесь очень устойчиво расположение „точей", которые можно было бы назвать „Калужским"; в Тульской и Смоленской губ. мы увидели другое расположение, чаще всего—как у мужских рубах. Рубахи с косыми поликами встречаются в 3-х разновидностях: 1) рубаха со „спусками", когда рукав пришит к боковым полотнищам (см. рис. № 4, рубашка из дер. Литовня, Брянской губернии. Ц.М.Н. № 1334); 2) рубаха с „ташками"—рукав пришит к прямоугольным нашивками, называемым „ташка", между поликом и рукавом, которые дают возможность основные полотнища рубах делать более короткими (см. рис. № 5, рубашка из д. Алексеевка. Ц.М.Н.

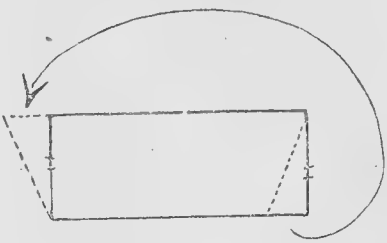

Рис. № 3.

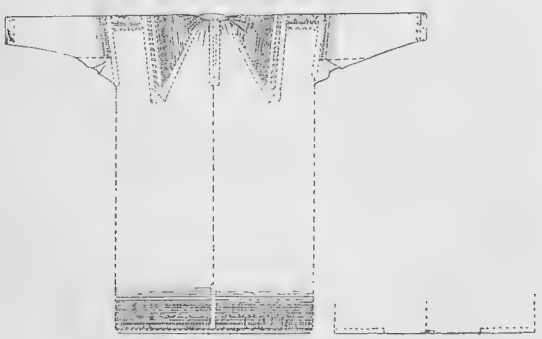

Рис. № 4.

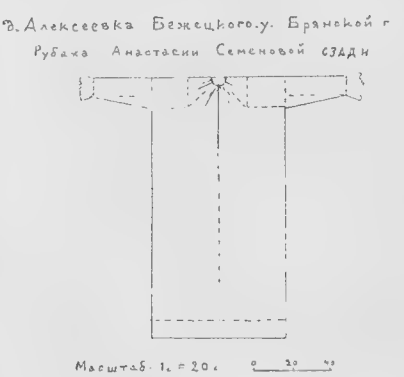

Рис № 5.

№ 632); 3) рубашка, когда рукав непосредственно пришит к полику, встречается в Литовне и также Алексеевке. Как удалось установить, 1-я разновидность типа является наиболее старинной; так, в Литовне у старух рубаха со „спусками", у молодых—без них, в Алексеевке же рубах со „спусками" не сохранилось. Рубаха же с „ташками" является стариннее рубах без них. Появление „ташек" местное население об'ясняет, отчасти, тем, что верхние части полотнищ, украшенные вышивками и затканками, переживали остальные части рубах, а так как они имели некоторую ценность, то их стали пришивать к новым рубахам.

Рубашка с косыми поликами мною встречена в д. Бояновичи, Подбужье, Бокеевка, Зимницы, Литовня, Русаново, помнят их в Осавике, Волосове,-Дудине, Овсяникове, Вырске. Таким образом, по верховьям Оки, по р. Ресете, по Болве, Снопоти и по Десне, Навле известна эта рубаха. Аналогичную рубаху мы встречаем в Рязанской губ. (Касимов)—(см. работу Куфтина—„Материальная культура русской Мещеры"), в Сапожковк. у., Спасском, Ряжском, Троице-Лесуновской волости и в окрестностях Раненбурга, в Данковском у. к западу от Дона (Хрущево-Подлесное, Заболотье), в Тамбовской губ., д. Рудовка (коллекция Русского Музея 342/290) Тульской губ., Богородиц. у., Огарево, Рождественское и др., у русской Мещеры Пензенской губ. и Саратовской г. (см. коллекции Ц.М.Н.), а также в Воронежской губ., в связи с колонизацией из Рязанского центра. Такое географическое распространение этой рубахи говорит о древних связях населения Калужского и Брянского Полесья с Рязанским Краем и заставляет говорить в пользу наличия здесь тех элементов, из которых складывалась южно-великорусская культура, а не белорусская.

3-м типом рубах является рубаха с прямыми поликами (см. выкройку № 6 спереди, № 6а—сзади, рубачка из д. Детевки,

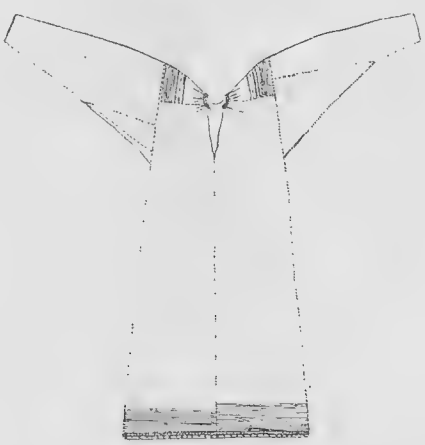

Рис. № 6.

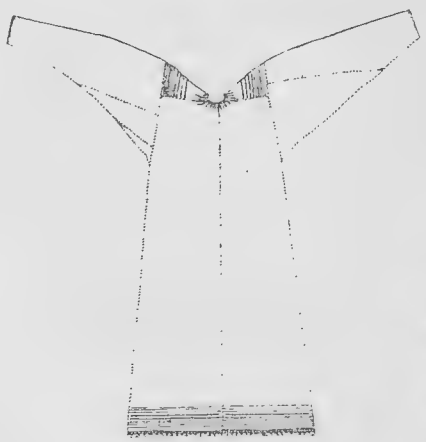

Рис. № 6а.

М.Ц.П.О. № инв. 539). Полик делается прямоугольным и пришивается по утоку к основным точам рубахи, доходя до края основных полотнищ. Рукав пришит к полику. Этот тип рубахи является широко распространенным по всей территории, в тех местах, где носится рубаха с косым поликом, она является ее заместителем; в тех местах, где ее не помнят, этот тип является господствующим, он известен у белоруссов, украинцев, северо-великоруссов. В моем обследовании в Ряз. и Смол. губ. мне всюду приходилось наблюдать его наступление на более древние формы. Возможно, и сам он был вырождением более древней формы (по наблюдениям в Смоленской губ., Сычевск. у., д. Замошье—стар. Забелиной рубаха кроилась замком)—(см. рис. № 7). Более новая—с прямым поликом. С другой стороны, в Рязанской губернии, например, в Сапожковском уезде, он непосредственно наступал на рубаху с косым поликом и связывался с появлением сарафана. Во всяком случае, этот покрой является для нашей территории, во-первых,

позднейшим, и, во-вторых, настолько широко распространенным, что говорить по нем о каких-либо этнических группах не приходится. Гораздо интересней является его разновидность—это прямой полик, пришитый по основе. Образцом таких рубах является рубаха из с. Рябческ (см. Ц. М. Н. № 1305 и 1306). Рубаха состоит из 3½ полотнищ с прямым поликом, пришитым по основе. Рукав вшит в угол, образованный внешним краем полика и станом. Такие рубахи я встречала по правому берегу Десны от д. Уты до Витемля, Новгород Север. у., в районе Трубчевска, где этот покрой рубахи связывался с особым покроем поневы. В музейных собраниях и в литературе мы встречаем мало указаний на этот тип рубах. Однако, кое-что есть. Близкая к ней рубаха известна по старым коллекциям 1867 г., Ц. М. Н. (№ 4028,I* в Киевской губ. и в Полтавской № 4051,I* означает старые коллекц. музея до 1919 г.) и в Подольской губ. с. Студенец (I* 6162, рубашки, привезенные в музей в 1915 г.). Б. А. Куфтин в своей книге „Материальная культура русской Мещеры", стр. 44, считает их древнейшим слоем среди украинских рубах и склонен назвать такую рубаху южнорусской или украинской. Аналогию этих рубах, только с иными рукавами (о них мы скажем, когда будем говорить о рукавах рубах), мы знаем по коллекциям того же музея у Белоруссов, в Рязанской губ., в Смол. у., Спас-Твердинской волости, а также в большом количестве по коллекциям Тенишевского музея из района по верховьям Днепра. (См. кол. Тен. муз. № 5756).

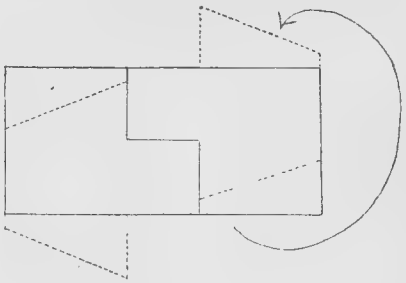

Рис. № 7.

Таким образом, широкое распространение этой рубахи нужно искать по верховьям Днепра. Она, безусловно, связана с теми культурными влияниями, которые шли по Днепру. Наши рубахи по своим пышным рукавам из Трубчевского района ближе стоят к вышеуказанным украинским рубахам, чем к белорусским—с верховьев Днепра. Таким образом, Трубчевский район по своим рубахам связан с теми культурными потоками, которые были общи низовьям Десны и, отчасти, верховьям Днепра.

Подтипом 2-го и 3-го типа рубахи явится рубаха с прямым поликом, пришитым по основе в разрез по средине полотнищ, так, как мы видели у рубахи с косым поликом и с ташками. Эта рубаха своей формой полика могла бы быть отнесена к рубахе с прямыми поликами, но по способу его вшивания, а, главное, по своему генезису связана с рубахой с косым поликом. Как удалось окончательно выяснить—по словам местного населения в д. Гуличи,—прямой полик в этой рубашке стал вшиваться лишь тогда, когда появились рубашки с прямыми поликами, пришитыми по утоку, называемые здесь „п о л ь к и", а также это стало делаться, как упрощение, чтоб не кроить углов для косого полика, применяемое для рубах будничных, старушечьих, которые не хотели перейти к рубашкам, вошедшим в моду у молодежи, не могли расстаться с ташками спусками плеча.

Такие рубахи известны всюду, где есть рубаха с косым поликом—в одних местах они окончательно вытеснили 2-ые—(Лихвин, Козел. у.), этот процесс, вероятно, также произошел и в районе, изученном Н. П. Гринковой (см. Материалы по этнографии т. III, в. 2) в других бытуют вместе—(с. Русаново, Зимницы, Бояновичи и др.).

4-й тип рубах—известный на нашей территории—это рубаха без „полик“ (рукав непосредственно пришивается к обшивке ворота). Этот подтип встречается всюду, где известна рубаха с прямым поликом, как старый тип (Козельский у., д. Дешевки, Никольское, Макарово, Вырек, Семерево, Придино). Рукав в таких случаях делается из покупного материала, что наводит на мысль о ее позднейшем происхождении, о замене ее рубахой с прямым поликом. Об этом же говорит и наличие ее у молодых и отсутствие у старых. Но не к таким выводам мы приходим при изучении Смоленской губ., Сычевского у., где я встретила старинный тип рубах, с рукавами, кроенными по „топорному“, вместе с поликами. У меня является мысль, что для районов Калужского и Лихвинского уездов, где смешан тип в плане изб—изб с южно-великорусским планом и средне-великорусским—не является ли древней и рубаха, покроя по „топорному“. В тот момент, когда я была в этих селах, я еще не подозревала существования этого типа рубах. Хорошо было бы, если бы местные краеведы проверили эти предположения.

5-й тип рубах, встреченный на изученной территории—это рубаха из двух полос покупной материи, с рукавами, пришитыми к бокам, с воротом в сборку (см. рис. № 8, из д. Новоселки). Новый тип, носимый вместе с прямым сарафаном, назыв. „манишка“—позднейшее наслоение, шедшее в связи с распространением покупного материала и прямых сарафанов.

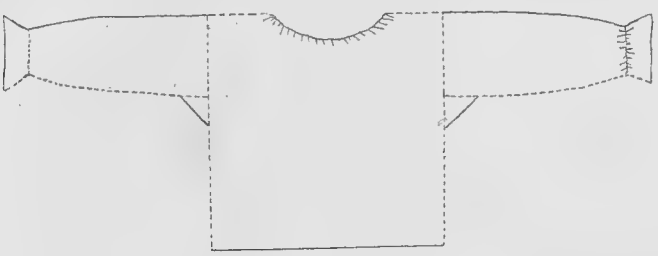

Рис. № 8.

Рубахи разных типов в то же время обладают общими чертами. Рубахи разделяются на рубахи с подставкой и без подставки; вторые называются „суцельные“ (Бояновичи), „одностенные“ (Никольское), „чехлик“ (Алексеевка).

1-я разновидность является более новой формой сравнительно со 2-й, она появилась в связи с употреблением нового покупного материала—ситца, сатина. Покупной материал считают нарядным, но в то же время мало доступным по своей цене, поэтому из него шьют лишь части, наиболее видные—рукава, полика и верхнюю часть стана; употребление „подставок“ и при рубахах, сшитых из „свойского“ холста, диктуется теми же экономическими соображениями. На подставок идет или конопный холст, или льняной, более грубый. Рубахи свадебные, похоронные (все рубахи, связанные с обрядовой жизнью), покосные всегда шьются из целых полотнищ, что также говорит об их древности сравнительно с рубахами с подставком. Рубахи короткие также называются „чехлик“ (Рябчевск, Никольское, Макарово).

По фасону рукавов рубахи разделяются на 2 группы: на рубахи с клинастыми рукавами, „разрезные“ и рубахи с „суцельными“ рукавами из цельных полотнищ.

1-ые рукава кроются следующим образом (см. выкройку № 9). Клинушек а, отрезанный от одного края полотнища, подставляется к другому краю, который служит верхней частью рукава, отчего рукав получается суживающимся книзу. Такие рукава пришиваются

без ластовиц и бывали, судя по воспоминаниям старух, и длинными. Этот тип рукава свойственен 2-му и 3-му типам рубах и повсеместно является старинным, теперь вытесняемым, цельным рукавом, который шьется из 1, $1^1/_4$ и $1^1/_2$ полотнищ, сверху пришивается без сбор, внизу же оканчивается сборами и узкой обшивкой, обшлагом, называемым „шлагом“ (Кцынь), „шаголом“ (Булатово), „зарукавником“ (Рябчевск), „подрукавником“ (д. Алексеевка) или оборкой, называемой „манжетой“ (Бокеевка, Новый Свет), „брыжжечкой“ (Гамаюнщина).

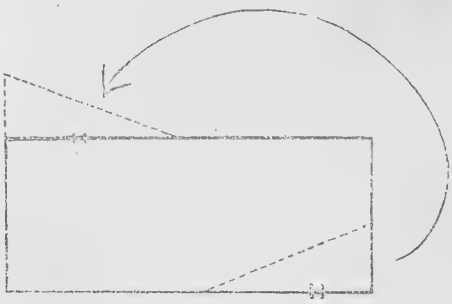

Рис. № 9.

На нашей территории цельные рукава являются позднейшим вторичным наслоением, но для Украины и для южных славян—единственно известной формой. Таким же древним покроем они являются и для рубах Трубчевского района. Особенностью всех рубах является наличие украшения на подоле, поликах и рукавах. Однако, оно не всегда одинаково. Наиболее широко распространенным способом украшения подола, рукавов и поликов является затыкание красной бумагой. Есть два способа затыкания: „закладная“ техника и „браная“. 1-я заключается в том, что для утока употребляются

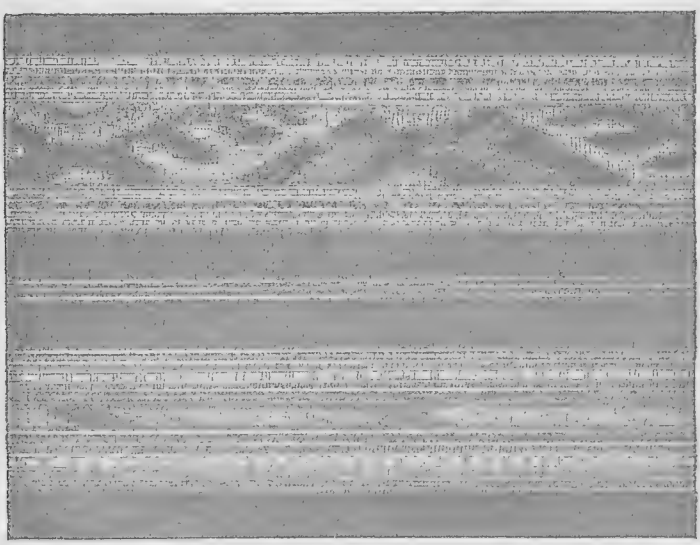

Рис. № 10.

Рис. № 11.

разных цветов нитки; нитки одного цвета доходят до определенного места, далее берется нитка другого цвета, потом опять первого. При перемене зева все нитки поворачивают назад—по местам их поворота, так как здесь уток наиболее стягивает основу, получаются отверстия (см. рис. № 10, узор „крюки“, рубашки из д. Алексеевка и рис. № 11 узор „косяки“).

Эта техника тканья распространена, главным образом, в Рязан. губ. (Касим., Сапожк. у. у.), в Тамбов. губ. (Шацкий, Кирсан у. у.), у татар касимовских и азеевских, у татар казанских и крымских, а также у таджиков; в нашем Полесье они известны лишь в Навльской волости (Алексеевка, Бяково). Эта техника говорит о связях групп южно-великоруссов с турецкой, средне-азиатской средой. Эта техника неизвестна ни Украине, ни Белоруссии, ни южно-славянам, кроме Болгар, что особенно характерно, т.-е. такая же возможная связь, которая была указана В. В. Богдановым относительно бисерных украшений и других отличительных черт южно-великорусского костюма (см. его статью „К истории женского южно-великорусского костюма"). 2-я техника называется „браная"—от слова брать—выбирать. Заключается она в том, что сзади за бердом отдельные нити основы выбираются по счету, перекладываясь прутиком или перевязываясь добавочными петлями из ниток. Ткут при помощи двух утоков. Нажимают подножку—образуется зев, пропускают белый уток, после того, под группу перевязанных ниток подкладывают ребром дощечку, группа ниток выбранных поднимается, пропускают 2-й уток—красный,—прибивают бердом. После этого опускают дощечку, кладут ее плашмя и нажимают 2-ю подножку, пропускают белый уток, дощечку подкладывают под следующую группу выбранных ниток, ставят ребром и т. д. Вследствие того, что добавочный зев образуется при помощи дощечки, часто и способ тканья на дощечке называется тканьем „на дощечке". Часто дощечки называют „бральницами", отчего и техника тканья называется „браной". В зависимости от того, чтобы образовать полный узор, сколько раз приходится подкладывать дощечку, узор называется, в 3 дощечки, в 5—7—10—20, при чем это называют от $^1/_2$ узора, т. к. 2-я его часть всегда является обратным повторением 1-й его половины. Примером набора узора может служить заправка ткацкого стана, привезенного мною для Центрального Музея Народоведения из Смоленской губ., из д. Щербино, Ельнинского уезда (инв. № I, 1374). Заправлен узор, называемый „круг" (см. рис. № 12) в 8 дощечек:

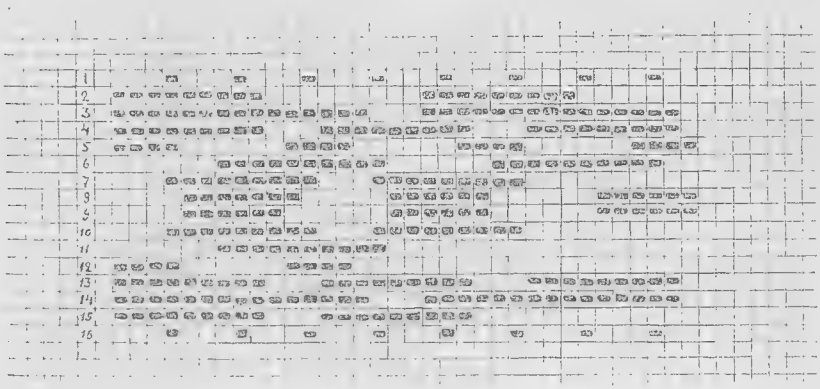

Рис. № 12.

1-й ряд выбран и подвязан петлями (количество подвязанных ниток записано терминами, которыми говорила Мария Семеновна, называвшая узор, одна из ткачих, помнящих как это делать) со всей основы, 4-я через каждые 3 нитки, 2-й ряд—три нитки вниз, 3 нитки вверх—подвязываются петлями; 3-й ряд—5 пар по три вниз

и 1 пара по три вверх, подвязываются; 4-й ряд—3 пары наверх, 1 пара вниз, опускаются; 5-й ряд—две пары вверх, подвязываются, 3 пары вниз опускаются; 6-й ряд—3 вниз подвязываются, 5 вверх, 3 вниз, 2 вверх, подвязываются и 7 ряд—1 пара вниз, 3 пары вверх подвязываются; 8-й ряд—4 нитки с конца вниз, потом 3 пары вверх, 3 пары вниз. 2-я половина узора начнется с подкладывания дощечки под группу ниток, выбранных в 8 ряду, потом под группу ниток, выбранных в 7-м ряду и так до 1-го. Набирание—процесс медленный. Чтобы набрать указанный узор для холста, шириною в 5 пасм (270 ниток) было потрачено 6 часов. Но раз узор набран, то с небольшими промежутками можно наткать большое количество одинакового узора, полосы которого, будучи разрезаны, могут быть пришиваемы к разным вещам. Но это не всегда делается—дело в том, что для каждой вещи нужен свой узор. Если бы ткачиха наткала 200 одинаковых полос, то не сможет их употребить в течение многих лет, к тому же запасной красной покупной бумаги не бывает достаточно, чтобы ткать прозапас, да и пришивные полосы считаются худшими, чем непосредственно вытканные с полотнищем, предназначенным для той или другой вещи. Поэтому ткачиха заранее рассчитывает, какой длины будет рубаха, чтобы через известное количество нитей утока пропустить узор, заранее высчитывает, сколько нужно бранок для полика, для рукава, поэтому готовый холст представляет из себя белое поле, прерываемое на разных расстояниях забранными полосами—это результат не небрежности, а расчетливости и жизненной мудрости ткачихи.

Сама техника бранья интересна тем, что здесь к станку с ремизками и подножками для получения добавочного зева применяется прием, который в истории развития ткацкого станка предшествовал развитию ремизки и бедра (см. Б. А. Куфтин „Киргиз-казаки". Москва, 1925 г. и „Материальная культура русской Мещеры", стр. 59), и который до сих пор сохранился у киргизов-казаков (см. ткацкий станок в киргизской юрте Ц. М. Н.) и у черкесов (см. Ц. М. Н., ткацкий станок, привезенный Е. М. Шиллингом в 1926 г.). Среди восточных славян техника бранья широко распространена для украшений полотенцев и рубах, даже помимо красной бумаги. „Бранье" распространено у южно-великоруссов, северо-великоруссов и белоруссов, у последних как то мало было известно бранье. Во время моей поездки по Витебской губернии (зимой 1927 года) пришлось отметить широко распространенный обычай выбирать узоры, аналогичные южно-великоруссам. В Старом Селе, у одной бывшей местной учительницы А. А. Острейко, имеется богатый альбом с выборками. Выбиранье среди белоруссов широко известно в Минской губернии (см. колл. Ц. М. Н. костюм из бывш. Пинского уезда). Но на ряду с затыканием красных узоров эта техника применяется и при тканье узорной одноцветной и 2-х—3-х цветной ткани-скатертей и плахт у украинцев и понев и скатертей Смоленской губ. (см. колл. Тенишевского музея, поневы № 5789). Есть две техники тканья плахт: на подножках, при помощи дощечек, как мы видели, ткут затканки, разница лишь в том, что употребляется один уток, а не два. (сохранилось до сих пор в Черниговщине, известно было и в Полтавщине) и на куколках. В последнем случае узор перебирается цветной ниткой, по счету ниток, как бы вышивается, это техника более новая, распространившаяся, главным образом, в Полтавщине. Бранье-скатертей же является очень древним приемом—браные скатерти известны в былинном эпосе.

Таким образом, браная техника известна в двух разновидностях— выбирание узора, как украшение, и затыкание добавочным 2-м утоком и тканье узора без 2-го утока. 1-я известна северо-великоруссам, южно-великоруссам и белоруссам, 2-я всем группам восточных славян. Закладные и браные затканки размещаются по подолу, поперек рукава в верхней его части и внизу, из затканки делается часто и весь полик. Украшение этих частей рубах свойственно всем районам, наиболее слабое украшение подола мы замечаем в б. Бутчинской волости и здесь чаще всего делается просто 2—3 красные полоски—в уток пропущены красные нитки, но здесь есть другой способ украшения подола — это „росшва". При месте сшива полотнищ оставляется внизу разрез, который заплетается синей или красной ниткой при помощи иглы петельками, аналогично тем, которые делают при плетении сетей—это называется „росшивка развязная". Принцип того же украшения подола — отметка внизу места сшива полотнищ—виден и на рубахе из д. Литовки (см. рис. № 4), где при сшитом уже полотнище подола кверху нашиваются полосы из кумача. Украшение, таким образом, подола особенно широко распространено в Смоленской губ., в Бельском уезде, Духовщинск. и Смолен. у. (см. Ц. М. Н. рубаха из д. В. Немыкапари и рубашки оттуда же Тенишевского музея, при чем там этот способ украшения применяется не только к нижним рубахам, но и к нагрудникам (см. № 5794 Тенишевского музея). Аналогичные украшения по подолу мы встречаем у мордовских рубах (Мордва-Мокша, Мордва Шокининской волости, Темник. у. Тамбов. губ.), на древне-русских рубахах, выставленных в Историческом музее на выставке древнерусских тканей, на рубашке царевича Димитрия, на византийских; во всяком случае, это очень большой архаизм, связанный с рубахами туникообразного покроя и перенесенный, вероятно, на рубахи с поликами. По украшению подола — рубашки резко различаются на бабьи и девичьи. В Гуличах, Рековичах, Салыни девичьи рубашки называются „круглыми", так как на них украшения делаются вокруг всего подола; у бабьих рубах украшается подол лишь по передним двум полотнищам, так как задние не видны за поневой.

Украшение при помощи затканок рукава, подола и полика заменяется вставками прошивок „харбот" (Бояновичи), вышивкой крестом красной и черной бумагой (Бокеевка, Литовня, Гамаюнщина), что датируется, приблизительно 30—40 г. г. 19-го столетия и связано с появлением так называемых мыльных узоров—узоров бесплатного приложения к Брокаровскому мылу или просто заменяется покупным ситцем (Бокеевка), из которого шьются и рукава и полика, полоска которого нашивается по подолу. На ряду с затканкой старинным способом украшения является вышивание известны две старинные техники: „бранье" (нитка выбирается иголкой) и гладь. Очень старинное вышивание шерстью и шелком не встретила, но бумагой кое-где сохранилось, образцом может служить рубаха Ц. М. Н. № 1320 из с. Рекович с узором „баранчики". Рубахи старушечьи погребальные, траурные и свадебные украшений подолов не имеют.

По воротнику, рубахи изученного района можно разделить на 2 группы: 1) рубашка сверху в сборку на узкой обшивке, называемой „восшивка" (Алексеевка, Новый Свет, Гамаюнщина) и „передня" (Рябчевск) и во вторых,—рубаха с откладным воротником, называемым также „передня" (Рябчевск); 1-й тип ворота известен на всей изученной территории, 2-й же в Салтановке, Глинном, Зеленухове, Пролысове, Сытенках, Вздружном, Трубчевском

районе и в Клетновской волости, в Салыни. Этот откладной воротник также известен у белоруссов Могилевской губернии (мне приходилось наблюдать в Чечерской волости, б. Гомельской губ., в Витебской г., где Никифоровский считает ее польским влиянием (см. Никифоровский—Очерки простонародного житья-бытья). Рубаху с откладным воротом Д. К. Зеленин считает польской рубахой (Ostslawische Volkskunde); она известна также у украинцев (Новг-Север. у.), по наблюдениям 1926 года у литовцев, поляков. Среди великоруссов откладной ворот известен у рязанских однодворцев, в Сапожковском, Данковском, Раненбургском у.у., у тамбовских однодворцев (Липецкий у.), у однодворцев Воронежской губ., по Дону (см. костюм, привезенный Н. П. Гринковой. Русский музей в 1925 г.) и он всюду сопровождается полосатой юбкой, типа белорусского „андарака". Но вся однодворческая масса впитывала в себя польско-литовские культурные влияния (см. Д. К. Зеленин „Великорусские говоры") и наличие андараков и откладной воротник я считаю одной из групп этих влияний (см. мою работу „Народный костюм Рязан. губ."). Таким образом, наличие откладных воротников ставит в связь небольшой район изученной территории с позднейшим польско-литовским влиянием, которое, в свою очередь, может быть, эти воротники заимствовало из культурных влияний запада, где в 16—17 вв. были очень распространены большие воротники.

Способ застегивания воротника очень разнообразен; известно пришивание двух тесемок (Ц. М. Н. № 637). Встречается также прорезывание двух петель, называемых „застюжка" (с. Рябчевск) и продергивание через них цветной тесьмы (тоже, что встречаем у современных украинцев и белоруссов), или пришивание „медной пуговицы", которую в с. Русанове называют „демидовской", так как их очень широко употребляли во время крепостного права, когда были крепостными местного заводчика Демидова. Встречаются и петли из дерганного на пальцах шнура (Новый Свет, Ржаново). (Технику дергания см. далее при описании дергания гашника у поневы и обор), а более новая застежка это покупная, стеклянная или кокосовая пуговица и прорезная петля.

Обшивка ворота обычно украшается вышивкой красной бумагой, техника вышивания—бранье иглой, узоры „кривушки" (см. № 1320 Ц. М. Н. рубашки из с. Рековичи).

Откладной воротник обычно ничем не украшается, в более новых рубахах наблюдается вышивка крестом красной и черной бумагой.

Материалом для рубах на изученной территории служит холст льняной. Для праздничных употребляется более тонкий, для будничных более толстый. В с. Макарове рубашки из тонких льняных ниток назывались „пониток", из толстых льняных или толстых посконных—„рубахой". Конопля „замашки", т.-е. посконь, стебли с тычинковыми цветами, тоже идет на рубахи, и ее употребление довольно распространено. Более новым материалом является холст „бумажный": основа—лен, уток—покупная бумага. Этот холст плохо отмывается, но, несмотря на это, очень ценится местным населением, считается модным. Все рубахи для „Великого Дня" (Пасха) и Духова Дня шьются из этого холста. Бумажный холст наиболее распространен в тех районах, где больше связи с рынком, где покупной материал начинает вытеснять „самоделок" (Гамаюнщина, окрестности Козельска д. Дешевки, окрестности станции Навли). В глухих местах, как Бояновичи, Подбужье, Зимница бумажный холст реже встречается.

Ширина приготовляемого холста 37—38 (холст в 8—10 пасм, пасма 30 ниток или 10 численок, численка—3 нитки). Найти холст в 15—16 пасм—редкость, он встречается лишь у старух в с. Бояновичи, Пеневичи и приготовлялся для ширинок—головных уборов. Длину холста измеряют стенами, т.-е длиной стены избы, по которой снуют; стена содержит 5—8 аршин, при разрезании холста меряют „локтями", т.-е длина руки от сжатого кулака до локтя, это—длина различная, в зависимости от длины руки меряющей.

Не стану подробно останавливаться на процессе обработки льна и конопли и на тех обрядах, которые связываются с тем, чтобы вызвать лучший урожай льна: как-то—сеяние конопли в разной обуви (Подбужье), ношение семян льна в мужских портках (с. Клюксы), во время посева льна стлание портков во всю длину на полосе (Берестня), бросанье вверх яиц (Вздружное) при засеве льна бросание ложек кверху на праздник Жен Мироносиц—после сѣдания яичницы (Клюксы) и т. д. Это явится содержанием другой моей работы (прядение и ткачество восточных славян), я остановлюсь лишь на основных моментах и главных орудиях прядения и ткачества, которые встречаются на изученной территории.

Выдернутый лен и коноплю-моченец молотят при помощи валька, который употребляется при полоскании белья, называемый „пральник". Обмолоченный лен стелют на лугу. Лен лежит недели три на одной стороне и столько же на другой. Продолжительность лежания зависит от погоды. Когда лен подымут, то вяжут его в большие снопы, складывают в „копы" (100 снопов в каждой) и затем сушат в овине. Чтобы получить волокно, мнут на мялке. Есть 2 типа мялок: „корневые мялки" и мялки с „ножками". Тот и другой тип часто встречается в одних и тех же селах по всему району, только 1-й является более старинным перед 2-м. 1-й вид мялки состоит из круглого бревна с 2-мя ножками с одной стороны, которые образованы корнями дерева, из которого сделана вся мялка. Вся эта часть мялки называется „ножки". Мялка делается из цельного дерева вместе с корнями, отчего и называется „корневой". Посредине бревна делается прорез, в который вставляется деревянное „било" (см. рис. № 13, мялка из Нового села).

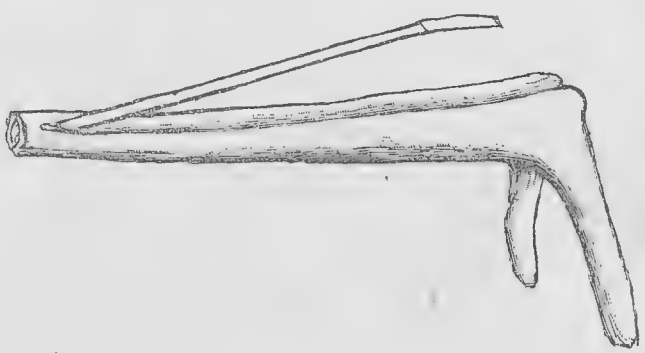

Рис. № 13.

Так как этот тип мялки имеет ножки с одной стороны, то она всегда лежит в наклонном положении, поэтому во время работы приходится работать на ней или в наклонном положении, или класть другой ее конец на подставленную лавку. Мялка второго типа состоит из того же бревна с билом, укрепленного на 4-х ножках, вставленных отдельно. Чтобы лен сделать мягким и чистым от костры, его толкут в ступе толкачами, потом вытряхивают костру при помощи трепала—ножевидной деревянной пластинки. Отделившиеся грубые волокна называются „пакля", их не прядут. Количество трепанного льна измеряется „повесмами", повесма равняется

10 горстям, весит 6—7 фун. (д. Алексеевка, с. Мокрое), 20 горстям (д. Местковичи). Перед прядением лен „мычат", т.-е. расчесывают деревянным гребнем, или щеткой из свиной щетины, получается два сорта льна: очески „хлопок"—мягкий лен, худший сорт, и „кудель" „мычка"—длинное основное волокно. Прядение, производится так. Приготовленный лен привязывают к гребню, в то время как шерсть привязывают к прялице. Наиболее старинный тип прялицы удалось встретить в д. Зимницы и д. Гуличи. Прялица представляет из себя лопатку длиною до 4-х вершков, шириной до $3^1/_2$ с длинною в полтора метра ручкой. Прялица втыкается в лавку или в землю, если прядут на улице, или просто за пояс пряхи, когда прядут на ходу. Чаще всего встречаются прялицы лопатообразной формы, соединенной с донцем или рогатки. Помнят прялицы корневые, которые вырезались из цельного дерева, вырытого с корнем, и которые, благодаря изгибу корня, могли дать и прялицу, и донце. Прядут и лен и шерсть при помощи веретена. Этот способ прядения выходит из моды, им умеют прясть лишь старухи. Левой рукой дергается мочка, три пальца правой руки крутят веретено. Когда нитка достигнет саженной длины, т.-е. длины протянутых обеих рук пряхи, то пряха приостанавливает дерганье мочки, ставит веретено на колена, снимает с конца его петлю, а пряденную нитку наматывает на левую руку, с которой перематывает на веретено, завязывается петлей на веретене, и начинается вновь дерганье мочки и кручение веретена. Веретена на изученной территории известны с бородками, т.-е. с выпуклой шишкой на нижнем конце. В д. Зимницы сохранилось очень старинное добавление к веретену, „котелка", т.-е. пряслица (см. рис. № 14, из М. Ц. П. О. № 681), каменная черного цвета; откуда брались прялицы никто не помнит. Прялица надевается на верхнюю часть веретена и, по сведениям от прях, содействует его кручению. Прялица является старинным добавлением к веретену во всех славянских городищах и в курганных погребениях. Глиняные прялицы встречаются на территории Европейской России даже в эпоху бронзы (см. материалы по стоянке Подборное, Касимовского уезда, Ряз. губ. в М. Ц. П. О. и в Касимовском музее). Среди современных великоруссов и их соседей мне удавалось встречать прялицы в Елатомской волости, Рязан. губ., в с. Ватранцы, а Б. А. Куфтиным были найдены также прялицы у касимовских татар. Здесь прялицы глиняные, бочковидной формы, остроребериые, приготовлялись еще недавно местными гончарами. Разнятся наши прялицы от Рязанских и в способе надевания: Рязанские надеваются на веретено без „бородки", т.-е. веретено представляет из себя круглую палочку с меньшим диаметром на обоих концах, прялица надевается на конец, который во время работы обращен книзу; наши же прялицы надеты на верхний конец веретена с бородкой.

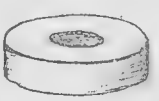

Рис. № 14.

Прядение на веретене в настоящее время заменилось самопрялкой, известной под названием „прялки". Прялки встречаются в 2-х разновидностях: „стояк" и „лежак". „Стояк" также называется „немка" (д. Местковичи), что, может быть, указывает на его происхождение.

Части самопрялки „самопрятки" называются: остов,—„ножки", и станок, подножки, которые нажимают ногой—„мосток", деревянная дощечка, соединяющая мосток с кругом—„погонялка", шпулька для наматывания ниток—„шпуля", круги, надетые на шпульку—„подшпуль-

ники", деревянный полукруг, в который вкладывается шпулька—„рогач", веревка, соединяющая подшпульники с большим кругом—„струна" (д. Местковичи).

Основная разница между ними в том, что у „стояка" катушка, на которой наматывается нить, лежит над колесом, а у „лежака" помещается на одной линии с колесом по горизонтали; в зависимости от этого замечается разница и в конструкции „стойки". Основной принцип самопрялки—ременная передача: движение подножки, вращая большое колесо, заставляет вращаться шпульку. Количество оборотов шпульки будет во столько раз больше, во сколько диаметр шпульки меньше диаметра колеса. В одних районах встречаются самопрялки „лежаки", в других „стояки", в третьих и те, и другие. Самопрялки „стояки" известны в районе, поставщиком для которого является г. Медынь и Тихонова Пустынь, а на изученной мною территории в Гамаюнщине—Макарово, Никольское. „Лежаки" известны в Бякове, Алексеевке. В Обухове изготовляются и те, и другие, при чем приноравливаются к спросу на них по соседним селам, приготовляя для одних сел один тип, для других другой. В Дабуже и в Новом Селе встречается и тот, и другой тип, при чем „лежак" стариннее „стояка". Самопрялка по своему происхождению связана с западом, где была она изобретена еще в 15 веке. Первое ее появление у нас связано с 1762 г. для Вологодской губ. (см. статью Воронова „Прядение и ткачество Вологодской губ.", в „Трудах Вольно-Экономического О-ва", 1861, в. 2-й). Для изучаемой территории время появления ее установить не удалось. Одно можно сказать, что широкое ее распространение произошло на памяти живущего поколения. Старухи 60—70-ти лет все учились прясть на веретене. Однако, это не исключает возможности применения самопрялки в более раннее время—она была в девичьей у помещиков во время крепостного права и у наиболее зажиточных слоев крестьян. Что касается наличия двух типов самопрялки, то, если установить границы их распространения, возможно, что они укажут на два культурных источника, откуда они пришли. Имеющийся в моем распоряжении материал Ц.М.Н. отмечает прялку „стояк" у северо-великоруссов, и украинцев исключительно, как единственный тип; у южно-великоруссов и белоруссов—и тот и другой тип, при чем „лежак" более старинный, „стояк" более новый.

Отпряденные нитки, если они идут на уток и если их не нужно красить, перематываются на клубок, с которого м о т а ю т на „цевки". Цевкой называется трубочка из липовой коры, которая вставляется внутрь челнока. Цевки мотают руками всегда дети, или при помощи самопрялки, надевая их на конец шпульки, или при помощи „цевницы". Цевница представляет из себя четырехугольный ящик, длиною вершков 6, шириною вершка 3. Узкие боковые стенки делаются несколько выше и в них вставляется стержень с колесиком, диаметром вершка 3, на край стержня надевается „цевка", и колесико вертят, нажимая его ладонью (см. рис. в статье Воронова—„Прядение и ткачество в Вологодской губ."). Нитки, предназначенные для основы или крашения, перематываются на „тальки", „костыльки". Тальки—палочки или с одного конца с вилкой, с другого с перпендикулярной палочкой, прикрепленной своей серединой, или с перпендикулярными палочками с обоих концов. Тальки разделяются на две группы по своей длине: тальки и полутальки. Длина полутальки—„локоть", т.-е. расстояние от сжатого кулака до локтя. Талька равняется трем или двум полуталькам, по желанию ткачихи. При разматывании

на тальки нужно различать по пасмам количество пряжи, чтобы знать, во сколько стен сновать „кросна“, а также для того, чтобы нитки, перевязанные в пасмы, равно окрасились и не перепутались. Употребление талек применяется у помещичьих крестьян, —говорят: „пряли на барина, чтобы лучше учитывать было материал, господа вводили тальки“. С барского двора тальки проникли и в деревню. У казенных крестьян, чаще всего мотание ниток, вместо талек, происходит по столу. Нитки из пасм разматываются при помощи моталок. Моталки встречаются 2-х типов: „рамчатые“ и типа „мотовила“. 1-ые представляют из себя две рамы в 1 кв. арш., вложенные перпендикулярно друг в друга. В месте их пересечения просверливается круглое отверстие, в которое вдевается палка с ручкой, острый конец палки втыкается в стену; при помощи ручки рама вращается, и надеванные на нее нитки с пасм перематываются на клубок. Второй тип моталки „разматка“ представляет из себя стержень до 1 аршина высотою, укрепленный в крестообразную подставку или в толстое бревно, называемое „ступа“. Сверх стержня вбит гвоздь, на который надеваются две взаимно-перпендикулярные пластинки, длиною до аршина, эти пластинки называются „крест“, на концах креста, в дырочки вставляются палочки или веретена, на которые надевают мотки ниток в пасмах. При мотании ниток на клубок крест вертится, что и облегчает процесс разматывания. Мотают с мотовила или на клубок, или на барабан, т.-е. цилиндр из луба. Последний употребляется редко; он нужен бывает при рамочной сновалке, которая, в свою очередь, весьма редкое явление на изученной территории. Самый распространенный способ снования—снование по стене. В стену втыкаются колышки на расстоянии друг от друга вверху 15—20 сант., на другом конце стены расположен ряд колышков, параллейных 1-му ряду. Расстояние между 1-м рядом и 2-м рядом колышков 5—8 арш, в зависимости от длины стены избы, по которой снуют. Между колышком № 1 и колышком № 1а (см. рис. № 15) вставляется добавочный колышек, воткнутый в стену. Снуют по 2 нитки сразу с двух клубков, которые валяются на полу или в решете. Обе нитки продеваются через маленькую дощечку, называемую „лопаткой“; оба конца связываются вместе, нитки перекидываются через деревянный крюк или куриную грудинку, воткнутую в матицу. Вместо „лопатки“ иногда употребляют так называемый „юрок“, задача которого такая же, как и лопатки—в момент снования об'единять обе нитки. Начинают сновать с колышка № 1-й; когда доходят до колышка С, то нитки раз'единяют: одну нитку пускают под колышек, другую над колышком, далее обе нитки ведут к колышку № 1а, таким образом, получалась длина одной стены; от колышка № 1а нитку ведут к колышку № 2—получается две стены; от колышка № 2 к колышку № 2 а (получилось три стены), от колышка № 2 а ведут к колышку № 3 (получилось 4 стены) и т. д. Итак, чтобы сновать холст в одну стену, нужно три колышка, чтобы сновать холст в две стены нужно 4 колышка, чтобы в 3 стены—нужно пять колышков и т. д. Колышек С нужен, чтобы раз'единять будущий зев, в нем по обе стороны, в петли Ц будут вложены

Рис. № 15.

палочки, называемые „цены“, около него завязываются пасмы, и ткачихой во время снования ведется счет основных ниток. Когда при сновании дойдут до последнего колышка, напр. № 3а, то возвращаются назад, идя от № 3а к № 3, от № 3 к № 2а, от № 2а к № 2 и т. д. Когда дойдут до колышка С, то обе нитки кладут кверху от него. Когда пойдут обратно от колышка № 1, то обе нитки положат под колышек С и т. д. Этот способ снования вызывает постоянное метание ткачихи от одного колышка к другому, отчего работа очень утомительна и долго тянется. Чтобы основать холст в 10 пасм длиною в 12 стен, нужно совершить 300 × 12 движений от 1-го ряда до 2-го ряда колышков, что составит при 8-арш. стене 19½ верст. Полный холст считается длиною в 12 стен, но бывает и короче. Холст в 12 стен является полномерным холстом и называется „кросна“. Основу начинают снимать с верхнего колышка (№ 3а), с так называемого глухого конца, продевая основанные пряди петлями (см. рис. № 16). Полученную, таким образом, основу, сложенную в виде косы, обливают горячей водой и немилосердно бьют „пральником“, т.-е. вальком. Обливание основы горячей водой считается необходимым, чтобы основа не рвалась во время тканья. После обливания основу сушат, а на другой день начинают набивать на стан.

Рис. № 16.

Второй тип сновалок—это рамочные сновалки. Они состоят из 2-х рам взаимно перпендикулярных, шириною до 1½ метров, высотою до 2-х метров. Рамы вертятся вокруг столба. Один круг нитки, положенный на раму, дает стену, равную 9 аршинам. Для разделения ниток для зева служит вилочка, которая находится у нижнего края одной рамы. Преимущество этой сновалки в том, что ткачихе самой ходить не приходится, и ее движения для снования каждой стены заменяются движением рамы. Таких сновалок очень мало, они встречаются в подгородних деревнях и насчитываются единицами.

Навивание на стан заключается в закатывании всей основы на „навой“, в продергивании первой группы ниток зева через один „нит“, и другой группы через другой нит, и в пропускании двух ниток (по одной из каждой группы) между каждыми двумя соседними тростями берда. Бердо состоит из рамы и тростей, расположенных в ней параллельно друг к другу. Количество тростей зависит от ширины вырабатываемого холста, т.-е. от количества ниток в основе, напр. на 10 пасм, на 12 пасм и т. д.

После снования и снятия со стены переходят к навивке на стан.

Основные части „стана“—„ставы“ (дер. Алексеевка) или „станины“ (с. Новое)—две рамы, которые служат основанием стана. Ставы бывают 2-х типов: „с поднебником“ или без „поднебника“. „Поднебником“ называется параллельная сновании дощечка, на которую укрепляется „нит“ и „берда“. В зависимости от конструкции „ставов“ и ткацкие станки разделяются на станки с „поднебником“ и без „поднебника“, у последнего типа станков „нит“ и „набилки“ укрепляются к кольцам, вбитым в потолок, или к петлям из веревки и лыка, привязанным к гвоздям на потолке. Спереди на ставы кла-

дется вал, называемый „пришва холщевая“, которая служит для накатывания уже готового холста. На задние части „ставов“ кладется второй вал, называемый „пряжная пришва“ или „навой“. Между обоими пришвами помещается „нит“ и набилки с „бердом“.

Нит представляет из себя два параллельных прутика, соединенных между собой двумя рядами нитяных петель, которые продеты друг через друга, т.-е. верхний ряд петель через нижний ряд петель. „Нит“ делается следующим образом: берется дощечка, на нее навязываются петли; когда дощечка вся заполнена петлями, на ее месте укрепляется прутик (см. рис. № 17). Начинают делать 2-й ряд петель, но уже зацепляя каждую за одну из готовых петель (см. рис. № 18). Такое расположение петель необходимо при движении нита, чтобы образовать „зев“. При навивании основы для тканья на 2-х нитах, одну нитку основы пропускают через верхнюю петлю „нита“ № 1 и между петлями в ните № 2; вторую нитку пропускают между петлями нита № 1 и в нижнюю петлю нита № 2. При помощи веревок „нит“ 1-й подвязывается к 1-й подножке, нит 2-й ко второй, сверху веревка проходит через „блочки“, называемые „каточки“ (д. Зимницы) или „чапелки“ (д. Снопоть), или соединяется палочкой или гусиной косточкой, называемой „собачка“. При нажиме подножки № 1 все нити основы, пропущенные через верхние петли „нита“ № 1-й, поднимаются кверху, образуется „зев“. При нажиме подножки № 2 нити, пропущенные через „нит“ № 2 его нижней петли, поднимаются кверху—образуется 2-й зев. Для тканья узорного холста употребляют 4—8—12 подножек.

Рис. № 17.

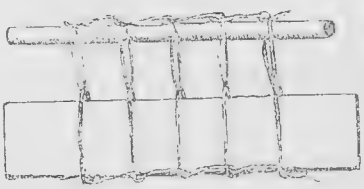

Рис. № 18.

Добавочными частями к стану являются „сапрон“ и „упруг“ (с. Новое), называемые в Журавинке „танька“ и „ванька“, в Меерovичах—„кобелек“, в Ивановичах--„масол“. „Сапрон“—дощечка с прорезом в середине, в который (прорез) вставляется другая дощечка; они нужны, чтобы „навой“ не вертелся произвольно. Для удержания полотняного „навоя“ употребляется „рябушка“ -дощечка, которая вставляется в головку „навоя“ и затыкается гвоздем. (Новое село). Для пропускания утка служит челнок. Челнок встречается в 3-х типах: 1-й употребляется для тканья дерюг, т.-е. половиков, при затыкании их полосами старого ситца или толстыми прядями хлопка. Этот челнок представляет из себя пластинку до 2 вершков шириною и длиною верш. 6. Один узкий конец его представляет из себя вилочку, 2-й несколько заострен, внутри его прорезан язычек (см. рис. № 19). Это тот тип челнока, который употребляется для плетения сетей. 2-й тип и 3-й употребляются для тканья холста. Они состоят из собственно челнока, из язычка—„пруточка“, палочки внутри его и из цевки—полой трубочки. На цевку наматываются нитки и сама она надевается на язычек и вращается вокруг язычка во время тканья. Разница между 2 и 3 типами заключается в форме самого челнока. 2-я форма, наиболее старинная, представляет из себя четырехуголь-

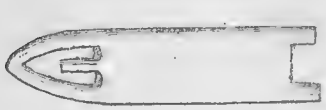

Рис. № 19.

ную пластинку длиною до 4-х вершков, высотою и шириною до 1 вершка, с проделанным вдоль нее отверстием, в которую вкладывается язычек с „цевкой“. Такой тип уже почти исчез, но его помнят старухи (рис. 19а). Его сменил 3-й тип—ладьеобразный челнок, близкий по своей форме к фабричным челнокам.

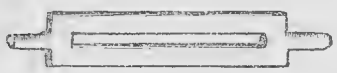

Рис. № 19а.

Итак, рассмотрев рубахи по их составным элементам, всю изученную территорию можно разделить на 3 группы. Первая, наиболее яркая и охватывающая наибольшее пространство—это будет территория с рубахой с косыми поликами, западной границей распространения этой рубахи будут с. Осавик, д. Литовня, с. Рековичи; будет сближать обывателей этой территории с южно-великорусской культурой и указывать, что этнический облик населения в этом районе Полесья создавался под теми общими культурными влияниями, под которыми создавалась культура Рязанской, Тульской губ., культура русской Мещеры. Вторая группа—территория, где рубахи древне-украинского типа, она охватывает маленький угол по правому берегу Десны, с. Уты до Любичи—район, относимый лингвистами к южно-великоруссам (см. карту, составленную Д. К. Зелениным в Ostslawische Volkskunde) с чертами украинских говоров (см. Будде—Говоры Орловской и Тульской губерний); по материалам рубах она безусловно связана с группами населения и культурными влияниями, образовавшими украинскую группу. Третья территория занимает Калужский и Лихвинский у.у., связанные с севером Смоленской губ.; к сожалению, плохо она сохранила старые черты и мною не совсем изучена.

ГЛАВА II.

ПОНЕВА: МАТЕРИАЛ, ТКАНЬЕ, ПОКРОЙ, ТИПЫ.

Понева—набедренная женская одежда, надеваемая непосредственно на рубашку, является характерною одеждою для изученной территории. В одних районах она исчезла, но ее помнят еще старухи, в других она еще является и теперь господствующей частью женского костюма. В одних районах к ней относятся пренебрежительно, заменяя ее ситцевым сарафаном или юбкой, в других ее покупают на соседних базарах из рук тех, кто бросил ее носить, льстясь на рыночную дешевизну. Этим самым теряются характерные признаки в поневе, отличающие одно село от соседних сел, и села превращаются как-бы в сборный музей понев, носимых в округе радиусом чуть-ли не на 50 верст. Из таких сел выделяются деревни, бывш. Бояновичской волости; Хвастовичи—базарный центр этого района, поставляет поневы на всю округу. Сюда проникают поневы даже из-под Козельска, как мы увидим далее, весьма отличные по способу ношения от сел Бояновичской волости, но охотно здесь приобретаемые и носимые на ряду с поневами собственного изготовления. Таким пунктом является станция Навля (Моск. К.-В. ж. д.), с. Пятницкое со своими знаменитыми ярмарками в 10-ю пятницу после Пасхи, с. Песочня. В Зимницах, бывш. Бутчинской волости, берегут свои старинные поневы, считая „зазорным", т.-е. позорным, надевать поневы соседних сел. Наиболее слабо понева выражена в Гамаюнщине около Калуги. Здесь она совсем исчезла, в литературе уже высказывается мнение об отсутствии здесь поневы (см. работу Шереметьевой—„Народный костюм Гамаюнщины", стр. 10). Однако, мне удалось видеть старуху из с. Верховое, которая щеголяла в клетчатой поневе, сшитой из 3-х полотнищ домотканой материи, с прошвой из китайки. Женщина была уроженкой этой деревни и уверяла, что у них поневы носились. Также трудно встретить поневу в районе Ханино—Лихвин, где она заменялась ситцевыми платьями, и в районе Козельск—Сухиничи. Неизвестна она старообрядцам в районе Плахина и Фоминич.

Материал для понев и изготовление понев различаются по всей изученной территории. Понева, встречаемая на изученной территории, обладает следующими чертами. Шьется из домотканой шерстянной материи в клетку. Шерсть, употребляемая для прядения, разделяется на сорта: осенняя, т.-е. полученная от стрижки овец осенью, шерсть весенняя, т.-е. снятая с овец весною, шерсть-поярки, снятая в 1-й раз с молодых ягнят, которых обычно стригут во время Петрова поста, шерсть наиболее мягкая; „волна"—шерсть, смешанная из разных сортов, наиболее часто употребляемая для ниток, которые пойдут для тканья понев. По качеству выработки, нитки не во всех районах одинаковы,—наиболее тщательным прядением отличается д. Дешевки (Козельского уезда). Поневы этой деревни по нитке являются верхом совершенства.

Наибольшей небрежностью в прядении отличается Подбужье (Жиздринского у.); соседние села зовут подбужцев „чумазые“, за неумение хорошо вырабатывать нитки. Различна и сама техника прядения. Одни прядут шерсть с „кудели“ (преобладающее большинство), другие с „гребня“, т.-е. когда шерсть чешут гребнем, при чем тщательно расчесывают несколько раз и надевают на гребень, потом нить тянут с гребня так, как прядут лен. Такое прядение называется прядение в „жилку“. Понева, вытканная из ниток, пряденных в „жилку“, приобретена из с. Бояновичи (Музей Ц. П. О. № 816). Эта техника прядения является самой старинной, которую помнит местное население, и уже теперь она забывается. Основная техника тканья всех понев изученного района—это ткань на 2-х подножках, в 2 „нита“, т.-е. так, как ткут обычно и льняной холст. Однако, обнаружены в 2-х пунктах два очень старинных способа тканья, почти совсем забытых.

1-я техника—закладная техника, аналогичная той, которую мы встречаем на закладках рубах, известная и широко распространенная в восточной части Рязан. губ. (Касимовск., Сапожковский, Шацкий у.), Кирсановский у., Тамбовской губ., на изученной территории Брянской губ.—Алексеевка, Бяково, Пластовое; при тканье узоров для рубах, полотенцев она известна также у касимовских, тамбовских, казанских и крымских татар, под названием „тушавле“ и применяется для тканья койм, для подзоров к кроватям, концов к полотенцам. Известна она и у мордвы Саратовской, у Пензенской и Саратовской Мещеры, применяется также в Средней Азии для тканья ковров без ворса, и в Раненбургском у., Рязанской губ. (для тканья ковров); она, вероятно, связана с средне-азиатскими культурными течениями, проникавшими в южно-великорусскую среду. Техника тканья, применяемая здесь к поневе, заключается в следующем: ткется узор, называемый „тройные лапки“. Чтобы его достигнуть, в уток вводится 3 дополнительных желтых нитки, которые до пересечения цветной полосы основы а (см. рис. № 20, тканье поневы, с. Бояновичи) идут как самостоятельные нити утока, далее проводятся на протяжении половины клетки, как добавочные нити, которые помещаются между нитями утока, благодаря редкости ткани; от места их пересечения с цветной полосой основы идет черный уток, который, дойдя до следующей полосы цветной основы, при нажиме следующей подножки, возвращается назад. Таким образом, поле поневы разделяется на участки, в пределах которых имеем несколько утоков из разного цвета ниток, которые заполняют каждые свой участок; участки такие же, какие мы видели и при закладной технике на холсте при описании рубашек. Но в этой поневе наблюдается еще особенность—это введение цветной желтой нитки между нитками утока без нажима лишний раз подножки, пользуясь редизной ткани, аналогию этому мы видим на тканях кривичей (см. выставка тканей Исторического Музея XI века Смоленск. губ.). Таким образом, наша понева из с. Бояновичи воспроизводит технику тканья славян очень отдаленного времени и может свидетельствовать, что эта техника была

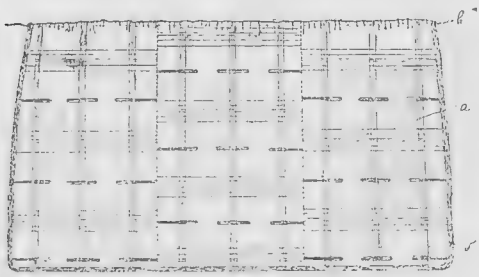

Рис. № 20.

принесена из Средней Азии не татарами, а более древней культурной волной. Такой-же способ тканья помнят еще в Подбужье.

2-й способ тканья мною встречен на границе с Новгород-Северским уездом, в д. Сагутьево, Почепского у., где удалось найти маленький клочек поневы (инв. Ц.М.Н. № 1316). Шерстяная ткань—фон красный, для образования узора пущена вторая основа из белых льняных ниток и желтых шерстяных. О способе тканья этой поневы ничего мне сообщить не могли, но технику тканья мне удалось выяснить в с. Случевске, Стародубского у., где она заключалась в тканье на 4-х, 6-ти, 8-ми подножках при чередовании подножек справа налево и при нажиме одновременно одной подножки, при чем вторая подножка придерживается. А когда идут обратно, то подножки нажимают слева направо. В обоих случаях участвуют дощечки, как это описано при тканье „бранок для рубах". Такой способ бранья известен для всех понев Черниговщины, как старинный, он же известен и в Полтавщине для плахт, а также и понев на верховьях Днепра (коллекц. Тенишевского музея), в Севском у. (см. колл. Святского в Русском Музее). Поневы, тканые таким образом, в Салутьеве назывались „хохлацкими". Возможно, что они были позднейшим заимствованием, но не исключена возможность, что приобретение их в последнее время у „хохлов" было вызвано старой привычкой к ним. О возможности такого типа понев в этом районе говорит самый покрой поневы (см. далее типы понев по покрою), который связывается и в Черниговщине и в Севском уезде с техникой тканья на подножках и дощечках, а в доказательство отсутствие их в этих районах в старину указывали на незнание, непонимание техники их тканья даже старухами; но последнее может говорить скорее о том, что живущее население уже не помнит этой техники, и этим можно было бы несколько датировать время ее исчезновения, но никак нельзя отрицать окончательно бытования здесь этого типа поневы, тем более, что в этом районе мы видим и в рубахах ряд черт, общих с украинцами.

По своей окраске поневы изученной территории разделяются на 2 группы: поневы с синим фоном, преобладающее большинство, и поневы с красным фоном. Синий фон иногда заменяется черным, это или у очень старинных понев (напр., поневы из с. Боянович инв. музея Ц.П.О. № 816), или у понев, которые приготовлялись во время последней войны и в год революции, когда трудно было достать синюю краску. О древности черной поневы по сравнению с синей говорят клочки тканей, находимых в курганных погребениях, где следов синей краски не обнаружено, а также и то, что растений для растительной синей краски на нашей территории не имеется, а для крашения в черный цвет употребляется и ольховая, и дубовая кора вместе с железными опилками. Черные поневы могли также быть из черной шерсти, неокрашенные ничем. Красный фон понев известен мне в селах правого берега Десны, начиная от с. Уты и вдоль по Десне до самого Новгорода-Северска. Старинная краска, употребляемая для этих понев, была растительная, она в районе Почепского у. (Рябчевск, Орельск) применяется и сейчас. Для получения красной краски берется трава, называемая „цветок" (привезенный образец этой травы так раскрошился, что определить растение не удалось). Для получения желтой краски берут траву, называемую „собачка" (Lycopodium compalanatum [1]). Для зеленой—моло-

[1]) По определению научного сотрудника Государственного Музея Центрально-Промышленной Области в Москве А. А. Уранова.

дые листья дикой яблони. Цветок и листья яблони сушат (а собачку предпочитают употреблять несушеную), затем толкут, затирают в горшке в хлебном квасе, с утра целый день краска киснет, на ночь горшок плотно закрывают, даже иногда замазывают глиной и ставят упревать в печь. Полученную массу подсушивают. Когда понадобится красить, то ее растворяют в горячей воде и в нее опускают нитки (с. Орельск). Крашение растительной краской собственного приготовления обнаруживается и на старинной поневе из д. Дешевки (инв. музея Ц.П.О. № 522), но способа изготовления этих красок там никто не помнит.

Узор понев по всему району—клетчатый. Клетка образуется полосами цветной нитки, называемыми „дорогами“ (Бояновичи). В старину нитки для этого употреблялись, как мы видели, крашеные дома растительными красками собственного изготовления, черная же нитка чаще всего из черной шерсти, естественной окраски, белая же—льняная „беленая“.

Беление нитки заключалось в следующем: мотали в пасмы, чтобы нитки не путались, и мотки, с перевязанными пасмами, клали в золу или намыливали, затем ставили в печь до следующего утра; утром прополаскивали в воде и вновь или золили, или мылили, и так до трех дней; после 3-х дней вешали на солнце или на мороз. Нитки зазоленные получались несколько рыжеватыми, но если их немного постирать с мылом, то становились белыми с серебристым оттенком (на поневе, приобретенной в с. Орельске, инв. 1 Ц.М.Н. № 1301, нитки беленые таким способом).

Позднее стали употреблять для „дорог“ покупную белую бумагу и красную покупную шерсть, называемую „шленкой“. Это нашло особенно широкое применение в Козельском у., а также употребляют золотую нитку—мишуру, чем современные поневы Козельского у. и юго-западной части Лихвинского у. отличаются от всех понев соседних уездов (см. поневы в музее Ц. П. О. с. Березичи № 520, Красный Клин № 521, Дешевки № 519, Васильевское № 523, Нижние Приски № 517).

Сочетание ниток в полосах, образующих клетку, различно, различна форма и ширина клетки,—встречается клетка квадратная и прямоугольная. Многие села относятся очень щепетильно к клетке поневы своего села, отличая себя этим от соседних сел, другие же это различие утеряли, поэтому часто стоило большого труда установить, по рассказам старух, какая клетка характерна для данного села. Удалось установить наиболее характерные клетки для синей поневы. Намечаются две группы: в первой группе характерны: сочетание красных, белых, зеленых нитей в полосах, одинаково как в основе, так и в утоке; в поневе села Кцынь полосы образованы 2-мя красными, 2 белыми, 2 зелеными нитками, в с. Щиграх то же сочетание только между 2 красными 2 белыми введены 2 синие, при чем клетка квадратная в 7 кв. сант.; в с. Макарове—то же. Сочетание при квадратной клетке в 6½ с. в Никольском—то же. Старинная понева в Дешевки тоже близка к тому сочетанию ниток: 2 белых, 2 синих, 2 белых, 2 коричневых, 2 зеленых, 2 коричневых, 2 белых, 2 синих, 2 белых, при площади клетки в 12 кв. сантиметров.

Во второй группе характерно различное по ширине сочетание цветных ниток в основе и утоке, отчего клетка получается не квадратная, а прямоугольная, напр., в д. Алексеевке по утоку ширина клетки $9^1{}_2$ см., по основе $7^1{}_2$ см.; в основе 3 нитки красных 1, 2 белых

2 синих, 3 зеленых, 2 синих, 2 белых, 3 красных; в утоке 1 белая, 2 красных, 1 белая. 2 красных, 1 желтая, 1 зеленая, 1 желтая, 2 красных, 2 синих, 2 красных, 1 белая. В дер. Бокеевке—клетки по основе 9½ см., по утоку 11 см.; в основе—3 белых нитки, 2 синих, 3 красных, 3 зеленых, 3 красных, 2 синих, 3 белых; по утоку—2 белых, 2 красных, 2 зеленых, 2 красных, 2 белых. В д. Новый Свет клетка по основе 6 см., по утоку 8½ см. в основе—2 белых нитки, 3 красных, 2 синих, 2 желтых, 2 синих, 3 красных, 2 белых; по утоку—2 белых, 3 красных, 2 зеленых, 3 красных, 2 белых. В д. Зимницы ширина клетки по утоку 8½ см., по основе 9½ см.; в основе 2 белых, 2 синих нитки, 2 белых, 3 красных, 3 желтых 3 красных 2 белых, 2 синих 2 белых; в утоке— 2 белых, 2 синих, 1 белая, 2 красных, 2 желтых, 2 красных, 1 белая, 2 синих, 2 белых. В с. Васильевском по утоку ширина клетки 10 см., по основе длина 9 см. В основе 2 белых, 2 синих, 2 белых, 3 красных, 3 желтых, 3 красных, 2 белых, 2 синих, 2 белых; в утоке тот же порядок, только вместо 3 желтых, 2 золотые мишурные нитки. В с. Новое—размер клетки 10×6. В основе—1 белая, 2 синих, 1 белая, 4 красных, 3 зеленых 4 красных, 1 белая, 2 синих, 1 белая в утоке—2 белых, 2 красных, 2 желтых, 2 красных, 2 белых. Будничная, более узкая в 5 см. (Пониток); в основе 1 красная, 2 синих, 1 белая, 2 красных, 2 зеленых, 2 белых, 2 синих, 1 красная.

Таким образом, квадратная клетка связана с Калужским и Лихвинским уу.; прямоугольная—с Жиздринским, Бежецким уу. и с юго-западной частью изученной территории; в Козельском уезде вокруг города ткачество понев и расположение полос связано не столько с традицией, сколько со вкусом ткачихи; здесь, напр., встречены такие комбинации: в с. Березичи клетка 10½×7½; в основе 2 белых льняных нитки, 2 синих, 2 белых, 20 красной шленки, 2 белых, 2 синих, 2 белых; в утоке—2 белых, 2 синих, 2 белых, 6 красных, 2 золотые мишуры, 6 красных, 2 зеленых, 6 красных, 3 зеленых, 20 красной шленки, 2 белых, 2 синих, 2 белых. В с. Дешевки—клетка 10½ кв. см. В основе—2 белых, 2 синих, 2 белых, 6 красных, 2 зеленых 6 красных, 2 зеленых, 2 белых, 2 синих, 2 белых; в утоке—2 золотые мишуры, 2 красных, 3 золотые мишуры, 2 красных, 2 золотые мишуры 2 синих, 2 золотые мишуры и другие сочетания. Чем шире полосы, образующие клетку, тем парадней считается понева.

Поневы с красным фоном имеют более мелкую клетку. Из немногочисленных понев, оставшихся в районе Трубчевска, удалось установить 2 узора:

Узор „цыганка“ и „узор с бровкой“: 1) на поневе с узором „цыганка“ из с. Орельска (инв. I Ц. М. Н. № 1301) клетка 2 см.×1 см., образована 2 белыми, 2 черными, 2 желтыми, 2 черными и 2 белыми нитками в основе и утоке, желтая шерсть нитки крашена растительной краской, черные же нитки—шерсть натурального цвета, белая льняная нитка—беленая;

2) узор с „бровкой“ (см. поневу из с. Орельска № 1302) сначала клетка 3½×2½ образована 2 белыми, 2 черными, 2 белыми нитками, материал тот же, что и у предыдущей, основная клетка разделена на 4 части двумя взаимно-перпендикулярными полосами, образованными 2 желтыми, 2 черными и 2 желтыми нитями, отчего узор поневы и назван „бровкой“.

Покрой поневы имеет разные типы. Поневы, встреченные мною на изученной территории, по покрою можно разделить на два типа: первый тип—поневы, сшитые из трех точей, надеваемые сверху на

вздержке, разделяемые мною на 3 подтипа: а) с прошвой, б) без прошвы и в) с полотнищами, сшитыми не до конца; 2-й тип,—поневы сшитые из 2-х точей, сшитых до половины и привязываемые к талии при помощи отдельного широкого пояса.

Поневы первого типа состоят из 3-х полотнищ синей или черной клетчатой домотканной материи, называемых „полки", или „полотно" из „пояска", пришитого по подолу и вдоль полок спереди, и из шнура, продернутого через рубец сверху поневы для вздержки и называемого „агашник" (Макарово), „гашень" (Березичи) „мутовиз" или „паверза" (Кцынь), чаще всего „гашник" (см. рис. № 23 поневы: а—полки, б—поясок, в—гашник).

Поясок—полоса домотканой тесьмы, ткется при помощи примитивного способа тканья, известного под названием ткать, на „ниту" (Русаново), ткань на „косточке" (Подбужье), ткань на „кочулочке" (д. Журавки), ткать „косариком" (Бояновичи, Бокеевка). Все эти названия, как мы увидим, отмечают какой-либо один из составных элементов тканья, употребляемого для изготовления поясов. Тканье состоит в следующем: в стену втыкают два колышка, на них в несколько ниток снуют основу, по две нитки сразу с 2-х клубков; когда основа готова, то берут одну из каждой двух ниток основы, перевивают ее через косточку от гусиной ноги (Бояновичи, Подбужье) или через круглую палочку, называемую „навойчик" (с. Русаново), или „кочулочка" (д. Журавинки) так, чтобы перекрещивание 1-й (б) нити получилось на верхней стороне „кочулочки", а вторую нитку (а) оборачивают так, чтобы перекрещивание получилось внизу „кочулочки" (см. рис. № 21. III).

Таким образом, получится половина ниток сверх кочулочки, другая половина под ней, тогда нижние нити подвязывают при помощи петелек из льняной нитки, называемых „нит", отчего и ткань называется: тканье „на ниту", и все эти петельки соединяются узлом вместе, они нужны, чтобы при тканье поднимать нижние нити (см. рис. № 21 стадия I—нит поднят, нижние нити подняты, образовался „зев", пропускается уток; стадия II—нит опущен, верхние нити подняты вверху, образовался 2-й зев; при чередовании верхних и нижних ниток образуется „зев" и создается возможность тканья. При тканье основа представляет круг, который надевается через голову и лежит на талии ткачихи, а противоположная часть круга зацепляется к гвоздю на стене. Уток, употребляемый для тканья, всегда льняной, основа, главным образом, из шерстяной цветной нитки, но примешивается и льняная белая. Нитки, употребляемые для тканья поясов в противоположность ниткам, употребляемым для тканья холста и сукна—всегда сученые в две

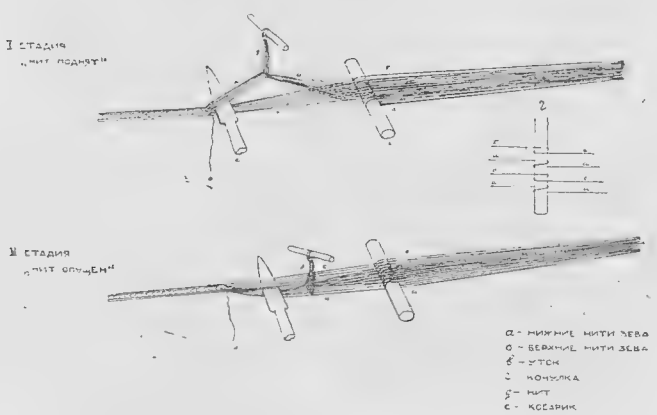

Рис. № 21.

пряди. Нитки сучат или на веретене, или при помощи самопрялки. Сученье ниток на веретене заключается в следующем: на клубок наматывают (это называется „торостить“) 2 параллельных нитки, после этого конец привязывают к веретену, немного на него наматывают и начинают до тех пор вертеть веретено, пока намотанные нитки не смотаются с него на руку снующей, после этого ссученную нитку наматывают на веретено, а рядом с ней небольшую дозу несученой, и вновь вращают ладонью веретено, разматываются. с веретена несученые нитки и т. д. Если сучат на самопрялке, то нитку подвязывают к шпульке, ногой вращается самопрялка, нитка кружится и, уже ссученная, наматывается на шпульку.

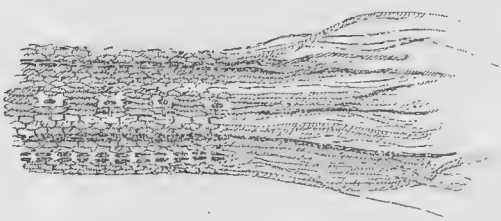

Рис. № 22.

Узоры поясков различаются по ширине основы, в зависимости от количества льняных ниток, вошедших в основу-тройник, когда 3 нитки белых льняных (д. Прыски), пятерик—если пять ниток (Березичи)., семерик—7 ниток (Красный Клин), а также по тем элементам узора и фигурам, которые образуются при тканье. Узор образуется оттого, что сверх обычного зева некоторые нити основы поднимаются кверху или, будучи верхней н и т к о й в образованном зеве, опускаются книзу. Чтобы легче запомнить порядок выбирания ниток для узора, делают разноцветную основу. Так, чтобы соткать узор „глазики“ (с. Русаново, см. заправленный пояс для тканья, рис. № 22, М. Ц. П. О. № 316) снуют 2 белых, 2 красных, 2 зеленых, 3 красных, 2 желтых, 2 красных (кайма), 1 белую, 1 красную, 1 белую, 1 черную, 1 белую (для образования узора); 2 красных, 2 зеленых, 2 красных, 1 белую, 1 черную, 1 белую, 1 черную, 4 к р а с н ы х (кайма).

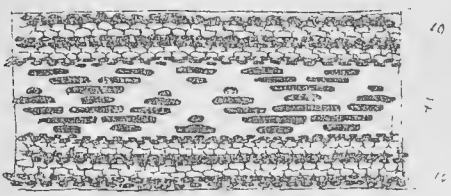

Рис. № 23.

При тканье через каждые 4 зева поднимают парные нитки основы кверху, кроме красных, а красные по 4 поднимают то кверху, то книзу. При опросе, как создаются узоры и как запоминаются, пришлось обнаружить два явления: во-первых, момент творчества—создание нового узора—очень редок, большинство мастериц ткут на память как выучила мать или соседка. Снять с нового, готового образца сможет редкая ткачиха, а комбинирование новых узоров является редчайшим исключением.

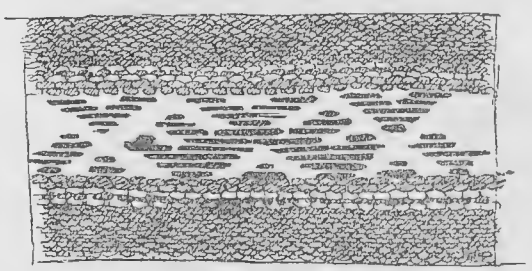

Рис. № 24.

Всем этим и об'ясняется и однообразие узоров и однородность по разным и отдаленным, казалось бы, мало связанным между собой, уголкам; во-вторых — память имеет главную роль при сохранении узора: если ткачиха забыла, сколько ниток нужно сновать для того или другого узора, в какой последовательности их опускать или поднимать сверх обычного зева, то она редко сможет по соображению подобрать узор, но, к счастью, у наших ткачих механическая память велика—отсюда сохранность старинных узоров и глубокая традиция. В изученных районах известны следующие узоры:

Гречиха (как рис. № 22, д. Алексеевка, понева Ц. М. Н.), Глазики (рис. № 22) д. Русаново—пояс в процессе тканья (Музей Ц. П. О. № 316). Рожки (рис. № 27), д. Бокеевка, понева М. Ц. П. О. № 576, Клинушки (рис. № 25) д. Березичи, понева М. Ц. П. О. № 520, Косяки (рис. № 26), д. Прыски, понева М. Ц. П. О. № 517, Гребеночка (рис. № 24) д. Васильевское, М. Ц. П. О. № 523, Пальцы (рис. № 28), д. Красный Клин, понева М. Ц. П. О. № 521 и проч.

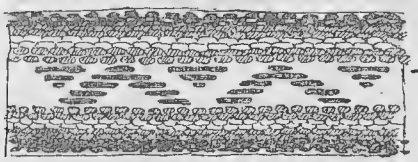

Рис. № 25.

Уток в процессе тканья поясков (см. рис. № 21) прибивается деревянным ножичком, называемым „косариком“ (с. Святое), „челноком“ (Русаново), „кордиком“ (Подбужье, Бояновичи), ножичек делается мужиками из клена или дуба, выстругивается при помощи обыкновенного ножа.

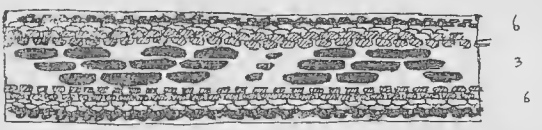

Рис. № 26.

Описанный способ тканья поясков известен среди южно-великоруссов (Рязан. и Тульск. губ.), северо-великоруссов (Архангельская губ.), белоруссов (Смоленщина, Витебщина). По основному принципу тканья этот способ является уже не плетением, а прототипом примитивного нашего ткацкого станка, т. к. в нем налицо уже есть зев и нит. Вытканный поясок пришивается к подолу поневы, а в Бутчинской волости и в с.с. Салыне, Рековичах, Осавике, Грабовке пояс ок вставляется вдоль поневы с правого и левого бока при сшиве полотнищ (см. понева из д. Грабовки Ц. М. Н. № I, 13351 (фотография № 28). Гашник чаще всего плетется из нескольких прядей льняных или шерстяных ниток. В указанной поневе из д. Алексеевки он плетен из 3-х прядей по 15 льняных ниток в каж-

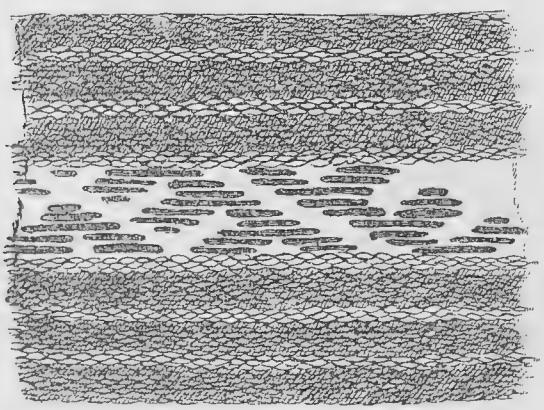

Рис. № 27.

дой; в поневе из с. Березичи—из 3-х прядей, в каждой по 7 коричневых шерстяных сученых нитей. Техника при плетении гашника та же, что и при плетении косы. Встречается гашник и на поневе „дерганной". Дергание (д. Зимницы) заключается в следующем: в работе участвуют два лица, пальцы одного лица служат для надевания основы, другое же лицо в левой руке держит другой конец основы и правой рукой снует. Когда процесс снования кончен, то направой руке первого лица будет надето на три средних пальца по одной петле; петля а, петля б, петля в, на левой же руке две петли: на указательном г и на среднем д (см. рис. № 29 стадия 1-я). Если хотят получить более широкую тесьму, то на каждый из указанных пальцев надевают по 2 петли, дальше работа продолжается: 1-е лицо безымянным пальцем левой руки продергивает петлю а через петлю б и в (см. рис. № 29,—стадия 2-я), после этого 2-е лицо дергает всю основу к себе и правой рукой прибивает полученное плетение. Затем 1-е лицо петлю в переносит со среднего на указательный палец правой руки, а петлю б с безымянного на средний (см. рис. № 29, стадия 3-я), затем безымянным пальцем правой руки продергивает петлю д через петли а и г левой руки (см. рис. 29, стадия 4-я), 2-е лицо дергает к себе всю основу и правой рукой прибивает полученное переплетение.

Рис. № 28.

Чтобы получить плоскую тесьму нужно $б^1$ и $в^1$ опускать книзу и $а^1$ и $г^1$ поднимать кверху. Чтобы получить круглую тесьму, нужно при продергивании петли а брать ее за сторону $а^2$, и при продергивании петли д брать ее за сторону $д^2$.

Для гашника чаще всего употребляется плоская тесьма, она же идет и на оборы. Круглая тесьма идет на петли к рубашкам (рубашка из с. Новый Свет, в Ц. М. Н). Дерганье по технике является плетением, а не тканьем, т. к. здесь нет резкого различия между основой и утоком и однообразного чередования зева, хотя,

быть может, здесь усматривается некоторый переход к технике тканья, Техника дергания известна мне в Рязанской губ., в Смоленской губ., в Витебщине, в Могилевщине. У Сирелиуса (в его книге Suomen Kausanmaista Kultturia) есть рисунок, изображающий эту технику плетения у финнов. Других аналогий в нашей литературе не встречалось.

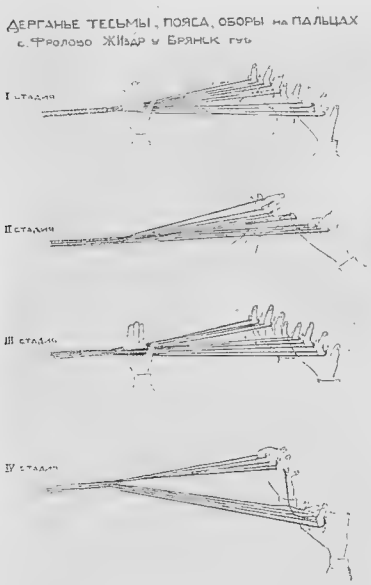

Рис. № 29.

Гашники встречаются тканные на дощечках (см. гашник на поневе из с. Васильевского, Музей Ц. П. О. № 523; гашник ткан на двух дощечках, заправленных по 2 красных и по 2 лиловых нитки).

Способ тканья на дощечках заключается в следующем: берут четыреугольные дощечки, каждая с 4-мя дырочками [1]) (см. рис. № 30, дырки №№ 1, 2, 3, 4). Количество дощечек зависит от желаемой ширины пояса, но всегда кратное двум: 2, 4, 6, 8 и т. д.; на изученной территории сверх 12-ти встречается редко; в Туркестане доходит до 20-ти и даже до 40, в Тульской губ. (с. Рождественское) ткут пояски поневы в 40—60. В каждую из дырок дощечки вставляют по одной нитке основы. Основа обычно снуется по стене при помощи 2-х колышков. Чтобы иметь возможность основу продернуть через дощечки, ее разрезывают. Во время тканья один конец основы привязывается к гвоздю, другой же к поясу ткачихи. Дощечки с продернутыми нитями основы кладутся так, чтобы верхнее и нижнее ребро дощечки совпадало с верхними и нижними нитями зева (см. рис 30, стадия I). После этого пропускают у т о к, утоком служит обычно льняная суценая нитка. Дощечки переворачиваются так, чтобы дырочка 1-я и 4-я были сверху, а 2 я и 3-я снизу, получается н о в ы й зев, пропускается уток; дощечки вновь поворачиваются так, чтобы нитки 4-ая и 3-я были наверху, 2-ая и 1-ая внизу (см. рис. № 30, стадия III). Опять образуется новый зев, пропускается уток, дощечки опять вновь переворачиваются так, чтобы 3-я и 2-я дырки были наверху, а 4-я и 1-я внизу, опять новый зев, пропускание утока (см. рис. № 30, стадия IV). Таким обра-

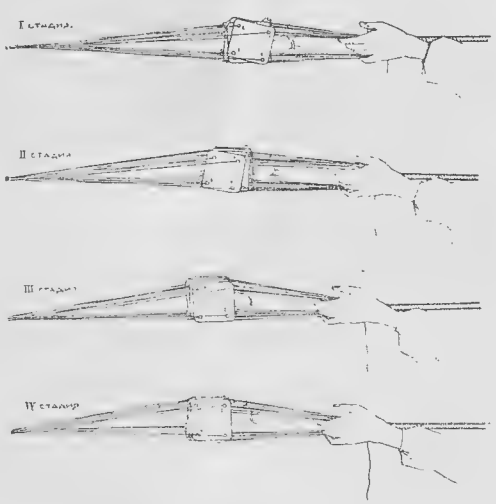

Рис. № 30.

[1]) Дощечки делаются из березового дерева, дырочки прожигаются раскаленным гвоздем, чтобы были равные и не цепляли ниток.

зом, здесь при каждом чередовании зева сменяется одна четверть нитей основы, другая же четверть остается от предыдущего зева: принцип тот же, какой существует при тканье на четырех подножках, 1-й и 2-й, 2 и 3, 3, и 4-й, когда нажимается вновь одна следующая подножка и задерживается предыдущая.

Для прибивания утока чаще всего служит рука: правая вертит дощечки, а левая пробрасывает уток, прибивает его; хотя в с. Бояновичи для прибивания служит деревянный нож „кордик", который, как мы видели, употребляется для тканья на „ниту". При помощи дощечек ткут также оборы и мужские пояса. В Рязанской губ., в Данковском уезде, в с. Хрущево-Подлесное ткут на них и пояса для подола поневы. Для мужских поясов и для тесьмы к подолу нужно узорное тканье, оно достигается двумя способами: первый заключается в том, что узор в зеве выбирается так, как мы видели при выборе узора на „ниту", т.-е. часть нитей верхнего зева опускается книзу или часть нитей нижнего зева поднимается кверху; второй же способ, применяющийся чаще всего, заключается в том, что разноцветные нитки заправляются в известном порядке в дырочки дощечек. Так, напр., чтобы заправить узор „круги" при тканье на 4-х дощечках, в каждую дощечку с края, т.-е. в 1-ую и 4-ую во все четыре дырки пропускается по одной черной нитке. В следующих двух дощечках, 2-й и 3-ей, через 1-ую дырку пропускается черная нитка, через 2-ю белая, через 3-ю лиловая, через 4-ю красная. Чтобы образовать узор „елочка" при тканье на 4-х дощечках, через средние дощечки, 2 и 3, через 1-ю и 2-ю дырку пропускают по красной нитке, а через 3 и 4—по желтой.

Тканье на дощечках известно у южно-великоруссов, напр., в Рязанской и Тульской губерниях, у северно-великоруссов (Архангельская, см. колл. Ц. М. Н.), у белоруссов (Витебщина, Старое село), у зап. финнов, у мордвы, мари, чуваш, в Туркестане (дощечки делаются только из карт и с 6-ю дырочками), у осетин, где, между прочим, Б. А. Куфтиным в 1926 г. во время обследования осетинских могильников XVII в. был найден заправленный на тканье на дощечках поясок.

Все вышеописанные черты поневы свойственны всем трем подтипам первого типа. Выделяя из них 1-й тип, необходимо обратиться к поневе разнополке, которая сшита из трех полотнищ, но так, что боковые полотнища пришиты лишь к заднему полотнищу, между собою же они не сшиты. Разница между отдельными поневами этого подтипа наблюдается в способах ношения. Местное население определяет два способа: носить поневу „распустивши" и носить поневу „подтыкавши". При 2-м способе понева надевается сзади вокруг талии, полки ее свободно висят спереди, оставляя открытой часть рубахи; в дер. Добуже поневы надеваются на правый бок, оставляя левый открытым.

„Распустивши" поневу носят в Бояновской волости, в Берестне, в бывш. Бутчинской волости, в деревнях вокруг Бокеевки, в Осавике, в Литовне, в Грабовке, в Васильевке, в Прысках, в Красном Клину. Есть два способа подтыкания понев: первый—правая пола поднимается нижним углом к поясу, образуя тупой угол сзади и оставаясь перевернутой наизнанку (с. Бяково, Новый Свет, Старинная понева дер. Дешевки, Фролово, Воткино); второй способ заключается в том, что обе полы складываются и поднимаются к поясу (см. рис. № 31 с. Глинное, дер. Дешевки). В зависимости от способа ношения понев определяется расположение на

них украшений. Наиболее нарядной считается понева Духовская, т.-е. которая надевается на Духов день. (см. Ц. М. Н. № 642). Там, где носится понева с поднятым правым боком, она бывает покрыта украшениями с левого бока, с лица и с правого бока с изнанки. Примером может служить Духовская понева из пос. Новый Свет (Ц. М. Н. № 642), у этой поневы по швам нашита полоса позументов в 4 см. шириною, по обе стороны которой нашито по черному шелковому шнурочку, за шнурочком по обе стороны вышивка, покупной шерстью шленкой красного, желтого, голубого, зеленого, белого цвета; узор геометрический; техника вышивания — „бранье". Далее за вышивкой, по обе стороны ее, нашито по полосе кумача, в 5 см. шириною, а на эти кумачевые полосы нашито несколько шнурков „вилюшек" голубых и желтых, серебряного и золотого позумента. Образцом поневы, которая носится с подоткнутыми обоими полами, служит понева из дер. Дешевки (см. Муз. Ц. П. О. № 519, рис. № 31). По подолу с изнанки правого бока нашита полоса кумача в 13 см. шириною, на полосе нашиты блестки крестом, по обе стороны кумача, закрывая швы, идет вышивка шленкой.

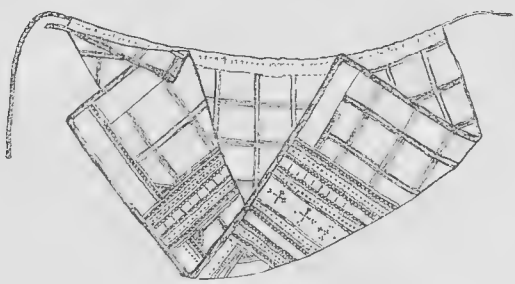

Рис. № 31.

Образцами праздничных понев, которые носятся „распустивши" может служить понева из д. Нижние Прыски (Музей Ц. П. О. № 517), У нее по бокам, при сшиве полотнищ, нашита красная шерстяная материя в 11 см. шириною, а по подолу та же материя в 12 см. шириною; на ту и на другую наложена по средине черная бархатка 2 см. ш. и два ряда блесток, расположенных в шахматном порядке, за блестками, ближе к краю, одна полоса золотого позумента в $1^1/_2$ см. шир.; зеленая шелковая лента, синяя вилюшка, серебряный позумент в 2 см. шир. Кроме этих разукрашенных полос, по самой поневной ткани три ряда тканых клеток поневы украшены нашитыми в 3 ряда блестками. Близкое к этому расположение украшений мы видим и на поневах Бокеевки (см. Ц. М. Н. и М. Ц. П. О.). На поневах праздничных в Грабовке, Салыни, Осавике—сверху пришиваются пучки красной шерсти с блестками, называемые „дрыгунцы" (см. Ц. М. Н., № 13, см. рис. № 28). Таким образом, намечаются некоторые районы по способу украшения праздничных понев, но так как все эти украшения базарного происхождения, то они больше интересны по способу расположения элементов украшения, чем по своему содержанию. При этом наиболее интересным является вышивание шленкой или так называемая „росшива", т.-е. вышивание на месте сшива полотнищ, оно известно также на украинских плахтах, оно же известно и в Орловской, Курской, Воронежской губ.; на наших поневах д. Дешевки и с. Бякова видим общие с ними черты. Дрыгунцы с блестками на поневах западной части изученной территории являются, по словам стариков, заместителями пришивавшихся раньше бубенчиков. Пришивание бубенчиков по нашим коллекциям известно лишь у Новосильских казачек (см. колл. Ц. М. Н., костюм из с. Моховое, Новос. у.); оно является

большим архаизмом,—бубенчики встречаются в славянских курганных вятических погребениях.

„Праздничная понева“ обходится со всеми украшениями довольно дорого—она бережется и передается по наследству. Интересен порядок наследования поневы. Самая обычная передача—это от матери к дочери, но если дочери нет, то очень часто понева передается сестре. Передача приданого опять в тот род, откуда ушла замуж, является довольно обычной. Иногда же праздничная понева передается путем дарения и более дальней родне. Интересна судьба поневы из д. Нижние Прыски, приобретенной для М. Ц. П. О. (№ 517). Эту поневу Матрена Степановна Маркина, умирая, передала своей сестре, последняя—невестке, а невестка, уехав в Ленинград и перестав носить поневы, подарила своей крестнице.

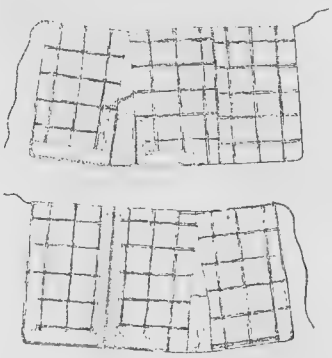

Рис. № 32 (внизу) и 32а (вверху).

Вторым подтипом описанного 1-го типа является понева тоже из трех полотнищ [1]). Образцом такой поневы может являться понева старинная из д. Дешевки (М. Ц. П. О. № 522, см. рис. № 32). Понева состоит из 3-х полотнищ синей шерстяной клетчатой домотканой материи, длиной 70 см., шир. в 41 см., при размере клетки в 12 кв. Клетка образуется от цветных ниток, пропущенных в основе и уточке—2 белых, 2 синих, 2 белых, 2 коричневых, 2 зеленых, 2 коричневых, 2 белых, 2 синих, 2 белых. Коричневые и зеленые нитки крашены растительной краской, а синие—покупной. Левая полка пришита к средней при помощи „развозки“, т.-е. сшивки при помощи петлей, обмотанных через край цветной шленкой оранжевого, желтого, лилового, голубого, зеленого и красного, а также белой бумагой. По обеим сторонам „развозки“ нашиты полосы кумача по 3 см. шириною каждая, параллельно им нашито по полосе золотого позумента в $1^1/_2$ см. ширин. каждый, называемого „плетенка“, в 4 см. длины, по подолу левой полки положена полоса кумача шир. 5 см., которая продолжается под прямым углом вверх, и по основе на 21 см., другая нижняя полоса идет и по средней полке на протяжении 17 см. от шва. Правая полка отстоит от левой на 12 см., т. к. она соединена со средним полотнищем при помощи кумача 12 см. шир. и 26 см. высотою; вставка имеет подкладку из синего холста, пришитой при помощи „прошивки“. Украшения на правой полке те же самые, что и на левой, только они расположены все с изнанки, так как понева носится с поднятым правым углом, отвернутым на лицо изнанкой. Кроме того, все украшения идут снизу кверху только на 26 см., вследствие чего выше полотнища остаются раз'единенными. Кругом поневы по краям и по низу нашит поясок в $1^1/_2$ см. шир., тканый на „нить“ из белых льняных ниток и шерстяных: коричневых, красных, желтых, черных; узор геометрический: „крючки“—квадраты узора из цветных ниток без одной стороны, расположенные наискось. Гашник плетен из 4-х

[1]) Но полотнища у них скреплены не так, как у 1-го подтипа, а именно: либо сшиты заднее полотнище и одно боковое во всю длину, а второе боковое скреплено с задним только гашником вверху и вставкой кумача внизу, либо этой вставки вовсе не имеется.

прядей, каждая прядь состоит из двух ниток: 2 нитки черных и 2 нитки красных шерстяных. Аналогичную этой поневе, мы видим поневу в коллекциях Тенишевского музея из с. Оршанова, Ельнинского у. (№ 5846). Близка к ней понева из д. Печатники, Бельского у. в том же музее (№ 5922). Последняя понева имеет правую полку совсем не скрепленную со средней, так что только гашник поддерживает их общую связь. Во всех этих трех поневах мы видим прародителей нашей поневы „разнополки". В д. Дешевки, где более новые поневы имеют целиком сшитые полки, а старые поневы там же имеют правую полку не целиком сшитую, мы видим пример перехода от второго подтипа к первому, т.-е. поневе-разнополке.

Третьим подтипом 1-го типа поневы на изученной территории является понева, состоящая из 3-х полотнищ синей домотканой материи с прошвой из покупной синей нанки или из красного ситца. Эту поневу я выделяю в отдельную группу, так как вопрос о ее генезисе из поневы разнополки не является окончательно выясненным. Понева с синей прошвой известна в с. Никольском, Макарове, в Вырске и Косыне, в последних двух они являются позднейшим наслоением на поневу „разнополку", в первых же население уверяет, что искони была понева с прошвой. Между тем, на названной территории понева с прошвой могла явиться результатом скорее заимствования из соседней Тульской губернии, где понева с прошвой является единственно известным типом, а не результатом последовательного развития из разнополки. Понева с прошвой известна в д. Добрице и вообще во всей Павлиновскойволости, Ельнинского у., где она является с красной „прошвой" и с оборкой из так называемого „французского" ситца. Расположение пояска поневы сверху вниз по месту пришива прошвы намекает на существование поневы раньше без прошвы и, по рассказам, оказывается, что действительно „прошва" появилась на памяти живущего поколения. В д. Добрицы смеются над соседними селами Калужской губ., где носится понева „разнополка", однако, сами сознаются, что их бабушки тоже ходили в таких же поневах. Таким образом, если не на всей территории, то в некоторых местах понева с прошвой является выросшей из поневы без прошвы.

Второй тип поневы, называемый „колышка", состоит из 2-х полотнищ, длиною 186—195 см. домотканой шерстяной красной материи в клетку. Полотнища сшиты друг с другом по основе на протяжении 100—112 см. при помощи цветной шленки и белой бумаги. Это место сшива называется „увозка" (с. Рябчевск) или „растопырка-росшва" с. Орельск). Самый узор при сшивании называется „петушки". Несшитые части полотнищ называются „колышки". Надевается понева следующим образом: сшитая часть поневы облегает зад; „колышки" закладываются углом напереди; сзади нижний правый угол поднимается к талии; вся понева привязывается поясом. Такой способ ношения поневы называется „кульком" (см. фотограф. № 33 и 34). По своему покрою эта понева в своих старых образцах является близкой к украинской плахте. По ткани она приближается к старинным поневам Смоленской губерн. (см. колл. Тенишевского муз., № 5522) и к плахтам Черниговщины. По своим же новым образцам понева изученной территории близка к поневной ткани южно-великоруссов.

По способу ношения и новые и старые поневы являются общими с поневой Севского у. (см. работу Святского „Живая Старина" 1910 г.), также с поневами по р. Ипути и верховьям Днепра. Второй

тип наших понев, возможно, является одним из тех типов понев, который был свойственен этническим группам, вошедшим в состав современных белоруссов и сохранился теперь лишь на самых восточных окраинах белорусской территории, в других же местах давно вытеснен „андараком“. Понева означенного типа, по своей окраске, ближе стоит к украинским группам, чем к белорусским. Имеющиеся в русских музеях единичные поневы из белорусских территорий (понева из Минской губ. Ц.М.Н. и „уникальные“ поневы— в Тенишевском музее) большинство синие, лишь одна понева из Спас-Твердинской волости, Смолен. губ., является красной клетчатой. Во всяком случае понева Трубчевского района связывается с группами населения Днепра, Ипути и Десны.

Рис. № 33.

Подводя итоги обоих типов понев изученной территории с их подтипами, намечаем два района: 1) от Уты до Любочи по правому берегу Десны — район, не связанный с южно-великорусскими элементами культуры, 2) остальная территория с теми же западными границами распространения поневы южно-великорусского типа, которые мы видели выше в описании распространения рубахи с косыми поликами.

Таким образом, спорный для лингвистов район между Болвой и Десной, по элементам понев и рубах, должен быть отнесен к южно-великоруссам или поставлен вопрос о наличии поневы-разнополки и у некоторых древних славянских групп, вошедших в состав белоруссов, чего на других территориях мы не наблюдаем.

В обрядовой жизни на изученной нами территории поневы отмечаются характерными бытовыми чертами.

Девки в старину ходили в рубашках (с. Никольское, Макарово), да и теперь еще ходят (Подбужье, Бояновичи, Зимницы) и, вообще, почти по всем районам изученной территории, где понева носилась, лишь за исключением района с. Салынь и с. Рекович, там девочки с 3—5 лет уже носят поневы и, как уверяют местные жительницы, так было „испокон века“. В первый раз на девку поневу надевали по достижении ею совершеннолетия (это—более старин-

ный обычай), или когда невесте нужно ехать к венцу, что выполняется и теперь. Воспоминание о надевании поневы до свадьбы сохранилось в с. Волосове, когда девушке исполнялось 18 лет; в Зимницах, Гуличах и теперь совершеннолетние девушки надевают поневу в первый раз на „Велик День“ (Пасху) или на Троицу, как идти к обедне. Если к этим праздникам девушке еще нельзя надеть поневу, то откладывают до следующего года. В Берестне, в Подбужье в Алексеевке поневу надевала на девку крестная мать. Девка бегает по лавке, а крестная мать приговаривает: „прынь, прынь, дитятко, в вечный хомут“. В Алексеевке позднее этот обряд был перенесен на момент, когда одевали невесту ехать к венцу. В других местах обряд надевания поневы включался в круг свадебных обрядов и приурочивался ко времени одевания невесты, как ехать к венцу.

Рис. № 34.

При чем приходится отметить, что поневы, надеваемые в 1-й раз до свадьбы, бывали поневами праздничными с украшениями „красными“; поневы же недаваемые в 1-ый раз, чтоб ехать к венцу—были поневами „печальными“—„синими“, как и вся вообще одежда невесты. Эту же „печальную“ поневу она переменяла после „1-го стола“, т.-е. после обеда, на красную.

В с. Никольском рассказывали, что в Лихвинском уезде был обычай надевать поневу перед венцом, но здесь, ради смеха это делали так: напр., тетка Акулина „на-смех“, надевая поневу на свою крестницу, разыграла обряд, употреблявшийся в Лихвинском уезде: девка бегала по лавке, крестная приговаривала: „прынь, прынь, моя дитятко“, а девка отвечала: „хочу прыну, хочу нет“, и так до 3-х раз. Потом прыгнула с лавки на растеленную по полу поневу, и ей подвязала ее крестная. Сообщение обряда со всеми подробностями, как обряда, принадлежащего соседним селам, не является ли просто желанием скрыть обычай, над которым смеются горожане. Это мне приходилось не раз наблюдать, и очень часто об обычае надевать

поневу приходилось узнавать в форме рассказа, что это делается в соседних селах, а потом оказывается, что делаются именно в этом селе. В с. Макарове наблюдается тот же обычай. Обычай был таков: утром, как везти невесту к венцу, собиралась вся родня. Брат 3 раза обводил поневой вокруг головы невесты, потом ее накидывал невесте на плечи. Невеста начинала голосить: „не снимай с меня, братец, красоту девичью, не надевай на меня кабалу бабью". Брат отвечал: „красота девичья часовая, а кабала бабья вековая". Когда теперь надевают на девку свадебную юбку, убирая ее к венцу, девушка голосит то же самое.

В с. Кипеть поневу надевали утром, девки сидели за столом и пели: „величали невесту" по имени. Брат надевал поневу на невесту под сарафан. Когда брат завяжет поневу, девка голосит:—„родненький братец, на что девичью красоту снимаешь, а бабью сухоту надеваешь, девичья красота часовая, а бабья сухота вековая".

В с. Большухе перед свадьбой мать надевала поневу на свою дочь. Девка прыгала по лавке, а мать говорила: „прынь, прынь, моя дитятко, в вечный хомут". „Хочу прыну, хочу нет"—отвечала девушка и так до 3-х раз. После этого девка прыгала с лавки на растеленную поневу и мать ей ее подвязывала.

В Хвастовичах происходило то же, только говорили: „сигни, сигни, дитятко в вечный хомут".

В Пеневичах говорили: „скокни, скокни в вечный хомут", а девушка отвечала: „хочу скокну, хочу нет". В остальном обряд тот же.

В Клюксах в день свадьбы невесту поднимают с „коровами", т.-е. как выгонять корову в стадо, покрывают полотенцем, надевают сарафан, а поневу подвязывает сестра или крестная мать под сарафан, в поневу девушка вступала сама, потом поневу натягивали на нее с полу. Когда девушка шла к поневе, разосланной по полу, то голосила: „родная матушка, девичья красота часовая, бабья сухота вековая, с полу ступила, красоту девичью схоронила".

В Булатове существует тот же обряд, только с некоторыми вариациями в словах: „зачем надеваете бабью сухоту, а девичью красоту снимаете, бабья сухота вековая, а девичья красота часовая".

В с. Глинном—тетка или сестра невесты подвязывала ей поневу, невеста плакала, приговаривая: „родимая матушка, родимый батюшка, куда знаешь отдаешь и горюй там". Надевание понев к венцу также известно в с. Алексеевке, Салтановке, Вздружном, Бокеевке, Кцыни.

В тех местах, где девки носили сарафаны и где венчали в сарафанах, однако видим, старые традиции—надевать поневу, но ее надевали, тщательно скрывая уже под сарафаном. Это, напр., в селах Клюксах, Кипети. Об этом обычае рассказывали в с. Березове (Лихвинского у.).

С исчезновением поневы обряд переносится на „надевание красного пояса". Явление, происходящее на наших глазах, того же самого порядка, который уже отмечается в других местах—в Псковской губ., в Вятской (Зеленин Д. К., „Обрядовые празднества совершеннолетних девиц у русских". Живая Старина 1911 г. вып. 2-й). А. М. Романов сообщил обряд с поясом при одевании невесты к венцу в с. Алексеевке, который он наблюдал сам, как местный житель. При этом Романов сообщил следующие подробности. После того, как все приглашенные со стороны невесты родственники соберутся на свадьбу и ожидают жениха за невестой к венцу, в этот

момент мужчины покидают избу, остаются только вечерние свахи; мать невесты тоже уходит. Невесту приглашают взойти на полок или телятник, обычно устраиваемый у надворной стены. Помолившись на святой угол, невеста поднимается на „полок“—помост между дверью и печью—и окружается подневестницами и вечерними свахами. Поневу на невесту надевают исключительно подруги невесты. Собственно понева так же не надевается, как платье, а вернее невеста подвязывается сзади особым поясом, который опоясывает стан и затягивается спереди узлом. Однако же говорят: „подвязывали поневу“.

Во время этой процедуры невеста стоит одетая в венчальную тонкую льняную рубаху, подпоясанную шерстяным красным кушаком с кистями. Обряд подвязывания сопровождается шутками, часто нескромного характера. Девушки-подневестницы, развернув поневу, говорят: „сигай наша подруженька в вечный хомут“. „Понева красивая для друга милого“ и т. д. Как только невеста сойдет с полка, разрешается мужчинам войти в избу.

В описанных выше обрядах надевания поневы мы видим два момента: 1) круг обрядов, связанных с признанием совершеннолетия—надевание до момента выдачи замуж и слова, выражающие волю девушки: „хочу скокну, хочу нет“, 2) обряды, связанные с надеванием поневы перед венцом, соединенные со словами: „хочу прыгну, хочу нет“, имеющиеся в предыдущем обряде, а также сопровождаемые словами о девичьей и бабьей доле, обычных в свадебном обряде.

Тот факт, что понева не связывалась с положением замужней женщины, указывает на то, что обряд ее надевания совершается до свадьбы, в то время как головной женский убор, принадлежность замужней женщины, надевался после венца. Поэтому обряд надевания поневы в такой измененной форме с новыми наслоениями должно признать скорее обрядом совершеннолетия, чем свадебным обрядом, о чем уже высказывалось мнение в литературе Д. К. Зелениным (Обрядовое празднество совершеннолетия девиц у русских. Живая Старина. 1911 г. вып. II).

ГЛАВА III.

САРАФАН.

Под термином „сарафан“ в литературе и в быту известны различные типы костюма (см. Куфтина: „Материальная культура русской Мещеры“). Здесь под этим термином описывается одежда с лямками или „плечиками“, сшитая из прямых или косых полотнищ из покупной или домотканой материи. По покрою сарафаны на означенной территории мною встречены трех типов: 1) косоклинный с цельными плечиками или с „лямками“, 2) из прямых полотнищ и 3) юбка, сшитая из 3—4 полотнищ прямых, пришитая к лифу с плечиками. *Сарафан 1-го типа* (см. выкройку № 35 сарафана Анастасии Журавлевой 60 лет и Акулины Силковой 40 лет и фотограф. № 36) шьется из полотнища сзади и 2½ полотнищ спереди; по бокам, спереди и сзади, пришивается по одному клину. Этот тип Б. А. Куфтин называет южно-великорусским. Такой сарафан шьется из домотканой шерстяной материи или из холста, или из покупной китайки, мерой в 9 арш., последние покупались отдельными отрезами, называемыми „концовыми китайками“. Спереди сарафана по средине нашивался шнурок в 2 ряда сверху вниз, называемый „гитанчик“ (Гамаюнщина) и фальшивые петли к нему. Говорят, в старину бывали медные пуговицы с эмалью и со стеклянными серединками. Шить сарафан было трудно и жители Гамаюнщины их отдавали шить в Калугу монашкам в Казанский девичий монастырь. Эта форма сарафана известна в Гамаюнщине, Никольском, Макарове. К северо-западу от Козельска, в Плахине и среди старообрядцев, к югу от Плахина (в районе, к сожалению, мною не изученном) сохранилось воспоминание об очень старой форме близкого к этому типу сарафана. В с. Макарове 70-летняя старушка рассказывала, что ее мать ей говорила о сарафанах, носимых в ее время. Они были косоклинные, к ним пришивались узкие рукава, оставляя в пройме отверстие для продевания руки, рукава же были фиктивные, они завязывались узлом на спине. Такие сарафаны теперь не сохранились, и мне видеть их, к сожалению, не удалось. Однако, эта форма сарафана является очень архаичной, и в наших музейных коллекциях она известна, хотя и в небольшом количестве экземпляров. Наиболее близкими к последним по покрою являются два сарафана, под названием „шушпан“ из Псковского у. и из Новгородской губ. (костюм 1867 г. в коллекциях Румянцевского музея—один шерстяной красный, другой холщевый белый. Издан в книге Куфтина „Русская Мещера“ стр. 106). Тип косоклин-

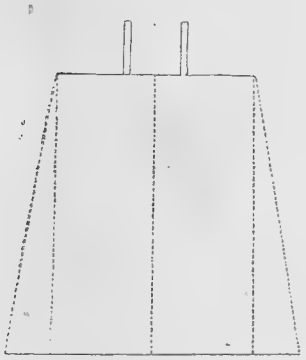

Рис. № 35.

ного сарафана является на изученной территории наиболее старинным. В некоторых районах этой территории он явился в связи со старообрядческой колонизацией (в с. Валое около с. Фоминич и в районе Плахина), в других же районах, как Гамаюнщина, в некоторых местах Калужского у., в Лихвинском уезде этот тип сарафана существует на ряду с поневой, и граница его распространения совпадает с границами распространения средне - великорусского типа жилища. Что же касается 3-го очага бытования косоклинного сарафана в районе Козельска, Сухинич, я подробно этот сарафан не изучала, и генезис его для меня не совсем ясен.

Рис. № 36.

Сарафан 2-го типа, из прямых полотнищ, известный часто под именем „шубки" (см. фотогр. № 37, д. Животинкина) шьется из покупной материи—ситца, сатина, в 5—6 полотнищ или в 4 полотнища, — если из шерстяной материи, и очень редко из холста, последнее явилось во время 1918—1919 годов, когда не хватало покупного материала (Гамаюнщина, Бяково) и в таком случае сарафан шился из 6—8 полотнищ. По своему происхождению сарафаны 2-го типа всюду шились из покупного материала, а из самодельного не шились. Время их появления по всему району связано со временем распространения в деревне покупной материи, в Гамаюнщине, в Булатове, лет 25 тому назад, в Салтановке (с 1899 г.), более ранним сарафан появился в Кипете, в 60 г.г. Этот тип сарафана распространен в Гамаюнщине, Никольском, Макарове, Русанове (заменили косоклинные), вокруг Лихвина, в Кипети, в Овсянникове, в Березове, в Булатове, в Кцыне, в Боксеевке (только у тех, кто ходит на сторону), также в Новом Селе, Фоминичах, вокруг Козельска, Вербы, Дешевки, Стенина, Новоселки, Бяково (только у девок), Журавинках, Вздружное, Сухиничи. Этот тип сарафана является наслоением или на косоклинный сарафан (Кипеть, Гамаюнщина, Макарово), или непосредственно заменяет поневу. (Дешевки, Новосилки, Вздружное, Булатово). В последнем случае он ранее всего распространяется, как одежда девушки, т.-е. до времени надевания поневы. Известны факты, что сарафаны были введены помещиками, которые считали неприличным, чтобы девки ходили в одних рубахах. В с. Булатове помещик давал девкам за работу ситец, чтобы они приходили на работу в сарафанах. В других местах содействовали священники распространению сарафанов. В с. Салтановке

сарафан ввел священник в 1899 г., восставший против обычая девок ходить в одних рубашках. Таким образом, этот сарафан является наслоением недавнего прошлого. Это еще более подтверждается тем, что с сарафаном не связывается никаких обрядов. В тех случаях, где венчают теперь уже в сарафанах, под него надевают поневу, как обрядовую одежду. (Покрой этого сарафана см. фотогр. № 37, д. Животинкино, Гамаюнщина).

Рис. № 37.

Сарафаны 1-го и 2-го типа известны под названием „сарафана“ („сарахвана“), „шубки“, „сукмана“, „сукня“, „платья“, „китайки“. Универсальным термином для всех форм этой одежды и для всех районов является название сарафана, другие же названия приурочиваются к определенным формам или к определенному материалу и связаны с известными районами. „Шубкой“ называется сарафан в Гамаюнщине и в с. Никольском. Она сшита из 5 полотнищ покупной материи с „лямками“. Тип сарафана из прямых полотнищ известен под этим названием лишь в Калужск. у.; название „платье“ приурочивается к сарафану из прямых полотнищ для малолетних девочек, но не везде (Новое Село). „Китайка“— название косоклинного сарафана, сшитого из покупной синей хлопчато-бумажной материи, тоже называемой китайкой. Одежда того же покроя, сшитая из холста, называется сарахваном (Никольское, Гамаюнщина). Название „сукман“ приурочивается к косоклинным сарафанам, сшитым из домотканой шерстяной черной материи, этот термин известен к северу от Козельска и в районе Сухиничи. Термин „платье“ приурочивается к сарафану с лифом и известен в Семереве и в Мокровской волости (в ее старых границах).

Рис. № 38.

3-й тип сарафана (см. выкройку № 38) состоит из лифа, сшитого из $3^1/_2$ полотнищ, несколько скошенных по бокам, с „лямками“ или с „плечиками“, выкроенными из одного полотнища, вместе со спинкой и с бочками (лиф застегивается на крючки) и из юбки

в 4—7 полотнищ. Эта форма одежды является очень близкой к одежде, широко распространенной по Ельнинскому уезду, Смоленской губ. и известной под именем „саян". Во время исследования того района я пришла к выводу, что „саян" произошол из „андарака" и шнуровки, во-первых, („андарак"—юбка из прямых полотнищ домотканой шерстяной красной полосатой материи; шнуровка — лиф из гладкой, красной или синей домотканой материи), и во-вторых, замена произошла на памяти живущего поколения (в Ханине, Березове, лет 30 тому назад). Как „андарак", так и шнуровка являются одеждой, свойственной белоруссам (Чериковский у., Могилевщина, Витебщина, западная часть Смоленщины), занесенной, вероятно, с запада, во времена Литовского государства. Этот тип одежды появился на западе в 15 веке (см. Русская Мещера, Б. А. Куфтина, стр. 116). Границей между андараком и поневой является р. Угра. Весь край за Угрой в устах местного населения называется „Полятчиной" или „Польщиной". Известно, что Угра с 1408 года по 1503 г. по договору с Литвой была границею между Литовским и Московским государством. Граница распространения андарака совпадает с политическими границами Московского и Литовского государства. Более точно: граница идет по следующим пунктам: за Угрой (Мархоткинская волость и Пригородная) носят андараки, на верховьях Угры — с. Уварово, Бабичи, Лапники, Котово, Беспутное—имеют основную одежду—поневу, а андарак носят те, кто взят замуж из-за Угры. Заболоцкая волость носят андараки в с. Жарном, там эта одежда сшита из свойской, т.-е. домотканой материи, называется „сарахван с лихвом", а сарафан из покупной материи называется андарак. Граница андарака и поневы идет далее по р. Соложе, при чем в с. с, расположенных по этой реке, мы встречали андараки. После впадения р. Присмары в Десну (в селах по реке Присмаре носятся поневы) поневы переходят на правый берег Десны и зафиксированы мною в с с. Осавик, Федоровское, Пятницкое, Литовня, Рогнедино, Дубровка, Грабовка.

Сарафан с лифом, как позднейшее культурное влияние, известен в д. Семереве по р. Снопоти, в Жолнах, где он появился на памяти живущего поколения, заменив собою более старый тип одежды — поневу. Появление этого типа сарафана в этих селах говорит о современном культурном влиянии Смоленщины на изученный район. Явление это интересно не столько по своим элементам, сколько по факту заимствования новых форм одежды, когда при оставлении старых форм одежды (архаической), переходят не непосредственно к городским формам, а заимствуют одежды также соседних крестьянских районов, которые не считаются такими „серыми", т.-е. отсталыми. Это явление мне приходилось наблюдать и на других территориях, напр. в Сапожковском, Раненбургском у.у. Ряз. губ., где наблюдается заимствование отдельных элементов костюма однодворцев помещичьими крестьянами, как-то: кокошника и полосатой юбки.

ГЛАВА IV.

НАГРУДНИК.

Наиболее распространенные термины для нагрудника на изученной территории — это термин „касталан“, известный на р. Болве, Неруче, и Ветьме, и термин „чупрун“ в с. Русанове, Лихвинского уезда. Первый термин тяготеет к западной части изученной территории и имеет аналогию по названию в Смоленской и Тверской губерниях. Другой—связан с восточною частью изученной территории и имеет аналогию по названию в Тульской и Рязанской губ., а также у Русской Мещеры Пенз. и Сарат. губ., будучи приурочен к одежде, одинаковой с Русановским чупруном, или к одежде того же назначения, но другого покроя. Другие названия для нагрудника менее устойчивы и приурочиваются к отдельным селам. Это — названия: „сарахван“, „чехлик“ (д. Березово, Жизд. у.), близкая к этому по покрою одежда в с. Инякине, Ряз. губ., также называется „сарафаном“, „шушпан“ (д. Слобода, Жизд. у.) — термин, широко распространенный по Ряз. и Тул. губ.; „балахон“ (д. Кипеть, Вырск, Овсянниково, Косынь, Березово, Дешевки) — термин, широко распространенный для верхней холщевой одежды прямого покроя по Смол. губ. и Витебщине, и термин „саян“ (с. Красный Рог и Рябчевск) — термин, как мы видели в главе о сарафане, связанный, главным образом, с типом сарафана с лифом и известный в Смол., Моск., Тверск. губ.; термин „насов“ (с. Красный Клин), аналогичный по названию в Смоленской губ. и Витебщине.

По покрою нагрудники можно разделить на 3 группы: 1) туникообразные с длинными или полудлинными рукавами, 2) из прямых полотнищ, кроенные по „топорному“, без рукавов, 3) туникообразные со скошенными боковыми полотнищами настолько, что они дают впечатление „клина“ и отчего их местное население называет „клинастые“. Характерной чертой всех нагрудников является их туникообразный покрой, разница в боковых точах и рукавах.

Нагрудники 1-го типа могут быть разделены на 2 подтипа: а) сшитые из 4-х полотнищ и б) сшитые из 5 полотнищ. Первые встречаются в 2-х разновидностях по способу сшивания полотнищ: переднее и заднее полотнище образовано из одного полотнища, перегнутого по утоку, с боковыми полотнищами, перегнутыми по основе (см. рис. 39, шушпан из д. Слобода, М. Ц. П. О.), так, что швы получаются спереди и сзади по бокам, 2) два полотнища перегибаются пополам, через оба плеча, швы проходят по средине спины и груди и по бокам, рукава пришиты к краю стана (см. касталан из д. Бокеевки, М. Ц. П. О. № 548;

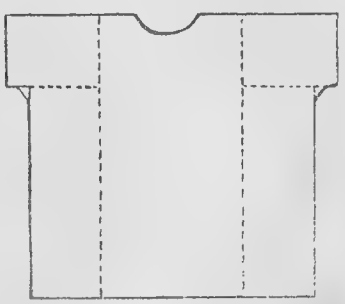

Рис. № 39.

рис. № 40) Нагрудник из 5 полотнищ шьется следующим образом: 2 цельных полотнища сшиваются вместе, перегибаются пополам по утоку, таким образом, получается 2 задних и 2 передних полотнища, 5-ое полотнище перегибается по основе и пришивается сбоку, таким образом „точи“ получаются несимметрично расположенными (см. кол. Ц. М. Н. и рис № 41). Как нагрудник в 4 полотнища, так и нагрудник в 5 полотнищ встречаются в одних и тех же селах и являются одинаковыми по способу пришивания рукавов. Нагрудник в 5 полотнищ называется „добрым“ и носится, главным образом, молодыми. Нагрудники „касталаны“ шьются из холста „рядного“, т.-е. тканого на 4-х подножках, при чередовании подножек 1-я, 2-я, 3-я и 4 — 1-я, при чем одновременно бывают нажаты две подножки, т.-е. предыдущая и следующая за ней; касталаны бывают шерстяные, тканые также на 4-х подножках из белой нитки осенней шерсти. Нагрудники из шерсти являются наиболее старинными, носятся лишь старухами и выходят совершенно из моды.

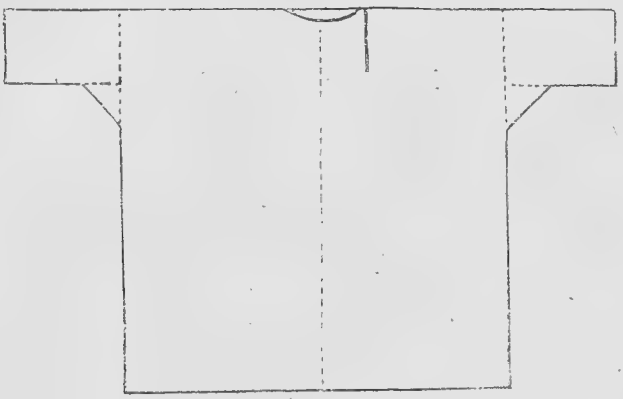

Рис. № 40.

По разрезу ворота нагрудники 1-го типа могут быть разделены тоже на 2 группы: а) с овальным разрезом и б) с разрезом как у мужской рубахи. Тот и другой разрез встречаются как на льняных, так и на шерстяных, как в 5 полотнищ, так и в 4 полотнища, пользуется одинаковыми правами гражданства, но 1-й разрез, если мы будем сравнивать с нагрудниками других территорий, будет преобладающим, 2-й же будет редким исключением. Последний известен в Елатомском уезде, Тамб. г. Этот 2-й разрез, вероятнее всего, стоит в связи с появлением косого разреза ворота у мужских рубах (см. главу „мужская рубаха“).

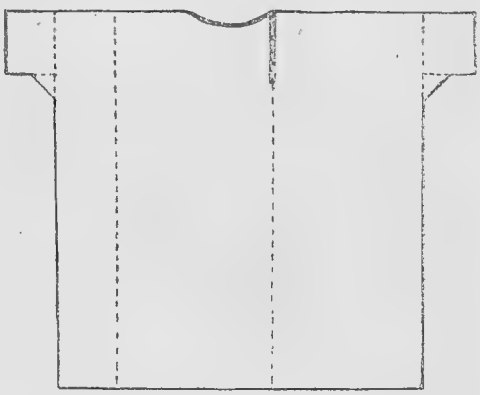

Рис. № 41.

Подолы касталанов украшаются у девок и у молодых баб кружевами и „бахмарой“, т.-е. бахрамой домашнего изделия из цветной шленки. Способ приготовления „бахмары“ состоит в следующем (см. рис. № 42). Берутся две пряди ниток: а и б; берется дощечка такой ширины, какой длины хотят, чтобы была бахрома. Через дощечку перекидывают петлю из цветной шленки (г), эту петлю перекидывают через прядь нити а, после этого передергивают пряди: прядь а ставится на место пряди б, а прядь б на место пряди а,

потом новую петлю из шленки перекидывают через дощечку и через прядь б и т. д. Делают небольшой участок из одного цвета шленки, потом оставшиеся нитки связывают в клубочек и оставляют висеть до тех пор, пока дойдет очередь до этого цвета и делают петлю из шленки другого цвета. Когда вынут дощечку, то нижнюю часть бахромы или разрезают, или оставляют неразрезанной, и так она идет в употребление. Нагрудники этого типа дл. до 1½ арш. Носятся они всеми возрастами, при чем бабами — с поневами, а девками и старухами — без них (см. фотогр. № 43, дер. Бокеевка). Нагрудники этого типа известны: д. Бокеевка, Малые и Большие Савки, д. Желтоухи, Малые и Большие Барсуки, Большая Речка, Покров, Колчино, Усоха, Каменка, Милютище, Костеевка, Отъезжая, Натаровка, Михалева, Анновка, Красный Холм, Шершнево, Шемелинки, Поскань, Крутая, Красный Холм, Новая, Сильковичи, Бокеевка, Лосинка, Труфаново, Бережки, Прутки, Зимнички, Дуринки, Титевичи, Воскресенская, Гавриловка, Космащева, Гусевка, Новое Село.

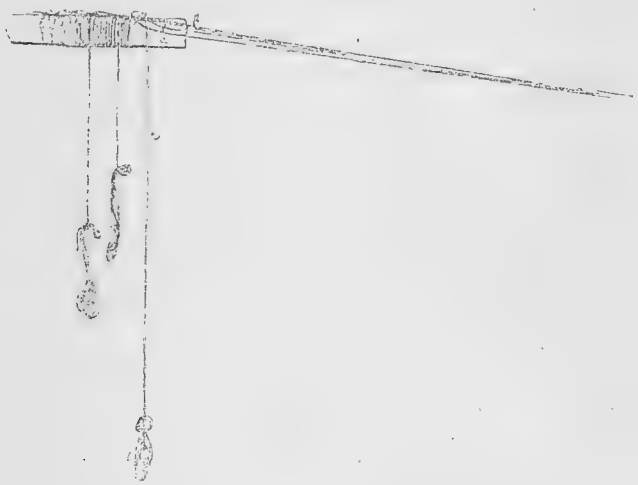

Рис. № 42.

Вопрос о бытовании касталана для Бутчинской волости оставляю открытым: как в Падерках, так в Зимницах старухи уверяют, что у них „касталонов“ раньше не носили, чем они резко выделяются от соседних сел, однако в Зимницах мне был продан касталан Марией Лавреевой, который носила ее бабушка. Этот касталан сшит из 2-х полотнищ миткаля с косым разрезом ворота.

Рис. № 43.

Наличие у бабушки касталана из миткаля в районе, где и до сих пор носится самодельный материал, внушает большие сомнения; вероятнее всего, этот касталан был занесен из других деревень, может быть, и бабушка Лавреева взята из другой деревни, о чем Лавреева не могла дать никаких сведений.

Близкий к касталану этого типа нагрудник под именем „шушпана" только более короткий, до одного аршина длиною и с более короткими рукавами, до 6 верш., сшитый исключительно из льняного холста или бумажного холста, известен в д. Слободе, Огарь, Гололобовка (см. колл. Муз. Ц. П. О. № 536).

Аналогичные нагрудники нашим нагрудникам 1-го типа мы встречаем: шерстяные с круглым разрезом ворота, белые, (Скопин. у., Рязан. губ., известные почти по всему уезду), желтые, с 4-х угольным разрезом ворота (Богословщина, Михайловск. у., и Железницы Зарайского у.), черные (Богородиц. у., Тульск. губ. и Раненбург уез. Рязан. губ, а также у Донских казаков), белые льняные с круглым разрезом ворота (Духовщ. и Бельск. уу. Смолен. губ.; в Тенишевском музее имеются прекрасные образцы таких нагрудников, при чем некоторые из них сохранили весьма старинную черту для нагрудников и рубах такого покроя; это именно—разрез в подоле при сшиве полотнищ, который мы встречали на рубахах с косыми поликами и отмечали как большой архаизм (см. нагрудник из колл. Тенишевского музея, № 5794). Нельзя не остановиться на двух нагрудниках этого музея с вышивками человеческими волосами вдоль по швам обоих полотнищ, спереди и сзади. По сведениям, данным Иваном Федоровичем Борщевским, заведующим этим музеем, эти нагрудники приготовлялись на смерть. Вышивание нагрудников волосами, возможно, стоит в связи с обычаем делать подушки, набивая их волосами, выпадающими в течение всей жизни, и класть их в гроб с умершей. О таком обычае мне сообщали в Сычевском у., Смолен. губ., и сама я наблюдала в дер. Городецкое, Пронского уезда, Рязанской губ. Сюда же может быть отнесен и обычай собирать зубы, выпадающие, и все ногти, подстриженные в течение жизни.

Этот же 1-й тип нагрудника близок к туникообразным женским рубахам, которые, как мы видели, на изученной территории известны в очень маленьком количестве экземпляров, также к великорусским мужским рубахам, и к рубахам Чуваш, Мари, Черемис. Возможно, что эта группа рубах создалась у некоторых народностей под общим культурным влиянием.

2-й тип нагрудника встречен мною в д. Березове, под именем „сарахван". Он состоит из 4-х полотнищ, при чем переднее и заднее образуются из одной полосы холста, перегнутой по утоку, в середине ее сделан разрез для ворота. Боковые полотнища кроятся по „топорному" (см. рис. № 44 а, б, и в.). Для того, чтобы скроить боковые полотнища в 1½ арш. длины, берут полосу холста в 3 арш., на расстоянии 1 арш. от одного конца делают разрез по утоку до середины куска, дальше режут по основе на протяжении ½ арш., далее опять поворачивают и режут по утоку до конца полотнища (см. рис. № 44 а). Таким образом, получаются 2 куска а и б, у каждого куска верхняя часть a^1 перегибается по утоку и сшивается с краем a^2,

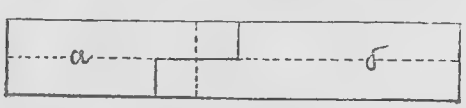

Рис. 44а.

который получается от перегиба полотнища по основе. Таким образом сшитые боковые полотнища пришиваются к среднему. Такой способ кройки мало известен в музейных собраниях. Известен он на нагрудниках с. Лубяники, Касим. у., известен при кройке рукавов в том же Касим. у. (см. Куфтин—„Русская Мещера“ № 34), известен на рукавах рубах Псковской губ. (Ц. М. Н. № 1582), а также при кройке рукавов вместе с поликом, известен также под именем „кройки в замок“ в Сычевском у., Смолен. губ., и на верховьях Днепра. Такие границы распространения этого покроя, по имеющимся

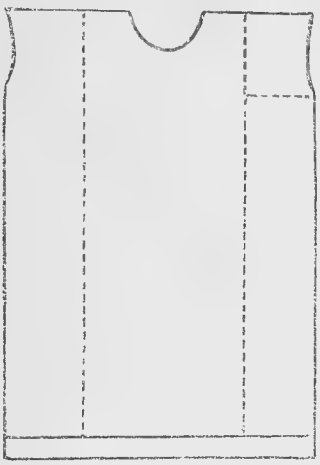

Рис. № 44б.

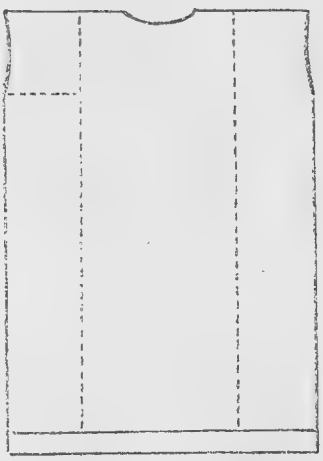

Рис. № 44в.

у нас сведениям, наводят на мысль о главном очаге, где развивался этот способ кройки, это—север. Смолен. губ. и Псковско-Новгородская область, откуда, в связи с северной колонизацией, он мог проникнуть на север Ряз. губ. и, благодаря культурным связям со Смоленщиной, проник по Болве в наш район.

3-й тип нагрудника—„чупрун“—состоит из 2-х полотнищ, образованных из одного полотнища, перегнутого по утоку с разрезом для ворота. По бокам пришивается или по одному скошенному полотнищу, или по два клина (см. выкройку их кройки—отрез а перегибается наискось, пришивается кромкой к переднему полотнищу, а скошенною частью к заднему, для клина б берется добавочный клин, вместе с которым он пришивается к другому боку (см. выкройку нагрудника из с. Русанова, М. Ц. П. О., № 523, рис. № 45 а и б). Нагрудники этого покроя шьются из синего холста, носятся и сейчас старухами, а также из синей и красной шерстяной домотканой материи.

„Чупруны“ носились бабами с поневами двух типов: „размахнутыми“ и с „прошвой“, а девки носили сарафан такого же покроя. Такой покрой нагрудников известен в Смоленской губ., под именем „касталана“ в д. Балтутино, Ельнинского у., (см. колл. Тенишевского музея в Смоленске, № 5711) исключительно холщевые.

Районом широкого распространения шерстяных нагрудников являются Богород. у., Тульск. губ., (напр., д. Огарева), восточная часть Рязанской губ., д. Хрущово-Подлесное. Наши нагрудники изученного района больше связаны с Тульской губ., так как в старину они чаще всего шились шерстяными, холщевый материал явился недавно, как

материал для нагрудника старух. Н. П. Гринькова в своей работе „Одежда Тудовлян“ (см. журнал „Этнография“ т. I) устанавливает эволюционную связь нагрудника с косоклинным сарафаном. Без сомнения имеется связь этого типа нагрудника с косоклинным сарафаном, но, с другой стороны, известны и рубахи туникообразные, со скошенными бочками; возможно, что короткий косоклинный чупрун связан с косоклинным сарафаном, а длинный белый касталан — с рубашками, со скошенными бочками. Во всяком случае, этот вопрос может быть разрешен только при детальном изучении ряда других районов, в частности Днепра и Волги, районов, откуда имеется богатейший материал в Тенишевском музее, но разобраться в котором за отсутствием легенд с указанием условий бытования—довольно трудно.

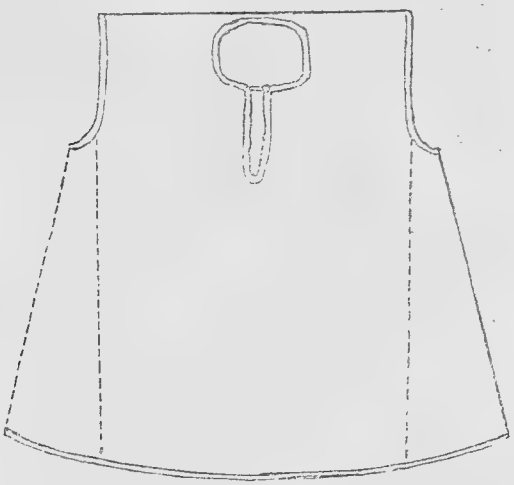

Рис. № 45а.

Что же касается покроя нагрудников по Козельскому уезду, то получить точные сведения не удалось — везде говорили, что они существовали, называя их теми или другими названиями, но точных сведений об их покрое не сообщали. Говорили: были клинастые, с рукавами в одних местах, в других — без рукавов и т. д.

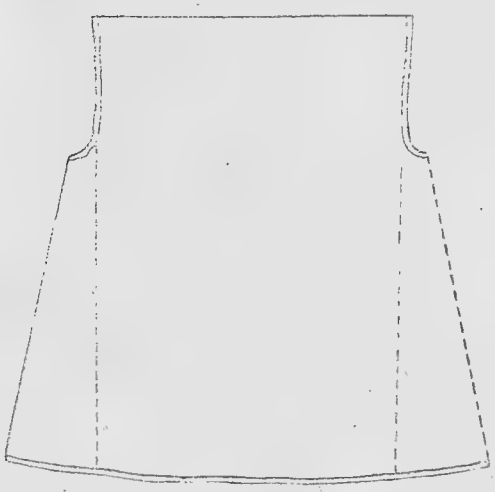

Рис. № 45б.

Есть еще одна характерная черта в бытовании нагрудника, это связь его с ношением мужских рубах. Близкими к нагрудникам 1-го типа являются мужские рубахи, надеваемые женщинами для грязной работы. Я их не включила в общий тип нагрудников, так как специально, как женская одежда, они не встречаются, а для этой цели мужские рубахи надеваются наизнанку,—является ли это результатом пренебрежения к этой одежде или оттого, что когда ее надевают, она бывает настолько грязна, что ее и надеть на лицо нельзя или, может быть, есть особенность, вообще, в ношении одежды, когда лицо от изнанки особенно не отличается. В Бокеевке старухи носят наизнанку нагрудники, в Подбужье и Бояновичах поневы носятся наизнанку, в Скопинском у., Рязан. губ. нагрудник „шушки“ носится также. В Бояновичах рубаху мужскую, надеваемую бабой, чтобы

идти полоскать белье на реке, или выбирать „замашки“, т.-е. посконь, называют „верховкой“, в Салтановке—„тяплынь“. Носится мужская рубаха для этой цели также в Подбужье, Рябчевске, Пьяном - Роге. Мужские рубахи в последних двух селах бытуют у женщин вместе с нагрудником „саяном“. Район Рябчевска, как мы видели на рубахе и поневе, есть район, отличающийся от южно-великорусских элементов культуры; Пьяный-Рог же относится всеми лингвистами к белорусской территории. Наличие нагрудника в этих районах ставит проблему о давнишнем наличии нагрудника у ряда этнических групп, вошедших в состав современных белоруссов.

ГЛАВА V.

ПЕРЕДНИК: НАЗВАНИЯ, ПОКРОЙ, ТИПЫ и РАЗНОВИДНОСТИ.

Передник в исследованной мною области известен под следующими названиями: 1) „шушман", 2) „запан", 3) „занавеска", „хвартук".

На изученной территории он получил наибольшее распространение в тех районах, где нет нагрудника, Бытуя же вместе с нагрудником, он здесь чаще всего является рабочим костюмом и одновременно с нагрудником не одевается. В Рязанской же губернии, в целом ряде районов, он одевается вместе с нагрудником, напр , в Богословщине. Каждому названию нагрудника соответствует определенная форма. 1) „Ш у ш м а н"—термин, широко распространенный среди южно-великоруссов, применительно к верхней женской одежде. Здесь в нашей работе он приурочивается к своеобразному переднику, состоящему из одного полотнища холста, перегнутого пополам, в средине с разрезом для надевания на голову. Разрез оторачивается кумачиком или покупной синей тканой тесемкой, называемой „лента". По бокам в одном месте, на протяжении 3-х см. подшивается тесемочка, называемая „жидочка".

Шушманы бывают праздничные и будничные. Праздничные шились из тонкого льняного холста, шириною в 16 пасм, будничные из рядного холста, тканные в 4 цепка, более узкого, в 10 пасм, поэтому при месте сшива делались штрифтики по 3 см., чтобы несколько его расширить (см. черт. № 46, будничный шушман из с. Пеневичи, Ц. М. Н., инв., № 797 и праздничный, Ц. М. Н.).

Рис. № 46.

Шушманы теперь носятся старухами 70—80 л. По будням и праздникам, вместо занавески, известны в с. Пеневичи и д. Нехочи. По своей форме они являются весьма примитивной одеждой, возможно, что они являются прародителями занавесок, которые, как мы увидим, очень близки к ним по покрою. Старухи говорили, что в их молодости занавесок не было. Аналогичных форм одежды я нигде не встречала, ни в литературе, ни в музейных собраниях. Единственной близкой к нему одеждой является „мятлик", первая одежда для новорожденного ребенка, приносимая ему бабкой вместе с красным пояском, она привезена мною в Ц. М. Н. из д. Беляевки, Чечерской волости (белоруссы) по Сожу из б. Гомельской губ.; покрой ее тот же, только нет скрепления на боках. Общий принцип покроя шушмана близок к покрою туникообразных рубах и касталанов.

2. „Запан“ шьется из одного полотнища холста, перегнутого по утоку, с разрезом по середине для продевания головы, боковые кромки сшиваются вместе, оставляя отверстия для продевания рук. Сзади по середине полотнища делается разрез на $^3/_4$ его длины, чтобы дать возможность его надевать. Наиболее примитивные занавески этого типа встречаются в с. Бояновичи (см. колл. М. Ц. П. О., рис. 47) и в районе Рогнедино (см. колл. Ц. М. Н., № 1336). Местной особенностью занавески является наличие „вокошечка“, круглого отверстия сзади, несколько выше разреза. Вокошечко известно в Русанове, Макарове, Дешевках, Клоксах, Местковичах, Лавшине, Бокеевке и некоторых других.

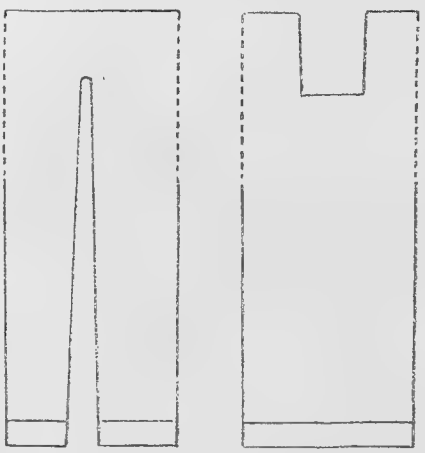

Рис. № 47.

Особенностью последней является наличие вышивки шелком, аналогичной вышивкам на мужских рубахах и на головных уборах. Этот тип передника известен под двумя названиями: „запана“ и „занавески“. Название „запана“ известно в Никольском, Русанове, Макарове. Название же „занавески“ во всех остальных районах. Хотя это есть по покрою тот же самый запан, под именем занавески в изученном районе идет передник другого покроя, известный, напр., в Русанове, Гамаюнщине, Макарове, поэтому термин занавески я приурочиваю к 3-му типу, оставляя за 2-м типом название „запана“, тем более, что термином „запан“ называется передник 2-го типа в Тульской и Ряз. губ. Запан обычно распространен в тех районах, где носят поневы и кички, и в тех местах, где нагрудник не носится, он является единственным дополнением к рубашке девичьего костюма, начинает носиться с 7 лет, или же является дополнением к женскому костюму, к рубашке и поневе. Там, где носится нагрудник, запан бывает неизвестен (некоторые села Скопинского уезда). В других же местах он бытует одновременно с нагрудником, напр., весь касталанный район по р. Неруче и Болве. Наличие запана часто является подтверждением бытования раньше здесь поневы, напр., в Гамаюнщине, где при сарафанном комплексе носится старухами запан, молодыми же—занавески другого покроя, при чем молодые говорят, что с сарафаном носить запан не гоже, но старухи носят по-старинке. Запан встречается в двух разновид-

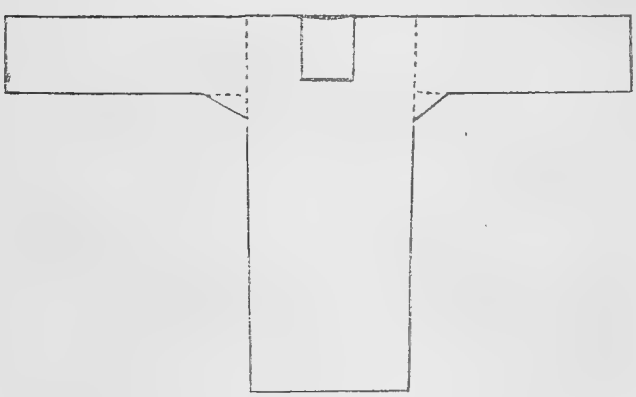

Рис. № 48.

ностях: с рукавами — это рабочий (с. Святое), хотя в некоторых местах старухи надевают его по праздникам (с. Зимница), и без рукав. Особенно широко распространены передники с рукавами в Добужье, Новом Селе, Бокеевке и в прилегающих к ним деревнях, и что особенно характерно, является употребление домотканного красного или синего в клетку холста (см. выкройку № 48, фот. № 49, 50, 51).

3-им типом является занавеска или „з а в е с к а". Верхняя часть ее шьется также, как и запан, т.-е. перегибается полотнище и делается в средине разрез, как и у запана. К этому основанию, который бывает длиною до 6 вершков, пришиваются два прямых полотнища, собранных в сборку. Верхняя часть такого передника называется „грудь", нижняя—"полотно" (Гамаюнщина, Орельск). Разница между занавесками заключается в способе прикрепления задней половинки к передней. В Гамаюнщине она привязывается тесемочками по бокам. В Орельске плечевые части делаются настолько широкими, что она свободно надевается в сшитом виде. Этот тип занавески известен в Гамаюнщине, Макарове, Никольском, Дешевках. Повсюду она является позднейшим наслоением на запан. С рукавами эта занавеска не встречается, но есть еще одна одежда, называемая—„рукава", близкая к ней по покрою грудинки, в с. Подбужье. Для одежды „рукава" основой служит тот же прямоугольник, перегнутый пополам, который составляет грудинку занавески. К нему пришиваются рукава из цельного полотнища, внизу в сборку. В Подбужье рукава шьются из ситца и являются излюбленным нарядом девушек, которые надевают их на запан. В Рязанск. губ, Пронском у., в д. Городецкое, такие же рукава делаются из толстого холста „конопного" и надеваются во время стряпни и во время жатвы или вязания снопов в поле. Излюбленным материалом для 2-го и 3-го типа передника является холст, тканный на 2-х подножках из льняных ниток. В последнее время в деревнях, близких к городу, входит в моду холст с бумажным утоком, фартуки из которого носятся, главным образом, по праздникам, по будням же он мало применим, так как отстирывается плохо. Излюбленными украшениями для передника являются „затканки" и „вырезы". Затканки встречаются в 2-х типах: закладные и бранные. Районы их распространения те же, какие мы видели для бранных и закладных рубах. В Подбужской и в б. Бутчинской волости они, сравнительно, слабо распространены и чаще всего известны под именем „степных"; сами не ткут, а покупают на базарах. Наиболее широко распространены

Рис. № 49.

бранные узоры—это в Рябчевске и Орельске, а также и в Гамаюнщине. Здесь полотно передника целиком забирается узором. Примером может служить занавеска в Ц. М. Н., затканная красной бумагой, сверх—узор „солдаты“ в 22 дощечки (см. понятие ширины узора по дощечке; понева, стр. 40). Ниже узор—„яблочки“ в 3 дощечки, еще ниже—„пальчики“ в 3 дощечки, „яблочки“ на 5 дощечках, „клинушки“—на 3 дощечки, „узорчик“ на 4 дощечки“, „пальчики“ на 2 дощечки, „костыли“ белые на 13 дощечках, (Орельск, Почеп. у., Брянской губ.).

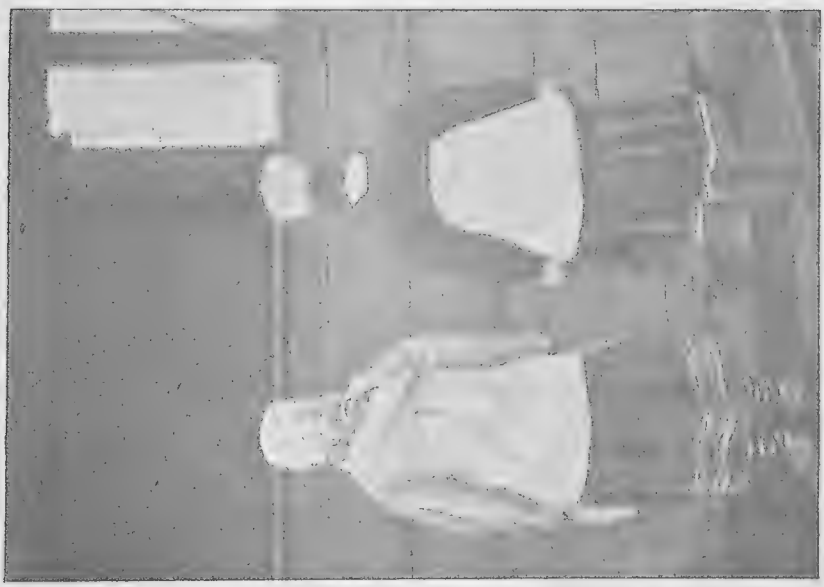

Рис. № 51.

Рис. № 50.

Второй излюбленный способ украшения передников есть „вырезы“, т.-е. узор, вышитый по выдергу. Вышивается он следующим образом: по холсту выдергиваются нитки утока, потом нитки основы, называемые „вдольные“, выдергивается по 2 нитки, а по 3 оставляются, по оставленным ниткам вышивается узор тонкими льняными нитками, потом красными нитками перевивают сетку так, чтобы на красной сетке выступал белый узор; сетку начинают перевивать с угла. В последний момент это есть вышивание цветной бумагой или шленкой белого узора, процесс этот называется — „красить узор“. Вышивание вырезов очень распространено в Гамаюнщине, Никольском, Макарове, Русанове, Дешевках, Алексеевке и Бякове, при чем вырезы последних двух деревень отличаются тем, что в них преобладают желтая и красная шленка, в то время как в первых—цветная бумага. Узоры, которые выполняют на вырезах, следующие: „круги“ (см. рис. № 52, из д. Дешевки, М. Ц. П. О.), „рогульки“, „бабочки“, „круги о четырех пальцах“ (см. рис. № 53 в колл. М.Ц.П.О.).

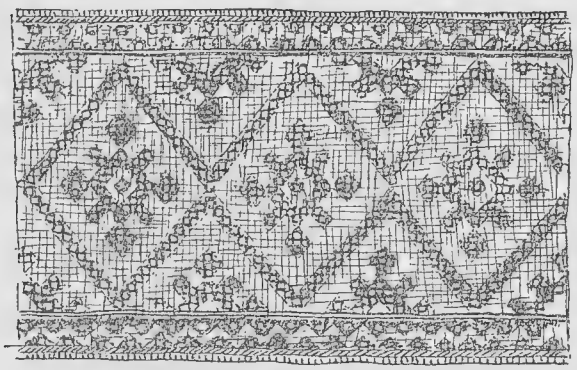

Рис. № 52.

Рис. № 53[1]

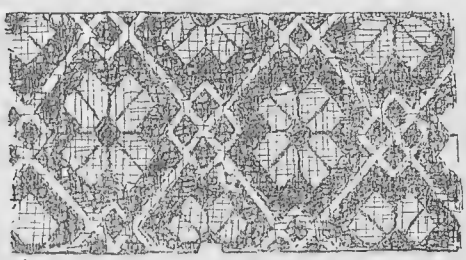

Рис. № 53[2]

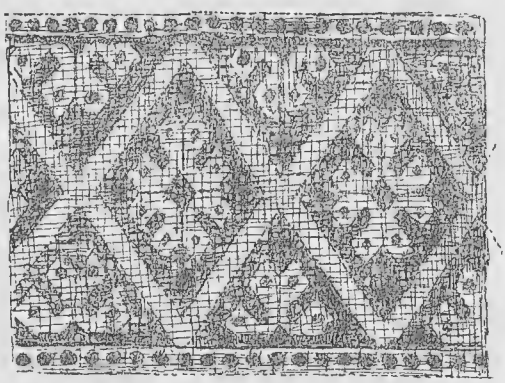

Рис. № 53[3]

Вырезы очень слабо распространены в б. Бояновской волости, в б. Подбужской волости, здесь в большинстве случаев передники являются покупными из соседних сел, сами же вышивают их узенькими, очень небрежно и грязно выполненными. Наиболее лучшее вышивание и более широкое их применение я всегда встречала в помещичьих селах. Вероятнее всего, здесь отразились навыки вышивания, которые приобретали дворовые, выполняя белошвейные работы для помещиков, на это указывали жители с. Берестня, говоря о жителях Бояновской волости, и отмечая, что последним, как крестьянам муж-

ского Свенского монастыра, не от кого выучиться было этим работам.

3-й способ украшения передников—это вышивание. Старинный способ вышивания—это вышивание гладью, шелком, таких образцов находилось очень мало, такие вещи попадаются лишь единицами. Примером может служить занавеска из д. Бухолово (см. Ц. М. Н., № 1336). Это вышивание шелком для южно-великоруссов является весьма старой чертой и стоит в общей связи с распространением вышивания шелком среди Мари, Чуваш, Башкир.

Новый тип вышивания есть вышивание крестом красной и черной бумагой. Явление широко распространенной в Бокеевке, Гамаюнщине, Алексеевке, явление, которое датируется 25—35 годами и стоит в связи с распространением узоров с Брокаровского мыла.

Новым способом украшения занавесок является нашивание на низ кусков цветного ситца, называемых „обкладка“ (см. занавески Ц.М.Н. из д. Латышево, близ Песочная), а также пришивание покупных кружев, называемых „харботы“.

4. „Хвартук“ шьется из 2-х полотнищ холоста или из хлопчато-бумажной ткани сверху в сборку на обшивке, надевается по талии и на груди. Этот тип фартука носится с сарафаном из прямых полотнищ или с юбками, он известен в Гамаюнщине, Никольском, Макарове, Русанове, Дешевках, Мокровской волости, в Алексеевке и пр.

ГЛАВА VI.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ—ДЕВИЧЬИ И ЖЕНСКИЕ: ТИПЫ И ИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СЕЛЕНИЯМ, ИХ РОЛЬ В ОБРЯДЕ И В БЫТУ.

А. Девичьи. Головной убор неразрывно связан с прической. Остановимся немного на прическе девушки, тем более, что господствующее у нас убеждение, что коса, воспеваемая так часто в народных песнях, является основной прической девушки, не вполне соответствует действительности, как это уже отмечено Б. А. Куфтиным у русской Мещеры. Преобладающей прической девушки в настоящее время во всех изученных районах является коса, заплетенная в 3, 4 и даже в 5 прядей волос, напереди, „рядком". Есть украшения, специально связанные с этой прической—это „косники", известные под двумя названиями: „косник" и „нанка" (с. Подбужье и с. Бояновичи). Первый является праздничным головным убором, вторая—будничным. Назначение их одно—вплетаться своими привязками в концы косы. „Косник" представляет из себя кистку, длиною до 10 см., сделанную из бисера с завязками (см. Муз. Ц.П.О № 728). „Нанка"—есть кусок синей нанки (отчего и получила свое название) треугольной формы, украшенной бисером (шириною 7 см. и длиною 60 см.), перегнутой по утоку вокруг тонкой палочки, длиною в 7 см. и подшитой к ней; над палочкой пришит жгутик из холста, высотою 4 см., обмотанный цветной шленкой (покупной шерстью), к этому жгутику сверху пришито медное колечко (колл. М. Ц. П. О. рис. № 54). У нанки, имеющейся в Музее Ц. П. О., колечко медное из полосы меди, имеющей в разрезе полуовал, очень близкое к тем медным колечкам, которые в изобилии находим в славянских курганах всех восточно-славянских племенных группировок и на всем протяжении существования славянских курганов. Однако, на ряду с косой, сохранилась и более старинная прическа девиц—волосы совсем не заплетают в косу, оставляя их прядями висеть по бокам. Эта прическа еще несколько лет тому назад была господствующей в с. Местковичи. Ее помнят и в Бутчинской волости. Известна мне эта прическа в с. Мелихове, Рязанской губ., где она была лет 20 тому назад. Б. А. Куфтин в своем докладе в Академии Истории Материальной Культуры, сделанном по материалам Касимовского у., Рязанск. губ., указывал на эту прическу, как на старинную прическу девушки восточных славян; того же мнения держится и Д. К. Зеленин в своей работе о женских головных уборах восточных славян (журнал Slavia V, 2). Как пере-

Рис. № 54.

житочная форма этой прически, является обычай носить ее в исключительных случаях в обрядовые моменты.

Во всей изученной территории девушка обязательно венчается с распущенными волосами. В с. Подбужье распущенные волосы завязывались назад узлом (не есть ли это „оберег“). Если девушка умрет, ее хоронят с незаплетенными волосами. Участие в целом ряде обрядов требует от женщин и девушек распущенных волос, напр., при опахивании (с. Никольское), похоронах „мокрицы“ (д. Салынь), пахании реки (Троянова Слобода).

Головные уборы девушки сохранились слабее, чем уборы замужних женщин Главная причина этого та, что девушки и все молодое поколение являются менее консервативным элементом, легче теряющим старые традиции. Отчасти, девичьи уборы исчезли скорее и от того, что заключали в себе менее символики, чем головные уборы замужних, отчасти и от того, что символика этих головных уборов не всегда была выгодна для носящих ее. Поэтому платок во многих местах вытеснил старые девичьи головные уборы. Основная черта всех девичьих головных уборов—это отсутствие покрытия макушки. Девичьим головным убором, из чего бы он ни состоял, является повязка, окаймляющая лоб. Несмотря на кажущуюся простоту, девичьи головные уборы нередко заключают в себе несколько элементов, связанных с различными культурными влияниями. Элементы, входящие в состав девичьих головных уборов, могут быть разделены на следующие основные части: 1) *полотенце*— оно представляет из себя льняную полосу, тканую шириною в 10—17 пасм, длиною до 150 см., на концах затканную закладной техникой, узор „крючки“ (рис. 55, д. Алексеевка), или бранную красной бумагой или цветной шленкой (Пластовое, Ружное), или с пришитными вырезами, т.-е. с вышивкой по выдергу красной, желтой шленкой; узор-кресты и др. Домотканное полотенце заменяется иногда покупным миткалем, на концах с затканками и вырезами. Головной убор, состоящий лишь из одного полотенца, сохранился в с. Ружное, дер. Пластовое, Лбы, Бутры, Гремячее, Чичково, Рябчевка, Прилипы. Полотенце здесь складывается в четыре ряда вдоль и кладется на лоб так, что концы идут назад, где переплетаются и идут опять наперед, здесь концы закладываются так, что затканные части попадают наперед и по бокам. Полотенце, как девичий головной убор, является безусловно старинной формой, но о территории его распространения у нас нет никаких сведений по другим восточно-славянским этническим группам.

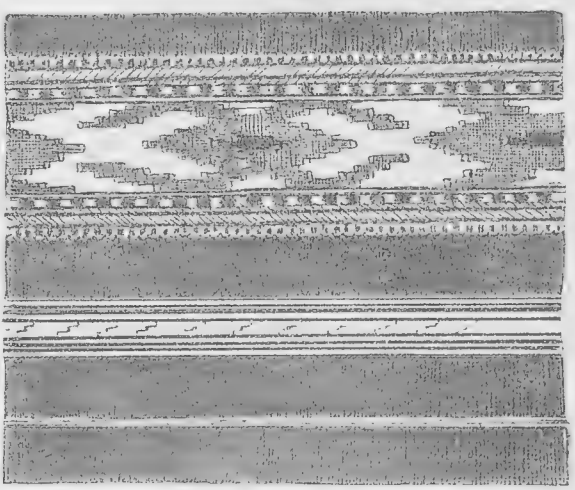

Рис. № 55.

2. *Обруч*, состоящий из луба. Этот девичий головной убор известен под именем „налобень“ (с. Пеневичи; см. колл. М.Ц.П.О. № 792, рис. 56), он представляет из себя обруч из луба, высотою в 4½ см., диаметром 16—19 см., обтянутый холстом и ситцем, спереди с бахрамой, которая плетена из красного, зеленого, желтого, голубого бисера, дл. 1 см. спереди же по холсту нашиты полосы кумача, на ней в два ряда, начиная снизу, нашит узкий позумент, между рядами позумента идет черная полоса с блестками. По позументу нашиты три стеклянные пуговицы и полоса из дутых зеленых мелких бус. Над позументом идет полоса лубка в 1 см. шириною, обмотанная прямоугольниками из синей, красной, желтой, розовой шленки, по которым насажены цветные мелкие многогранные бусы. В нижней части обруча по бокам (в месте, соответствующем вискам) пришиты 4 висюльки, при чем каждая из них состоит из мелких стеклянных бус с пучком шленки, на одной висюльке черный пучок, на другой—желтый, на третьей—синий, на четвертой—красный. „Налобень“ надевается на лоб; когда нужно идти к обедне, то сверху он покрывается платком, сложенным углом, с концами, завязанными под подбородком. Он является главным девичьим убором и вместе с тем праздничным, носится уже с 7-ми летнего возраста. Но наиболее роскошный убор делается для девушки один раз в жизни, для девушки-невесты. Этот головной убор выходит из моды, однако в 1925 году на ярмарке в Пеневичах на Успеньев день несколько девушек были в таком головном уборе, при чем они отказывались сняться, боясь, что этим я их „испорчу“ и что они испытывают ощущение боли в момент снимания. Луб, как элемент девичьего головного убора, известен у витебских белоруссов (Никифоровский—„Житье-бытье Витебского простолюдина“, стр. 120). Д. К. Зеленин считает девичий убор из древесной коры обычным для белоруссов (см. журнал Slavia V. 2, статья „Женские головные уборы восточных славян“, стр. 309). Наличие же бисерных украшений говорит о южно-великорусском наслоении.

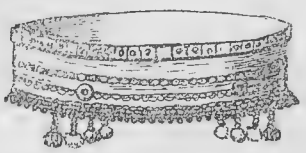

Рис. № 56.

3. *Налобник*, состоящий из позумента, является 3-им типом девичьего головного убора. Более старинный налобник делается из позумента ручной работы, иногда позумент заменяется полоскою шелковых лент с кругами из тех же лент. В чистом виде такой убор известен в д. Литовня под именем „золотнуха“ (см. колл. Ц. М. Н. I 1331). Он состоит из полосы позумента 30×7 см., украшенной стеклянными камнями, т.-е. цветными стеклышками (позумент ручной монастырской работы, орнамент стилизованный растительный), с завязками из кумача, длиною в 53 см., шириной в 9 см. каждая; по бокам позумента нашиты кисти, длиною до 10 см. из красного, желтого шелка. Этот элемент головного убора является общим с аналогичными девичьими головными уборами в Тульской, Рязанской, Тамбовской, Вологодской и др. губерниях, он, следовательно, связан, главным образом, с великорусской средой и с работой монастырей, откуда он расходился; так, напр., в Калужской губ. Казанский Калужский монастырь был поставщиком своих работ. Лет 25 тому назад Елецкий монастырь Орловской губ. специально по заказу местных торговцев, продававших местным щеголихам от 1 до 2 руб. за каждую вышивку, производил в большом количестве эти вышивки, называемые „тканки“, „канки“.

Самая техника вышивания и узоры на тканках являются очень близкими к вышивкам церковных облачений и других церковных предметов 17-го века.

Вторая разновидность того-же головного убора состоит в том, что здесь, на месте позумента, является лента с нашитыми бантами, как часть целого головного убора,—лента здесь несомненно наслоение самого позднейшего времени.

4. Птичьи *перья*, как элемент девичьих головных уборов, известны в двух разновидностях: а) „селезеновы косицы"—черные крючковатые перья селезня, пришиваемые к узкой полосе холста или ситца, называемой „налобник", и заменяемые позднее пучками черной шерсти-шленки (Калуж. у., Лихвин. у., Козельский у. д.—Алексеевская, Литовня, Осавик); б) „павлины"—покупные павлиньи перья, надеваемые пучком спереди (Кипеть, Вырск, Березово). Украшение птичьими перьями является очень древним украшением—одним из примитивов; оно также известно в Подолии, в Курской губернии (Slavia V, 2 стр. 1908), Рязан. губ., Скопин. у., Елат. у. Эта часть головного убора, как самостоятельная не носится, а входит как составная часть, в более сложные головные уборы.

5. *Платок* в девичьих головных уборах является заместителем полотенца, хотя платок и сам по себе для некоторых групп славян (южных, западных) является очень древней формой головного убора; для изученной мною территории он является позднейшим наслоением. Платок, как девичий головной убор, носится в двух видах: а) „пластиком"—складывается углом, вкладывается в него полоса бумаги, называемая „грамоткой", на нее накатывается платок, и эту полосу надевают ко лбу, концы завязывая назад. Такой способ покрытия замещал собою покрытие полотенцем (Никольское, Макарово, Булатово) б) платок складывается углом и завязывается под подбородком—это обычный будничный способ повязывания; в тех местах, где исчезли старые головные уборы, он бывает и праздничным. Этот способ повязывания широко распространен повсеместно с исчезновением старых головных уборов, проник к русским из Германии через Польшу, как это считает Д. К. Зеленин (журнал Slavia V, 2 стр. 320).

Сложные девичьи головные уборы, составленные из вышеуказанных элементов, комбинируются в следующие формы: 1) девичий головной убор, называемый „*венок*" (Ц. М. Н. № 1321 из с. Рекович, см. рис. 57, известен он также и в Лавшини) состоит из трех частей: а) из обруча „венок", т.-е. из луба, шириною $2^1/_2$ см., обтянутого кумачом, обшитого мелкими граненными бусами по краю, б) из платка красного шелкового с пестрой каймой „барсового", 84 кв. с. сложенного углом и закатанного до ширины $2^1/_2$ см., сложенной полосы бумаги такой-же ширины, в) из банта, т.-е. круга из картона, диаметр. 6 см., обтянутого кумачом и обшитого стеклярусом и бусами с 4-мя привесками и длиною до 12 см. из дутых блестящих бус с завязками из красного ситца, при помощи которых он привязывается к венку (см. рис. № 57). Этот головной убор носится и теперь девушками, хотя уже выходит из употребления. Его лубяной остов сближает его с группой головных уборов в Пеневичах и в Витебщине, а „бант" является общим с теми бан-

Рис. № 57.

тами и „косниками“, которые мы встречаем у северных великоруссов и южно-великоруссов.

2. Головной убор, называемый „*тканка*“ состоит: а) из „налобника“, называемого „песики“, полосы холста с черной шелковой бахромой, с бисером на концах, расположенным так, чтобы при надевании бисер совпадал с висками; б) полотенце, сложенное вчетверо и надеваемое по лбу, завязанное назади, в) тканки-полосы позумента монастырской работы. Полотенце под тканкой носят теперь „вековушки“, молодежь-же заменяет их „барзовыми“ платками, т.-е. шелковыми красными платками, которые складывают жгутиком и завязывают узлом позади. При венчании надевают „тканку„ без песиков и по лбу надевают барзовый платок и покрывают кисеей, в старину покрывали полотенцем, а волосы распускали. „Песики“, однако, как часть женского головного убора, сохраняются в головном уборе замужней женщины. Этот головной убор носится в Алексеевке, в с. Алешенке, в Серкино и Липках.

3. Убор, называемый „*подпластик*“, состоял из: а) „поднизей“— бисерной бахромы с селезневыми кудрями, б) платка, сложенного

Рис. № 58.

углом по диагонали, потом сложенного по бумажке „грамотке“ так, чтобы он образовывал полосу „пласт“, который повязывали по лбу, концы завязывая узлом, через этот узел перевязывались цветные ленты, спускающиеся по спине. По небольшим праздникам девушки покрывались без „поднизей“, в складочку, т.-е. повязывали голову сложенным платком. Позднее „поднизи“ заменились „чехрами“. „Чехры“ пережили две стадии изменения: во 1-х, они шились из полосы позумента, к ней нашивались висюльки из серебряной и золотой мишуры, между которыми вставлялись селезневые кудри— 5 штук. Теперь „чехры“ заменились лентами, которые заложены трубочками. Чтобы трубочки не мялись, когда чехры лежат в сундуках, то в трубочки вкатывают скатанные бумажки. Между тру-

бочками нашиваются кружочки из лент другого цвета с блестками и бисером. „Чехры“ носятся сверх надетого, сложенного по лбу, платка. За последнее время стал применяться новый способ ношения, нарушающий основной принцип девичьего головного убора. Именно: платок, сложенный углом, надевается на голову, закрывая макушку, концы его подвязываются назади, по лбу надеваются чехры (см. фотогр. № 58, Дарьи Назаровой и Марии Гусевой из д. Животинкино). Этот головной убор, известен в районе, называемом Гамаюнщина. Близкий к нему головной убор, называемый „банты“ (так называют „чехры“), носится в с. Никольском Макарове, Кипети, где добавлялся налобник с черными селезневыми косицами, в Вырске, Березове, добавлялся пук в павлиньих перьях спереди, отчего головной убор назывался „павлины“, в Булатове же перья заменяются теперь искусственными цветами, которые называются „бантами“. Цветы, как часть головного убора, проникали из женского головного убора в д. Дешевки, Козельского у., где они были, как мы увидим дальше, сравнительно недавнего происхождения и связывались с цветами свадебных головных уборов городской среды.

Рассматривая девичьи головные уборы, состоящие из нескольких частей, мы видим, во-первых, что они впитывают в себя модный материал различных времен, сохраняя в то же время основной принцип головного убора, открытую макушку, во-вторых, в своих названиях они обычно совпадают с названием той части убора, которая является для местного населения наиболее модной, чаще всего с элементами позднейшего наслоения, как-то: „тканка“, „чехры“, „банты“.

Итак, рассмотрев девичьи головные уборы на изученной территории по их отдельным элементам и в целом, мы можем отметить в них элементы весьма архаические, как-то: ношение птичьих перьев; элементы общеславянские, а, может быть, идущие еще дальше в историческом прошлом—полотенца, элементы, общие для современных великоруссов—„тканки“, налобные повязки из позумента, по названию связанные по территории с южно-великоруссами и с северно-великоруссами, и элементы (лубяные обручи), общие с Витебскими белоруссами, лубы—обручи, бытующие на нашей территории в селах: Рековичи, Пеневичи и Лавшино.

Б. Головные уборы замужних женщин. Женские головные уборы, несмотря на все их разнообразие, обладают рядом общих черт. Основная черта всех женских головных уборов—это стремление закрыть волосы, вытекающее из основного положения по отношению к головным уборам, что замужней женщине показывать волосы „зазорно“. Отсюда по всем районам изученной территории, за исключением тех мест, где распространилась городская мода и ходить „простоволосой“ не считается зазорным, царствует убеждение, что женщина должна иметь закрытые волосы. В тех местах, где исчезли старые кички, на смену их явились повойники, а где исчезли повойники, на смену их явился платок.

Сохранилось не мало рассказов о том, какой ужас внушало появление женщин с открытой головой. В Квани одна старушка рассказывала, что в то время, как она носила кичку, однажды ехала по лесу с мужем, кичка зацепилась за дерево и свалилась,—несчастная баба не знала, куда деться от стыда, до сих пор не может забыть этого происшествия. В Берестне говорят, что если женщина идет простоволосая, то она колдунья,—совсем неестественным считается показаться женщине с открытой головой. Задача женского убора—закрыть

волосы: в с. Вздружном девушка на Покров молится: „Пресвятая Богородица, покрой головушку красным платочком, златым позатыльничком“. Формы и состав женских головных уборов очень разнообразны и сложны: некоторые головные уборы заключают до десяти составных частей—в них наслоения различных времен и эпох. Поэтому при разборе границ распространения головных уборов трудно говорить о головном уборе в целом, гораздо целесообразней разчленить его на составные части и проследить границы распространения этих элементов. Головные уборы в целом заключают в себе ряд элементов, входивших в головные уборы девушек. Но переходя к описанию элементов женских головных уборов, необходимо сказать несколько слов и о женской прическе. Основная прическа женщины для всего района—это две косы. Косы плетутся на боку, кладутся наперед и откидываются назад. Спереди получается большое возвышение, называемое часто „рогами“. Но сохранился и другой способ причесывания волос, возможно более архаический: в бывшей Бутчинской волости, в ее старых границах по р. Ветьме, в с. Бояновичи не плели кос, а собирали волосы наперед и закладывали их спереди пучком, прикрепляя к нему кичку, теперь же заплетают косы и собирают их все же пуком спереди (см. фот. № 59). Среди великоруссов этот способ не заплетать волос в косу я встретила впервые, но среди украинцев и белоруссов он встречается довольно часто. В Подолии, в Гайсинском уез. плести косу женщине считается большим грехом. Вдовы и замужние женщины укладывают волосы вокруг головы, разделяя их на две части и связывают их сзади шнуром. (см. Д. К. Зеленина—„Описание рукопис. Географ. Общества“, стр. 1065 Гродненской губерн. стр. 437 и 444). Такую прическу пришлось мне наблюдать у белоруссов по Сожу—Захарпольская слобода, в местечке Чечерске, д. Беляевке и др. соседних деревнях. Обычай складывать пучком волосы спереди я наблюдала и в Полтавкой губ. Миргор. у. в с. Великой Сорочинце, Олифировке, в с. Черевки и др. Н. П. Гринкова

Рис. № 59.

в своей статье „Одежда тудовлян“ описывает прически женщин, не упоминая плетения кос, но, может быть, для этого района они уже давно исчезли, и описанная ею прическа является новой. В ее описании подозрительным является только то, что описанная ею прическа носилась под кокошником—это отчасти говорит за ее старину. Таким образом, по имеющимся в наших руках материалам, можно говорить о некотором распространении обычая не плести кос у женщин; это именно в маленьком уголке нашего Полесья, в Белоруссии, в Украине. Может быть, и обнаружится, что эта прическа была старинной прической восточных славян, а, может быть, она только имеет связь с этническими группами, которые образовали народность белоруссов и украинцев.

Основным и общим элементом всех женских головных уборов, сохранившихся еще во многих районах нашего Полесья, является „*полотенце*“. Разница заключается только в способе подвязывания и в том—будет ли полотенце основною частью убора, будучи повязано без твердой основы кички, или оно будет одним из элементов сложного головного убора, являясь последней покровной частью его.

Первое явление сохранилось в чистом виде в небольшой группе селений, второе же если не всегда и не везде является составной частью носимого теперь головного убора, то все же его очень хорошо помнят старухи по всей изученной территории. Отсюда все женские головные уборы я делю на две группы: а) полотенечные и б) типа кичек. Головные уборы, состоящие из полотенцев, надевались на мягкую основу. Среди восточных славян известны у белоруссов всех подразделений, у украинцев (Черниговщина, Полтавщина), у пинчуков. Наличие их в одной группе среди наших полехов, с одной стороны, может говорить о родстве с этническими группами, вошедшими в состав белоруссов и украинцев, с другой стороны, может говорить о наличии головных полотенечных уборов и у некоторых групп, вошедших в состав южно-великоруссов, которые в течение последующих веков добавили другие составные части. Наша же группа сохранила архаические полотенечные элементы в наиболее чистом виде. Последнее предположение будет наиболее вероятно, так как группа, сохранившая головные уборы из полотенцев, имеет в других элементах костюма больше ч е р т костюма южно - великорусского, чем украинского и белорусского. Головные уборы из полотенцев известны у южных, западных славян, у мари,—у чуваш, и обычно этнографы славяноведы склонны считать эти головные уборы уборами славянскими, которые были переданы финским народностям, а этнографы-финологи склонны считать их финскими (см. Buch—Die Wotjaken Штутгардт, 1882 г., стр. 15—16). Вероятнее всего, это была древняя культурная волна, которая захватила финские и славянские народности в общее течение.

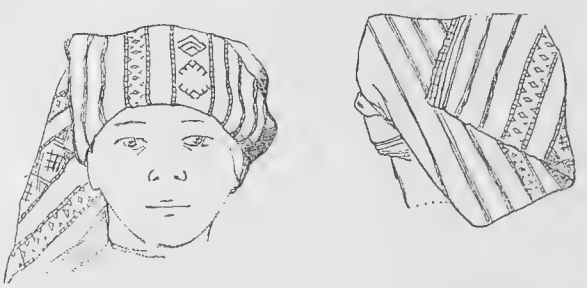

Рис. № 60 а, б.

Полотенца, употребляемые для головных уборов, известны в 2-х типах: 1-й т и п „с а р п а н к и“, т.-е. льняная кисея редкого тканья,

что достигается при заправке ткацкого станка пропусканием ниток утока не в каждый промежуток между тростями берда, а через один, без особых украшений лишь с затканными красными полосами по концам, при чем затканки образованы заменою белых ниток утока красными. Тип этот известен у белоруссов и украинцев.

2-й тип—обыкновенное холщевое полотенце с затканными или вышитыми концами. Этот тип известен у южно-великоруссов, у белоруссов Смоленских и финнов в Поволжье. Головной убор из полотенца в нашем Полесье по своему материалу не является связанным с белоруссами и украинцами.

Кичкообразные головные уборы состоят из большого количества составных частей: первая и главная часть этих уборов будет кичка. Кичка, по своему назначению, выполняет две функции: а) будучи твердым основанием, она придает форму всему головному убору, б) будучи соединена с повойником, она является первым прикрытием волос замужней женщины. Поэтому она может быть носима по будням без остальных частей головного убора (Гамаюнщина). Кички, по своему назначению к повойнику, разделяются на две группы: в первой группе твердые основания, надеваемые на лоб, не соединены с повойником, в таком случае функции повойника выполняет „сорока"; такие же кички известны в Бояновичах, в Пеневичах, Нехочах, Зимничах. Этот тип является старинным типом кички как потому, что сохранился лишь в глухих местах, так еще и потому, что в некоторых местах мы можем наблюдать переход этого типа кички в кичку с повойником (Касимовский у., Рязанской губ.). В старинных коллекциях Румянцовского музея головные уборы Дмитровской волости, Касимовского уезда имеются без повойников, но еще недавно они встречались в соединении с повойником на месте их бытования.

Вторая группа кичек—кички, соединенные с повойником, они встречаются в двух разновидностях: а) когда повойник целиком покрывает голову и б) когда повойник покрывает лишь часть головы.

По своей форме кички могут быть разделены на рогатые, копытообразные, лопатообразные и котелкообразные. Общие названия для всех кичек—это „роги". Требования рогатости в головных уборах замужних женщин мы видим у всех восточных славян.

Если белоруссы называют рогами пучки льна, вложенные под намитку (дер. Беляевка, Гомельской губ., с. Березово, Смол. у.); если Черниговские украинцы рогами называют два конца полотенца, завязанные наперед и поставленные кверху, (с. Случевск), то понятие рогатости безусловно может быть применено ко всем видам кичек нашего района. Многие формы кичек из рассказов местного населения явились видоизменением рогатой кички. Рогатая кичка изученного района в чистом виде представляет из себя как бы два коровьих рога, стеганные из холста и для твердости пропитанные конопляным маслом или молочной сывороткой (см. рис. № 62а). На памяти живущего поколения в с. Бояновичи рогатообразная кичка перешла в копытообразную, которая называется „копытцем". В дер. Салыни рогообразная кичка перешла в лопатообразную, называемую „задок" (см. рис. № 64, 84); то же наблюдается в д. Новое. Рассматривая эти лопато- и копыто-образные кички, мы видим, что по своей форме они являются нижней частью рогатообразной кички (см. рис. 14 и 62а). С другой стороны, мы имеем целый ряд лопатообразных

кичек (Берестня, Волосов-Дудино, Бяково, Святое, Гамаюнщина, Макарово, Никольское), которые, как уверяет местное население, существуют „искони", никогда не бывши рогатообразными, но называвшиеся „рогами". „Лопатообразные" кички разделяются на две группы: одни стеганные—из холста и другие,—сделанные из бересты. Последние известны в Берестне и в Волосове-Дудино и Бокеевке, а первые—во всех остальных местах, где встречаются лопатообразные кички. „Котелкообразные" кички представляют из себя круг или полукруг, согнутый из луба; они известны в двух разновидностях: а) полукруг, сплошь покрытый холстом (д.д. Новоселки, Дешевки, Березичи (рис. 85а) и б) круг из луба, носимый в соединении с колпачком, вязанным из льняных ниток или с отдельно надеваемыми холщевыми повойниками (рис. 87б).

Первым элементом кичек является упомянутый повойник: плетется из суровых ниток при помощи иглы и известен под названием „верховки" (техника плетения, приближающаяся к технике плетения сетей) (имеется в образцах Ц. М. Н. (из д. Ямное № 1373). Плетеные головные уборы известны у белоруссов, у русинов и словаков и в Черниговской губернии (Город.) у украинцев.

На нашей территории вязанные повойники известны в Мокровской волости в ее границах до революции и в дер. Грабовка, где повойник соединяется не с котелкой, а со стеганным обручом. Котелка из луба, как часть головного убора, известна в с. Глинном, д. Салтановке, в Вздружном, в с. Журавинки, а также в Мокровской волости в ее дореволюционных границах.

Головные уборы с котелками нам известны у белоруссов в Минской губернии и у украинцев в Черниговщине. Таким образом, если лопатообразные и рогатообразные кички связывают головные уборы изученной территории с южно-великорусскими, то „котелки" и „верховки" с белорусской и, отчасти, с украинской территорией.

Вторым элементом типа кичек является бисерный позатыльник, известный под названием „подзатылень" (Зимницы), „колодка" (с. Бояновичи, Подбужье), „поднизь" (д. Алексеевка). — Позатыльник обычно состоит: а) из верхней части, называемой „колодка"— трапецевидной или прямоугольной формы, сшитой из холста, обтянутой цветным ситцем и б) из нижнего прямоугольника, называемого позатыльник („поднизь"), низанного из бисера, длиною иногда до 50 см., иногда 5--10 сант.; ширина же поднизей измеряется числом ниток, во сколько низан позатыльник; поднизь бывает в 5—10—20—40 ниток. Техника плетения поднизей заключается в следующем: берется несколько ниток, на них надевается бисер; соседние же нитки продеваются через несколько бисеринок, чтоб соединиться в узор; чтобы получить узор комбинируют различные цвета бисера и различные соседние нитки.

Сверх бисерной поднизи делают второй слой бисерных нитей, висящих отдельно и называемых „ножками", „закрылками" (Святое, Бяково), по бокам привешиваются длинные полосы, плетенные из бисера в 6—8 нитей, называемые „кишки", достигающие иногда длины до 115 см. „Кишки" особенно хорошо сохранились в деревне Грабовка, известны в Бякове, Литовне, Салыне. Бисерный позатыльник является характерной частью южно-великорусского головного убора, как это было впервые отмечено В. В. Богдановым (см. Этн. Обозр. 1914 г. кн. № (1 —2) и стоит в связи с распространением среди южных великоруссов, финнов Поволжья и болгар украшений из бисера. Западной границей распространения бисерных украшений по изу-

ченной территории является правый берег реки Угры, дер. Присмары, Осавик, Федоровское, Литовня, село Рековичи, д. Грабовка, с. Жерелево, д. Сосновое Болото, д. Алексеевка, с. Святое. Ни у украинцев, ни у белоруссов бисерных украшений мы не встречаем.

Колодки привязываются завязками, называемыми „привязочки", „мутозик"; они делаются из полосы ситца, сукна или бывают плетеные. Позатыльники разделяются в некоторых деревнях на зимние и летние. На зимних между колодкой и поднизью делают столбики из шленки, на летних шленка не употребляется (д. Добужа). В будни позатыльник не во всех местах носится, также не всегда он носится старухами (с. Бояновичи, д. Литовня). Разница между старушечьими позатыльниками и позатыльниками молодух заключается в их длине. У молодых они более длинные, у старых короткие. Разница также в наличии „кишек": у молодых обязательно с „кишками", у старух без них (д. Грабовка). Разница еще в наличии добавочных украшений „пушек"—„помпонов" из шленки; пушка—принадлежность позатыльника молодухи.

Третьей частью кичкообразных головных уборов является „сорока". Там, где кичка без повойника там „сорока" является существенной частью головного убора, закрывающей волосы, потому многие, бросающие носить кичку, сохраняют „сороку", как необходимую часть головного убора (с. Бояновичи, д. Зимницы). „Сорока" известна под двумя названиями: „сорока" и „привязка". Под именем „сороки" она известна в д. Дешевки, в Гамаюнщине, в Новоселках, в Волосове-Дудине, в Святом, а под именем „привязки"—во всех остальных. Привязка состоит: а) из „чела", переходящего на боках в крылышки, б) из крылышек, в) из верхней части „макушки" и г) из задней части „хвоста". Название этих частей сохранилось лишь в наиболее глухих районах. Во многих селах их уже не знают. По форме „сорок" можно разделить их на три группы: а) с прямоугольным дном, б) с овальным и в) с дном и околышем, вырезанным по форме рогов. Последняя форма является наиболее старинной и известна лишь в селе Бояновичи. Ярко выраженных рогатых „сорок" мы знаем очень немного — это в Богословщине Ряз. губ., в дер. Александровка Сапож. у., Ряз. губ., у русской Мещеры Пенз. губ., у некрасовцев (переселенцев в Турции); в остальных же случаях рогатая кичка прикрывается „сорокой" с овальным дном; (сороки Сапож. у. Ряз. губ., Касим. у., Ряз. губ., Перемышльский у. Калуж. губ., Веневский у. Тульской губ. и др.) или с сорокой с прямоугольным дном (Пеневичи). Наблюдая изменения сороки в селе Бояновичи, превращение ее из рогатой в сороку с овальным дном, можно думать, что и в других местах этот процесс произошел несколько раньше, с другой же стороны, можно предполагать, что сорока и самая кичка развивались из разных источников, поэтому и форма сороки не соответствует форме рогов, возможен же и такой процесс, что рогатую кичку заменила более нейтральная сорока с овальным дном, рога же у нее, как символика, должны были остаться в скрытой форме. На эту мысль наводит материал этих сорок: они делаются из бархата с позументом монастырской работы, в то время как рогатые сороки в музейных собраниях, правда, в очень редких экземплярах, встречаются сделанными из домотканной шерстяной материи (см. коллекции Русского Музея, сорока Данковского у.) или из домотканного крашенного холста (кички Ряз. губ. в Цент. М. Нар. и в Ряз. Музее). Обычная форма сороки связывается с формой кички и в отношении лопатообразных кичек,

именно—прямоугольное дно сороки неразрывно связано с лопатообразной кичкой. При котелкообразных кичках, при кичках „копытцем" и при лопатообразных кичках в тех случаях, когда они являются вырождением рогатых, мы встречаем полуовальное дно. По степени оформленности „сорок" можно разделить их на две группы: а) плохо сшитые куски материи, почти что бесформенные (с. Алексеевка, с. Бяково, с. Святое) и б) тщательно скроенные и прилаженные к размеру головы. Первые являются наиболее древними и, может быть, судя по Ряз. губ. (с. Чучково, с Мелихово), развились из предшедствовавшей им головной повязки, также называемой сорокой и состоящей из прямоугольного куска холста с двумя широкими завязками, крылышками, по бокам.

Близкой к сороке такого же примитивного типа является „ширинка"—четырехугольный затканный платок, с затканными концами, который повязывается в д. Замошье, Смол. губ., Сычев. у. на лопатообразную кичку, называемую „подубрусник". Это еще более подтверждает мнение о возможности самостоятельного развития сороки из четыреугольного покрывала. Сорока известна у южных великоруссов, у мордвы и мари; ее следы нащупываются у северовеликоруссов в Олонецкой губ., где она известна под именем „здерихи", в Архангельской и Пермской губ. Поэтому является возможность ставить вопрос о сороке с кичкой, как о форме головного убора, который предшествовал у северных великоруссов кокошнику.

Сороки по своему материалу являются наиболее интересными в тех местах, где на них сохранилось старинное вышивание шелком и шерстью. Техника вышивания—бранье, т.-е. выбирание узора по счету ниток так, что на изнанке получается узор негативный лицевому, и шов—гладь, расположенная в виде шнурка; узоры в большинстве случаев геометрические (см. рисунки и названия их при описании отдельных головных уборов). Эта техника вышивания шелком очень широко была распространена по всей Ряз. губ., в Тамб. губ., в Тверской губ. у мари, чуваш, у башкир, по коллекциям Тенишевского музея). Летом 1926 года мне удалось ее наблюдать на наметках Бельского и Смоленского у.у. по верховьям Днепра. Таким образом, шелковые вышивки связывают нашу территорию с культурными влияниями, общими с финнами Поволжья.

Четвертою частью кичкообразных головных уборов являются селезеновые кудри, т.-е. элементы, входившие и в девичьи головные уборы. Границы распространения их совпадают с границами распространения их же в девичьих головных уборах.

Пятою частью женских головных уборов являются налобники—элементы, перешедшие из девичьих головных уборов со всеми теми же разновидностями, которые встречаются в последних.

Шестою частью женского головного убора является полотенце, которое, по способу повязывания в большинстве районов, является такой же частью, что и в девичьем, и внесено в головной убор замужней женщины; только в двух селах оно является с интересными подробностями—это в с. Бояновичи и Зимницы. В Бояновичах в головном уборе нет комбинации из двух полотенцев, которые по способу повязывания близки к повязыванию „наметкой", и без всякой кички могли бы явиться самостоятельными головными уборами, которыми они, может быть, и были до наслоений элементов кички, а о возможности носить их без кички говорит то, что очень старые „бабушки" ходят к обедне, только наде-

вая сороку безо всякой кички и повязываясь обоими полотенцами (фотогр. № 63). В Зимницах полотенце подвязывается под „салазки", т.-е. полотенце складывается вчетверо, кладется под подбородком, а концы его завязываются на макушке. Этот способ повязывания может быть связан со способом подвязывания наметки в Пинском у., Минской губ. (Ц. М. Н. манекен). Аналогичные пережитки мы видим в Минск. губ., Пинск. у. в повязывании зимой платками под подбородком, в Ряз. губ. и в Тамб. губ., а также у донских казаков (статья Н. Ф. Яковлева в „Этн. Обозр." 1916 г., кн. 1—2). Кички являются по всей изученной территории исчезающим головным убором, хотя кое где еще носятся; они еще носятся в Бояновичах, в бывшей Бутчинской волости, в д. Алексеевке, в Глинном, с. Сытенки, в с. Раковицах, д. Салыни, с. Бякове. В других местах они заменились повойниками или переходными головными уборами, часто весьма своеобразными формами, переходными от кички к повойнику [1]) с. Почаевка, с. Кцынь, Подбужье. В одних местах повойник сохранил за собой выйкройку носимой раньше сороки, т.-е. когда повойник имел единственную с сорокой выкройку,— что наблюдалось мною и в Ряз. губ. (Курша, Касим. у.), или же заменялся универсальной формой повойника, который шьется из прямоугольного куска ситца со сборами назади и с разрезом напереди, чтобы образовать сборы и околыш. Форма повойника зависела от того, являлся ли он заимствованием со стороны или являлся результатом изменения местного головного убора; тот и другой процесс приходилось наблюдать на изученной территории. Повойник заносной формы известен в с. Пеневичах; повойник, развившийся из местной формы в с. Бокеевке, в Борнятине. Исчезновение кичек бывает связано с принуждением: помещики и священники запрещали носить казавшиеся им безобразными головные уборы. Так, в с. Ромоданове рассказывали, что барин запретил носить кички, и приказчик у всех, приходящих на барщину, отбирал кички и бросал их в воду. В с. Фомичи священник запретил носить кичку после того, как одна баба, подходя к кресту, изорвала рогами ризу (рассказ безусловно вымышленный, но передаваемый в целом ряде соседних деревень) Первый момент исчезновения кичек совпадает с 60-ми годами (в с. Макарове, Никольском), в других местах кички исчезли лет сорок тому назад (Берестня), в третьих лет 20 (после 1905 года), в четвертых начинают бросать только теперь, после 1917 г. (д. Зимницы, с. Бояновичи). Кички являются первыми частями народного костюма, которые ранее других начинали исчезать. Другие элементы, как формы самодельного костюма, волей неволею должны были сохраняться, впитывая в себя постепенно покупной материал, вследствие экономической маломощности нашей деревни. Так как головные уборы на изученной территории сохранились сравнительно с другими частями Росс. Соц. Фед. Сов. Респ. весьма недурно и заключают в себе целый ряд деталей и подробностей, которые удалось собрать по бытующим образцам или по памяти живущего поколения, которые

[1]) Эти головные уборы я выделяю в особую группу переходных головных уборов от кички к повойнику. Они, с одной стороны, сохраняют элементы кичкообразных головных уборов, как то: состоят из нескольких частей, сохраняют некоторые названия отдельных частей, с другой же стороны, в них нет всего комплекта частей, характерных для кичкообразных, напр.: на головном уборе д. Почаевки позатыльник превратился лишь в бисерную бахрому на задней части „сороки", называемой „хвостом".

в общий предварительный очерк не могли быть включены за недостатком сравнительного материала, то я считаю необходимым сделать описание этого материала по отдельным селам.

В. Женские головные уборы по отдельным селениям.

1. Головные уборы полотенцевые. Головные уборы без твердых кичек известны в д. Пластовое, в Ружном, Гремячем, д. Бутрах, Лбах, Чичкове, Синезерках, в Рябческе, д. Прилипах—в тех же самых местах, в которых мы видели и девичьи головные уборы, состоящие из одного полотенца; этот тип головных уборов известен в двух видах: „головное", обычный головной убор замужней женщины, и „увязки" или „канки", головной убор, надеваемый после венчания на молодуху и носимый в течение года по самым большим праздникам, он надевается, таким образом, всего два три раза во всю жизнь. Общею чертою того и другого головного убора является его нижняя часть, называемая „кичка"; это—мягкий чепец, сшитый из прямоугольной полосы холста с завязками. Кичка, надеваемая под увязку отличается тем, что спереди ее пришивается круглая палочка, см. 2 длиною, для того, чтобы за нее удобнее было прицеплять остальные части головного убора. При „головном" надевается на кичку полотенце, которое средней своей частью закрывает макушку, правым концом, сложенным углом, вторично накрывает ее, левый конец, будучи сложен вчетверо, обходит вокруг головы и ложится спереди околышем по лбу своим затканным концом (см. рис. № 60а и б).

Полотенце, употребляемое для этого головного убора, такое же, какое мы видели в девичьих головных уборах, название их узоров даны выше при описании девичьих головных уборов. Его вырезы и цветные затканки сближаются с элементами южно-великорусскими.

„Увязка", как другой тип головного убора, имеет сверх кички следующие добавочные части: во-первых, хохол из красного шелка, это—треугольный кусок шелка, который окутывает затылок и спереди и завязывается пуком, и во-вторых, кисти—шнуры из зеленого шелка длиною 20 см. с пришитой серебряною бахрамой, с одной стороны длиною до 20 см. шнуры, будучи соединены вместе, надеваются на затылок концом, свободным от бахромы, перекидываются наперед, обходят вокруг хохла и откидываются бахромой опять на затылок, в-третьих, сзади под шнуры надевается позатыльник из позумента монастырской работы, спереди „причелок" из того же позумента монастырской же работы (см. рис. № 61). Этот головной убор является близким к головному убору, Дмитриевского уезда из с. Бузец (см. Материалы по этнографии России, т. I, ст. 7). Наиболее интересными частями этого головного убора являются кисти; близкие им кисти мы видим в Богословщине, Рязанской губ. под именем „снуры" (кол. Ц. М. Н. и Рязан. музея), а также в чувашском головном уборе.

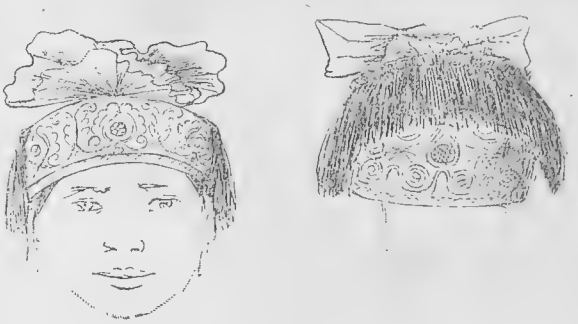

Рис. 61 а, б.

Д. К. Зеленин (Slavia V, 2 стр. 332) сравнивает эти шнуры с искусственными косами, заимствованными, быть может, от помещиц 17-го века. Наличие искусственных кос с бронзовыми спиралями (Люцинский могильник, колл. Витебского музея, финские могильники Влад. губ. в Историческом Музее) ставит вопрос о более древних традициях искусственных кос в женском головном уборе. Бытование их в настоящий момент на южно-великорусской территории ставит вопрос о необходимости искать их в тех культурных влияниях, которые были на этой территории.

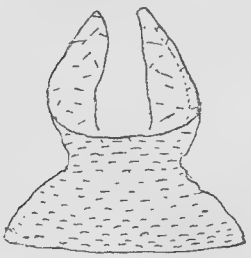

Рис. № 62а.

2. Головные уборы кичкообразные: рогатые, копыто-лопато-котелкообразные, с сеткой: Бояновичи, Пеневичи, Зимницы, Алексеевка, Иванькино.

С. Бояновичи. Старинный головной убор из с. Бояновичи состоит из: а) кички, стеганной из холста со шнуром, называемым „мутовиз“ (см. колл. Ц. М. Н., М. Ц. П. О. №793—4), б) бисерного позатыльника (достать старинного позатыльника не удалось), в) из привески (см. рис. № 62 б¹, б² спереди и сзади). Привеска состоит из „чела“ и лобной части в 24 см. высотою и около 40 см. шириною, „хвоста“ длиною 38 см., шириною 16 см. и „крылышков“—завязок сбоку. Кичка состоит из холста, и невышитая ее часть наложена кумачом. По лбу нижняя часть чела и верхняя часть хвоста вышиты красной бумагой, техника вышивания—„бранье“, узор называют—„степной“, посредине чела над вышивкой нашит четырехугольник из красного с черными разводами ситца, называемый „полка“, который кругом обложен шелковым черным шнурочком, называемым „колосок“. Старухи, когда идут к обедне, надевали на него полотенца,—полотенце широкое 16 пасм, называемое „косинка“ и узкое полотенце шириною в 10 пасм, называемое „ширинка“. Косынкой окутывали всю голову, а ширинку надевали по лбу (см. фот. № 63). Этот головной убор перестали носить, последними его носили два года тому назад Надежда Харламова и Анисья Петрусина. Другие же бросили лет 25 тому назад, заменив его кичками другого покроя; но впрочем на молодую считалось необходимым хотя бы

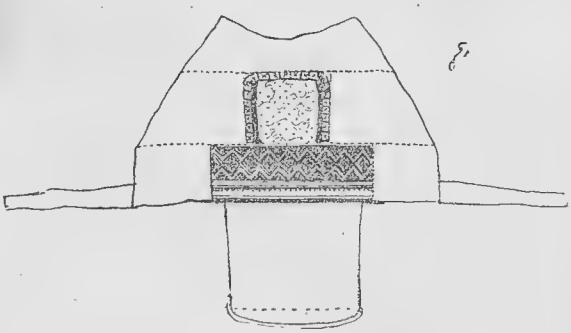

Рис. № 62 б¹

Рис. № 62 б¹, б²

раз в жизни надеть рогатую кичку, именно: в 1-й день замужества.

„Кички“ — головные уборы, в целом носимые сейчас в Бояновичах, состоят из следующих частей: а) из кички копытообразной, стеганной из холста, 11 см. высотою, 24 см. шириною по лбу, близкой к рогатообразной, если только сверху отбросить узкие рога; носится также без повойника, укрепляется при помощи завязки—„мутоза“ (см. рис. № 64 а, б), из привески состоящей из тех же частей, как и у рогатой кички, лишь с изменением покроя ее верхней части, в которой не делается выемка для рогов; чело и верхняя часть хвоста и привески обильно вышиваются красной бумагой, техника — „бранье“, узор геометрический, „кучерявый“, „глазки“ и др. (см. рис. № 64 б[1] и б[2], в) из позатыльника, который надевается сверх привески и состоит из „колодки“, сшитой из холста, выложенной позументом и из — „поднизи“, низанной из бисера, сверху с помпонами, сделанными из шленки (см. колл. М. Ц. П. О. № 797 и рис. 64 в). Позатыльник носится лишь молодыми бабами и только по праздникам; „по печали“, т.-е. в трауре, сверх частей головного убора надевались ширинки и „косинка“, как мы описывали у старух. „Без печали“, идя к обедне, надевают красный шелковый платок, сложенный жгутом и повязываемый по лбу вместо ширинки; вместо же косинки надевается тюлевое полотенце, позатыльника не надевают, а если идти под „рели“, т.-е. под качели, то кисейной ширинки не надевают,

Рис. № 63.

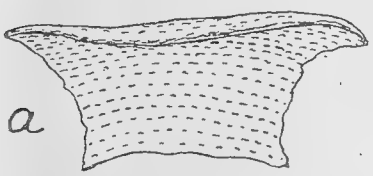

Рис. № 64а.

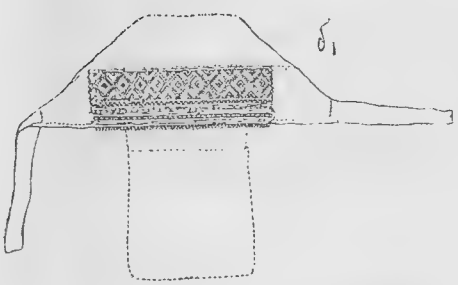

Рис. № 64б[1]

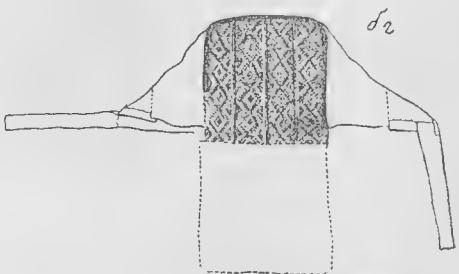

Рис. № 64б[2]

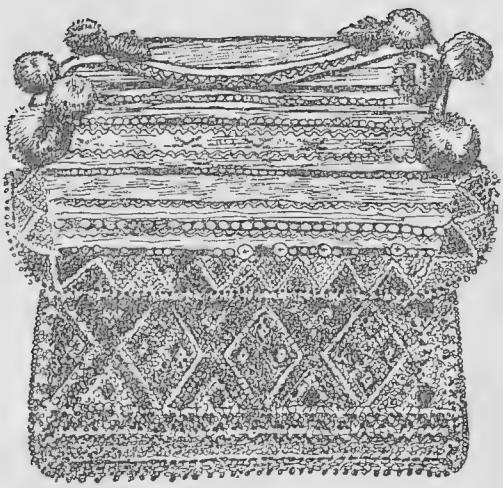

Рис. № 64в.

а надевают позатыльник шелковый, сложенный платок и, кроме того, черный шелковый шнур, „гайтан“ длиною до 3-х аршин надевается вокруг лба и концы спускаются назад (см. фот. № 63). Весь описанный комплект головного убора считается головным убором второй смены, т. к. когда он стал только что вводиться, его носили обычно молодые бабы после первого ребенка. Теперь и этот головной убор начинают бросать. Аналогичные Бояновичским головные уборы были в д. Нехочи и дер. Слободе.

Пеневичи. Старинный головной убор в этом селе—„сорока“; она состоит: а) из кички рогатой, для которой взят четырехугольник холста в 19 см. длиною и 5 см. высотою, сложенный вдвое и выстеганный, под ним поставлена трапеция из 4-х деревянных палочек боковых по 8 см. длиною и горизонтальных внизу 11 см. и вверху—14 см. Палочки обтянуты холстом. Повойника к кичке не пришивают (см. р. № 65 а), б) из сороки собственно. Чело сороки состоит из прямоугольника в 37 см. дл., 12 см. высотою, с загнутыми сверху углами, благодаря чему спереди получается трапецевидная форма. Сзади пришивается „хвост“ прямоугольной формы в 23 см. кв. Сорока сшита из холста, выложена там, где нет вышивки, кумачом. По челу идет вышивка в 1½ см. шириною крестом и шнуровой гладью из шленки. Узор—косячки. Между вышивкой--блестки. По хвосту три ряда вышивок красной бумагой и цветной домотканной шерстью, шов—горизонтальная строчка, узор геометрический, на

Рис. № 64г.

верхней полосе он называется „глазочки“, на 2-й и на 3-й „косой семинитник“, это — наклонная полоса из 7 ниток. Между 2-й и 3-й вышивкой положены волнообразной линией две полосы позумента (см. рис. № 65 б[1] и б[2]), говорят, что в старину вместе с кичкой и сорокой носился бисерный позатыльник, а также косынка и ширинка, как в Бояновичах. Приобретенные мною кичка и сорока для Музея Ц. П. О. (№ 428—9) принадлежали Варваре Аверкиной, умершей 6 лет тому назад (1919 г.) 70-ти лет от роду. Это была последняя женщина в селе, носившая рогатые кички, теперь же носят повойник, который состоит из прямоугольника, подрезанного спереди на расстоянии 10 см. от края; чтобы получить околыш на повойнике, сделаны сборки спереди и сзади. Под этот повойник надевают круг, сделанный из яблоновой ветки (см. колл. Музея Ц. П. О.). Такой же головной убор носится в д. Журиничи. По покрою повойник является широко распространенной формой в Калужской и Брянской г. (д. Фролово, с. Почаевка, с. Подбужье), также по Ряз. губ., Тульск. и Московск. губ.

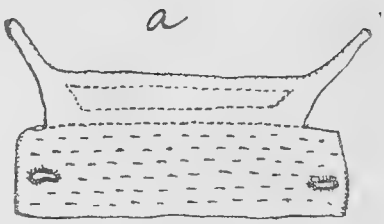

Рис. № 65а.

б.

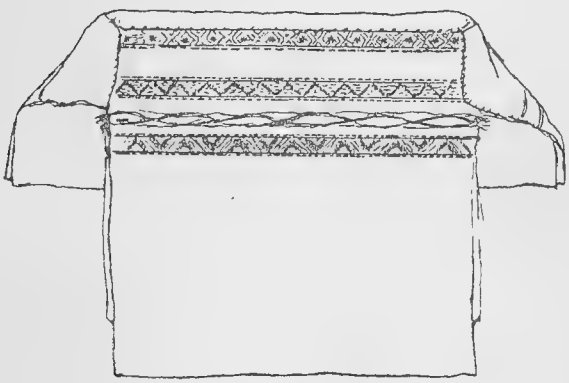
Рис. № 65б[1]

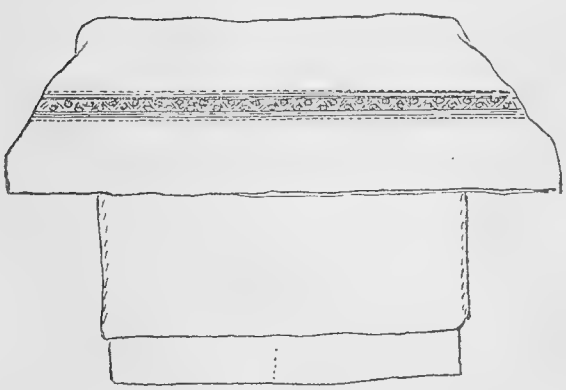
Рис. № 65б[2]

Деревня Зимницы. Здесь головной убор называется „привеска“. Он состоит: а) из кички в виде прямоугольника в 11 кв. см., сложенного из нескольких рядов холста и выстеганного (см. рис. № 66 а[1] и а[2]) и б) из бисерного позатыльника[1]) который состоит из колодки, верхней части позатыльника трапецевидной формы, из ситца на подкладке из холста дл. 55 см., шириною 4½ см. и „разнизки“, длиною 6 см., низанной из бисера, узор „лягашки“, в) из „привязки“, состоящей из чела, 46 см. длиною, 18 высотою, „хвоста“ 21 см. дл. и 14 см. шир., „косяков“, пришиваемых между завернутою частью чела и хвоста,

[1]) Позатыльники молодух делаются с китками, т.-е. красной шерстяной бахромой на висках. У старых „китков“ не делается (см. позатыльник Ц. М. Н. и Ц. П. О.).

и „крыльев“, т.-е. завязок. „Привязка“ шьется из холста и вышивается шелком. Особенностью вышивания данного района является вышивание: а) шелком, б) швом шнуровою гладью, в) цветами—красным, желтым, черным, изредка бордо. Узоры, известные здесь—9 глазков (см. рис. № 67а), „медвежьи глазки“ (см. рис. 67б), „крючки“ (см. рис. № 68), „гребешки“ (см. рис. № 69) и др., г) из ширинки—узкого полотенца, шириною в 10 пасм, повязанного по лбу и замененного теперь платком. Старухи говорили, что был распространен обычай подвязываться „под салазки“, т.-е. второе полотенце или трехугольную косынку из набойки складывали вчетверо, подвязывали под подбородком и завязывали на макушке.

Рис. № 66а¹

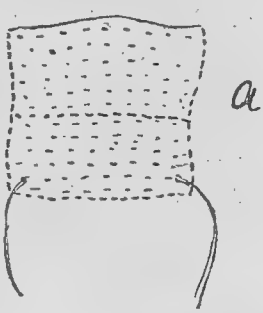

Рис. № 66а²

Этот головной убор распространен по всей бывшей Бутчинской волости (см. фот. 71, 72, 73). Рис. 72-й доставлен поздно и в текст не введен.

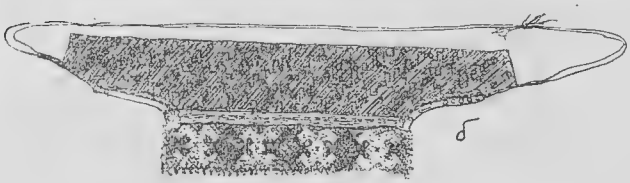

Рис. № 66б.

Дер. Алексеевка. В ней головной убор—кичка, которая состоит из 8 частей: а) из собственно кички, состоящей из твердого стеганного прямоугольника, 14 см. шириною и 12 см. высотою и пришитого к нему повойника, т.-е. прямоугольника 38 см. шириною и 26 см. длиною, который одною своей частью (см. рис. 74 А, б—1) надевается (рис. 74, А, в) на затылок, а другою частью (74 А б²) натягивается ко лбу и привязывается при помощи шнурков „мутозиков“, которые и дают возможность стянуть его на затылке и подвязать к голове его свободные концы (см. рис. № 74 А), б) из „привески“, состоящей из донышка из грубого холста, 35 см. дл. и 8 шир., к которому пришит прямоугольник в 16 см. шир. и 70 см. дл., спереди разрезанный (см. рис. 74 Б в), чтобы можно было при надевании натянуть его на голову. Эта боковая часть обычно называется лентами, т. к. она по холсту вся выкладывается лентами и ситцем, в) из „песиков“ или „вушков“,—это полоса ситца с бахромой из черной шерсти на висках, иногда с красной шленкой у молодух, называемой тогда „пушочками“ (см. рис. 75), г) из „поднизи“, т.-е. из позатыльника, который состоит из колодки в 24 см. шир. 11 см. дл. из розового ситца на подкладке из белого холста и поднизи в 40 см. шир. и 21 см. длин., низанной из цветного бисера,

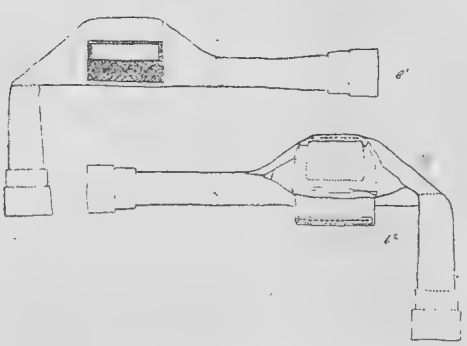

Рис. № 66в¹ и 66в²

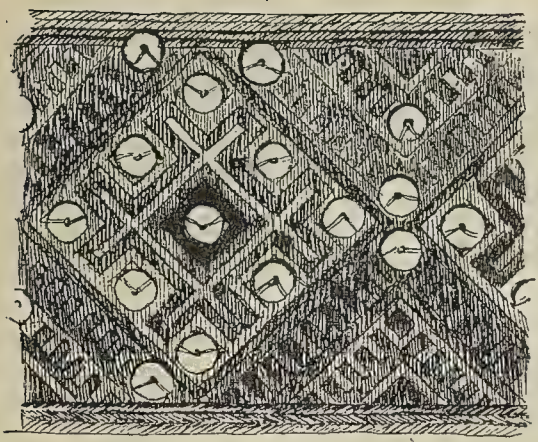

Рис. № 67а.

Рис. № 67б.

Рис. № 68.

Рис. № 69.

Рис. № 70.

Рис. № 71.

узор называется „пальцы“, над бисерной поднизью спущено 6 бисерных ножек, дл. 39 см., называемых „закрылками“. Позатыльник привязывается при помощи синих шерстяных завязок, называемых „подкоской“ (см. рис. № 74 В), д) из „покосника“—это две нитки 4 см. длин. из черной шерсти с бисером на концах и надеваемые сверх привязки на „копытце“ кички (см. рис. 75 а), е) из „ширинки“—это полотенце 150×30 см. с забранными концами, узор—„челноки“. Полотенце складывается вчетверо, повязывается по лбу, концы опускаются назади, когда идут к обедне, а когда идут на покос концы закладываются напереди (см. рис. 75 б и рис. 10), ж) из „тканки“—это налобник, который спереди сделан из парчи монастырской работы, узор растительный, стилизованный, с боков из подшитой материи, называемой „закрылками“, спереди по бокам нашиты желтые пум-

Рис. № 73.

поны, называемые „пушки“. Тканка надевалась только по праздникам, з) из ленты—это цветные шелковые в 66 см. длин. и 4 см. шир. ленты, которые спускаются сзади.

В полном своем составе головная кичка в д. Алексеевка надевалась только по праздникам; в будни же не надевалось ни тканки, ни полотенца, ни вушек, ни лент, и голова покрывалась сверх привески только платком. С 1908 г. этот убор начали переставать носить, и теперь редко у кого можно его встретить.

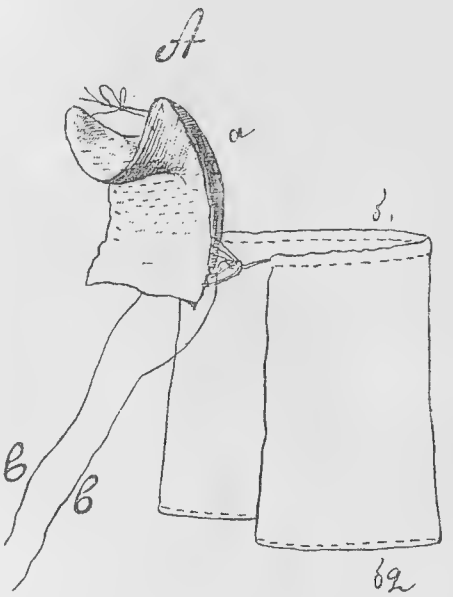

Рис. № 74А.

Дер. Иваньково. Головной убор в ней—„махренка“. Он состоит из 7 частей:

а) рогатой кички такого же покроя, как в с. Бояновичах, разница лишь в том, что к ней пришит холщевый повойник;

б) из „косиц“—это полоса красного ситца в 64 см. дл. шир. 4½ см., а по бокам на расстоянии 11 см. от середины лба пришито по 5 „селезневых“ перьев с каждой стороны и по одному павлиньему перу, надевается непосредственно на лоб;

в) из „махренки“, собственно; она состоит из „макушки“, круга диаметром 14 см. и из околыша, пришитого к макушке, и позатыльника, пришитого сзади в 16 кв. см. Макушка и околыш сшиты из красного шелка, макушка вышита бисером, узор растительный, сзади с боков по месту пришива околыша к макушке пришита густая бахрома из красного, синего, желтого шелка до 10 см. длиною; позатыльник сшит из кумача;

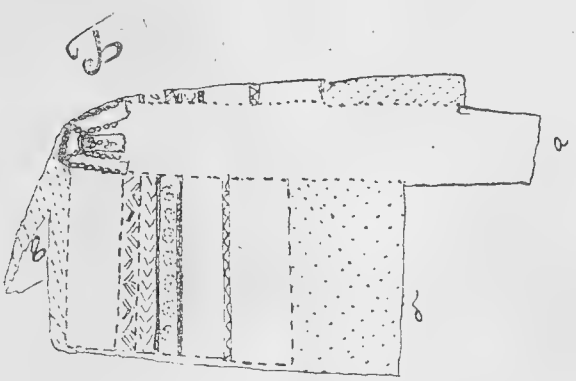

Рис. № 74Б.

г) из „павлинов“, т.-е. четырех павлиньих перьев, надеваемых спереди;

д) из шелкового платка фабричного производства, затканного золотой ниткой, узор цветы; платок складывается полосой и надевается по лбу;

е) из „бантов“—красная шелковая лента, сшитая трубочками, близкая к „чехрам“— девичьему головному убору;

ж) из „позатыльня“. Это 6—8 концов лент, дл. от 66 до 71 см., надеваемых сзади. Весь этот головной убор „махренку“ надевают на молодую после венца, и он носится в течение 5 лет замужества. Этот головной убор известен, кроме Иванькова, также в южной

части Лихвинского уезда, как то: в Вырске, Косынь, Алферове, Завалихине, Давидовке, Сергиевке (см. колл. М.Ц.П.О. № 498) также в Белевском у. Тульской губ. (см. колл. Белевского музея, см. рис. 75: 1 и 2). В этом головном уборе самой старинной частью осталась лишь рогатая кичка, которая теперь часто под „махренку“ не надевается и заменяется просто повойником.

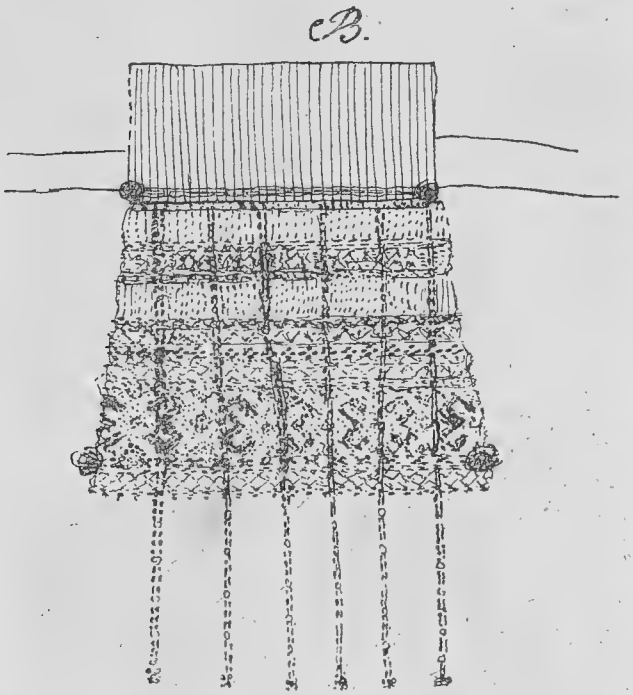

Рис. № 74В.

„Махренка“ явилась заместителем более старинного головного убора, который назывался „вывод“. Вывод состоял: а) из холщевой кички того же покроя, который надевался под „махренку“, б) из селезневых косиц, в) из „вывода“--собственно, состоящего из полуовального дна из красного шелка и из чела из парчи монастырской работы (см. колл. М. Ц. П. О.) г) из бисерного позатыльника и д) из шелкового платка, сложенного полосой и надеваемого по лбу.

Этот головной убор был известен в Вырске, в Березове, Скрылеве, Алферове, Завалихине, Юрмакове, Маркове, Овсянникове, Страхотиловке.

3. Головные уборы лопатообразные: Салынь, Осавик, Святое, Бяково Уты, Квань, Новое село.

Головные уборы с лопатообразными кичками чаще всего называются местным населением „рогатыми“. Эти головные уборы по кичкам могут быть разделены на две группы: а) уборы, у которых лопатообразная кичка образовалась из рогатой и б) головные уборы, у которых лопатообразная кичка является единственной старинной формой, которую помнит местное население.

К 1-й группе относится головной убор из д. Салыни, называемый „головное“. Он состоит из 3-х частей: а) из „задка“ (см. Ц. М. Н. № 1324). „Задок“ состоит из образующей по-

Рис. № 75а.

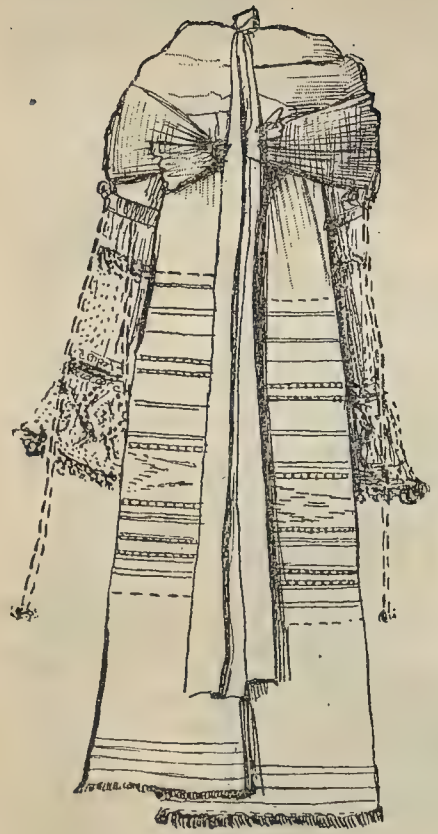

Рис. № 75б.

Рис. № 75 Iа.

Рис. № 75 Iб.

Рис. № 75 IIа.

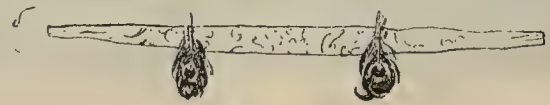

Рис. № 75 IIб.

войник полосы холста 34+30 см. и налобной части с жгутом из холста дл. 20 см., шир. 8 см., сделанной из розового ситца на подкладке из холста, край у него оторочен черным ластиком, половина налобника выложена серебрянным и золотым плетеньком, блестками, бусами и зелеными шерстяными вилюшками; заднее полотнище прикреплено двумя углами к краю на лобной части, а через сторону, обращенную к налобнику, продернут шнур, которым и собирается полотнище при надевании „задка“ и завязывается на затылке, б) из бисерного позатыльника, в) из „привязки“ с прямоугольным челом и прямоугольной „макушкой“: она обильно обшита по челу бусами, (см. фот. № 76). У местной старушки Ульяны Селивохиной, 70 лет, которая была „швяцой“, т.-е. мастерицей, умеющей шить кички, удалось выяснить, что задку предшествовала кичка типа из с. Бояновичи. Одинаковый головной убор с убором из д. Салыни, мы встречали в с. Рябчиках, Буде, Сетинке, Пеклине, Давыдочах, Дубровке, Алешине, Любимовке, Рековичах.

Рис. № 76.

Головной убор 2-й группы из лопатообразных кичек известен в д. Осавик. Он состоит из 3-х частей: а) из „стеганца“, т.-е. трапецевидной полосы холста 39 см. длины, первое основание (большое) высотою 27 см. пришитой к трапецевидной налобной части 19×9 и высот. 7 см. из холста же, на которой пришиты трапецевидные же „рожки“ из луба, обтянутые холстом (9 и 7 и 2) и обращенные кверху широким основанием. Завязки из 3-х нитей—суровых ниток, длиною 150 см. (см. колл. Ц. М. Н. № 1332), б) из позатыльника, который состоит из прямоугольной полосы холста (28×9 см.), выложенной кумачом, на котором нашита полоса черного шелкового шнура, с блестками, по бокам нашиты кусочки золотого позумента шир. 1 см., длиною 5 см.; другою частью позатыльника является „колодка“. Это прямоугольник в 11 см. шириною, 28 см. длины, низанный из желтого, красного, голубого, зеленого бисера в 21

нитку (узор геометрический: ромбы и вертикальные углы). Обе части позатыльника сшиты красной шленкой, место сшива называется „пришивкой“. Завязки делаются из красного ситца и из покупного шнурка (см. колл. Ц. М. Н. № 1339); в) из привязки, которая состоит из налобной части, чела-прямоугольника из холста 40 см. шир. 13 см. высотою, на которой сверху нашита полоса коленкора 4 см. шир., ниже ее полоса кумача 2½ см. шир. и из „хвоста“, т.-е. теменной и задней части, представляющей полосу холста дл. 54 см., шир. 25 см. Эта полоса обшита коленкором, на который с трех сторон положено по одной полосе кумача, шир. 4 см., дл. в 1 см. и одной полосе „зубчиков“ из кумача. Весь „хвост“ оторочен бахромой из красной и желтой шленки в 1 см. длиной; третья часть „привязки“ есть завязки, называемые „крылья“, из розового ситца (см. колл. Ц. М. Н. № 1340); г) из „налобника, который называется „тканка“. Это—полоса холста дл. 41 см., шир. 10 см., на ней вышивка 25 см. длин., 7 см. шир. красной шленкой, техника вышивания—„бранье“ иголкой по счету ниток, узор негативный геометрический, элементы—ромбы, называемые „круги“ и перпендикулярные к ним полосы, называемые „лапки“. Завязки из розового ситца 34 см. дл., шир. 10 см. Над вышивкой нашит в два ряда шнур из серебряной нитки и один ряд из блесток. Под вышивкой по лбу пришита бахрома дл. 1 см. из желтого и белого бисера (см. колл. Ц. М. Н. № 1341, см. фот. № 77).

Рис. № 77.

Головной убор в полном составе в д. Осавик называется „привеска“, носится молодыми по большим праздникам. В будни головной убор носится в упрощенном виде. Молодые не носят в будни позатыльников; „тканка“ в будни заменяется узорной полосой, пришитой по челу привязки, и она самостоятельной частью головного убора не является. Описанный головной убор, кроме Осавика, носится еще в селах и деревнях Воронове, Жукове, Горелове, Пятницкое, Яблоново, Черное, Федоровское, Милейкино, Толвино, Поконичи, Слобода, Ухлово, Овеч-

кино, Рытная, Барановка, Осиновка, Косоваровка, Новая Деревня, Лазицы, Терехово, Алек сеевка, Пештовка, Благовещенская, Литовня. Во всех селах он является исчезающим убором и встречается лишь у старух.

Село Святое. В нем головной убор один с двумя названиями: „сорока“ и „кичка“. Он состоит из следующих 6 частей:

а) „кичка“ (Ц.М.Н. № 1, 646) лопатообразной формы околыш 8 см. высотою, в него положены 3 жгута из простеганного холста, прямоугольное дно шир. 18 см. дл. 30 см.; назади по бокам имеются сборы, пришитые к краю околыша; мутозы пришиваются к углам нижнего края дна;

б) „вушечки“—полоса холста с черной бахромой по бокам из шелковых ниток с красным или с черным бисером по концам (черной у старух, красной—у молодых).

в) позатыльник—он состоит из прямоугольной колодки, дл. 8 см., шир. 11 см. красного ситца с подкладкой из миткаля и из поднизки из цветного бисера 26 см. дл., с узором „пальцами“;

г) „сорока“ лопатообразной формы с лубяной дощечкой, подложенной по лбу, высотою в 5 см. при ширине околыша в 11 см., с прямоугольной макушкой дл. 25 см. и шир. 19 см.; на верхних углах чела—пумпоны из шленки тряпочек и золотых ниток, называемые „пушечки“.

д) полотнище из миткаля 140 см. дл., 40 см. шир. с концами полосы из кумача 15 см. длиною, вырезанными дл. 10 см., еще полосы кумача 15 см. и бахромы из шленки дл. 3 см.; по кумачу идет вышивка двухсторонняя строчкой и двухсторонняя гладью—материал желтая, зеленая, синяя шленка и льняная беленая нитка; узор геометрический, называется „рямочка“, „паучки“ „тросточки“, „вилюшки“. Вырезы вышиты желтой, красной, синей и зеленой

Рис. № 78.

Рис. № 78а.

шленкой, называемый „пальцы“. Описанные полотенца бывают и с перетыками, а не только с вырезами. По праздникам полотенце повязывают так, что концы его спускаются назад; в будни его совсем

не носят, на покос надевают так, что концы закладываются наперед. (см. рис. 78).

е) „тканка"—полоса позумента монастырской работы, надеваемая по праздникам по лбу, когда концы полотенца подвязываются назад.

Рис. № 79а.

Рис. № 79б.

Село Бяково. Головной убор близок к головному убору из с. Святого, но он только меньше сохранил старинные формы,—на назатыльниках молодых баб, у углов поднизи, пришиваются „пушки" носится с платком без полотенца; вышивки по челу сороки делают крестом из бумаги; позатыльник редко носится, (см. № 79).

Село Уты. Головной убор в этом селе называется „головное", „позявник". Он состоит из 5 частей: а) кичка—это прямая полоса холста или ситца, шир. 16 см., собранная на макушке при помощи шнура — „мутоза", со „жгутом" на лбу, дл. 26 см., от края плосы на 8 см. ситцем из холста (колл. Ц.М.Н. № 1310, рис. № 80);

б) налобник — называемый „брыжжи", он состоит из полосы холста с бахромой (колл. Ц. М. Н. № 1311);

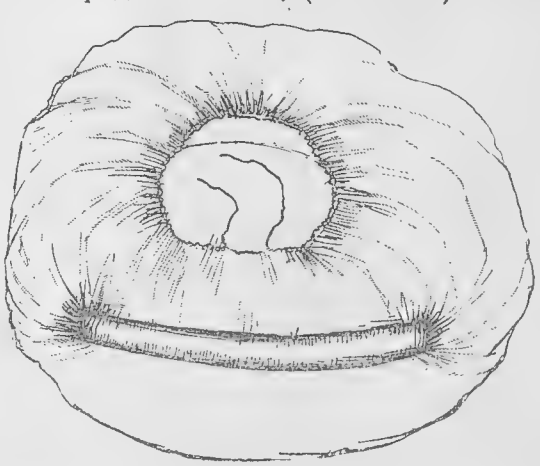

Рис. № 80.

в) „позатыльник“—из полосы холста (20×8), выложенной парчей и кумачом; на нем бахрома дл. 4 см., низанная из голубого, красного, белого бисера, и ниже первой вторая бахрома из цветной шленки с дутыми бусами, она называется „бахмара киценная“; по бокам позатыльника пришиты пумпоны из шленки и дутых посеребренных бус; завязывается позатыльник „мутозами“ из того же ситца (см. колл. Ц.М.Н. № 1312);

г) „кокошник“, который состоит из двух частей: околыша по лбу шир. 8 см. и дл. 30 см. и „макушки“—квадрата в 24 кв. см., собранного в сборку на боках из красной бумажной материи и сделанного на подкладке из холста; по околышу по средине красной бумажной материи имеется вставка, дл. 9 см.; из бумажной материи цвета бордо. По лбу нашита полоса серебряного позумента шир. 3 см.; сзади полоса золотого позумента, шир. 1½ см. и 4 ряда из зеленого, синего, красного шнура. „плетенька“ (см. колл. Ц.М.Н. № 1313, 1315; рис. № 81);

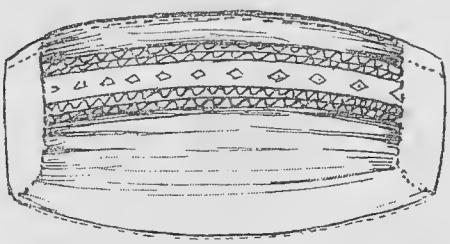

Рис. № 81.

г) праздничный кокошник делается из бархата, чаще лилового цвета, повязка—полотенце из полосы льняного холста дл. 64 см., шир. 19 см., с пришитыми полосами на каждом конце: 1) полосой кумача дл. 7 см. 2) затканной полосой холста красной бумагой и желтой шленкой, с узором „кружечки“, 3) полосой кумача дл. до 6 см., 4) полосой серой шерстяной тесьмы дл. 1 см. и 5) бахромой из зеленой и красной шленки дл. 2½ см. Повязка складывается втрое, повязывается вокруг головы, концы закладываются спереди по лбу (см. колл. Ц.М.Н. рис. № 82 и фотогр. № 34).

Рис. № 82а.

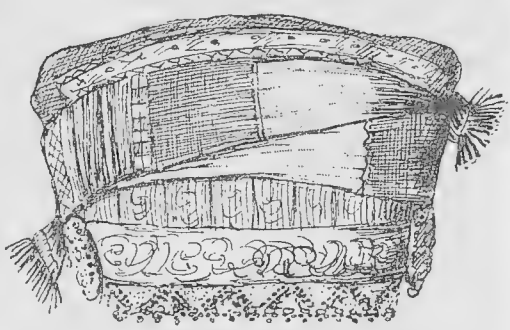

Рис. 82б.

Дер. Квань. Головной убор в ней состоит из 5 частей:

а) „кичка“ (см. рис. № 83) шьется прямоугольная из холста, сложенная в несколько рядов, тогда чело кички имеет 18 см. шир. и 20 см. вышины. Оно простегано крупными стежками толстых ниток и промаслено конопляным маслом для твердости; внизу под-

шита круглая палочка, а к бокам прикрепляется повойник, деланный из прямоугольного холста 34 кв. см. (см. Ц.М.Н. № 456);

б) позатыльник, вышит серебряной или золотой ниткой с кружевом, плетеным из бисера по краям;

в) „поднизи"—налобник из бисера;

г) „сорока" с макушкой „повершьем"—прямоугольной формы 20 кв. см. с закругленными двумя углами из красной шерстяной, шелковой материи или кумача с челом 25 см. дл. и 20 см. высоты, из парчи монастырской работы и с боковыми сторонами „крылышками" из той же материи, как и макушка,—и;

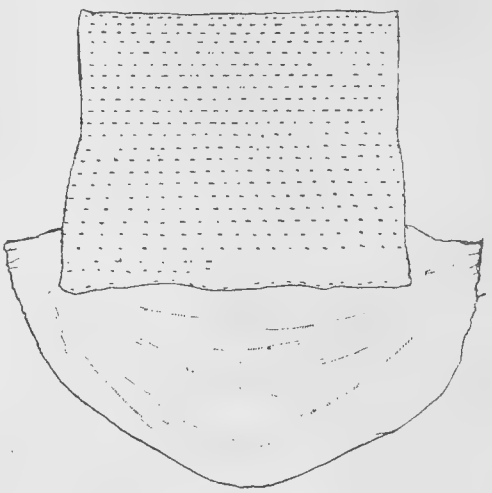

Рис. № 83.

д) „покрышечка" — холщевое полотенце, которое складывалось жгутом, а концы завязывались назади. Этот головной убор известен в Гамаюнщине, Макарове, Никольском, в последних двух в повойник втыкались селезневые кудри под сороку на лбу.

Головные уборы из того же комплекса, но уже теперь не сохранившиеся, известны в с. Новое, Фролова, Большуха, Бокеевка, Берестня, Волосово-Дудино (см. обрывки этих головных уборов колл. Музея Ц.П.О.).

4. Головные уборы котелкообразные.

Новое село. Головной убор назывался „кичка". Он состоял:

а) из лопатообразной кички, в ней лобная часть прямоугольник, с несколько выгнутой верхней частью, и повойник, пришитый складками к передней части (см. рис. № 84);

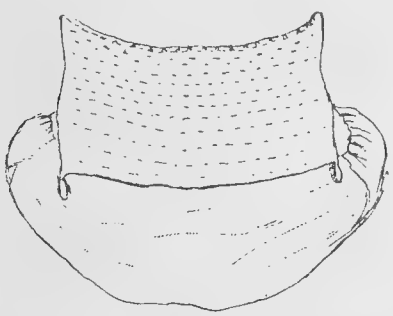

Рис. № 84.

б) из позатыльника, у которого нешироkая полоса, низанная из бисера (см. 5 — 6), прикрепляется длинными серебряными нитями (дл. 10—15 см.) к колодке;

е) из „накрышки"— сороки с полуовальным дном из бархата малинового цвета (праздничная) и высоким околышем из позумента монастырской работы, называемым—„золотной налобник". (см. колл. Муз. Ц. П. О. № 454).

Головные уборы котелкообразные известны в д. Новоселки, с. Глинное. Головные уборы с кичками и котелками встречены мною в д. Новоселки, Козельского у. Этот головной убор называется привязки и состоит из 6 частей:

в) кичка—спереди полукругом обруч из луба в 5 см. высотою, он обтянут холстом, сзади пришита палочка, а к ней пришита прямоугольная полоса холста 18 х 19 см. со вздержкой, обхватывающая затылок;

б) „позумента“—полоса холста, обшитая позументом, черной тесемкой, блестками и бахромой;

в) „кудри“—полоса черной бахромки, дл. 41 см., шир. 3 см. обшитая по краям бусами и по бокам с 5-ю селезневыми кудрями на каждой стороне;

г) сорока с бархатной макушкой полуовальной формы, 20 см. в диаметре, с челом из кумача, в 6 см. шириною;

д) позатыльник, у него колодка из красного бархата, выложенная позументом, поднизь из цветного бисера 9 см. дл., соединенная с колодкой при помощи серебряных ниток на подкладке из кумача;

е) привязка – полоса позумента монастырской работы, надеваемая по лбу (см. рис. 85, фот. № 86, колл. Муз. Ц.П.О. № 449—452).

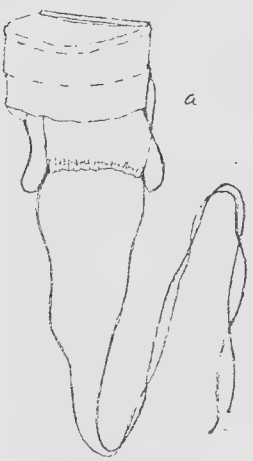

Рис. № 85а.

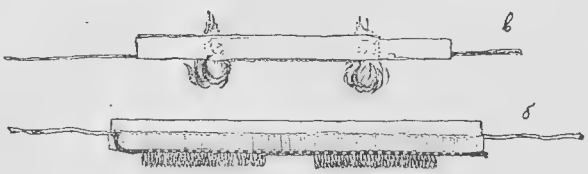

Рис. 85 б-в.

Рис. № 85г.

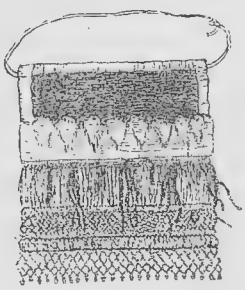

Рис. № 85д.

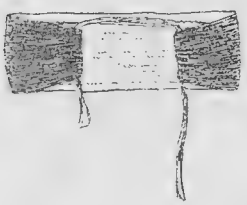

Рис. № 85е¹

Рис. № 85е²

Такой же головной убор известен в д. Дешевки, где перестали носить его 20 лет тому назад и теперь лишь надевают на молодую, когда она приезжает из под венца и сидит за первым столом. Близкий к нему головной убор известен в с. Клюксы и Березичи, только кичка там делается более высокой, и позатыльник был с трапецевидной колодкой.

Село Глинное. В этом селе головной убор называется „котелка“. Он состоит из а) котелки, обруча 5 см. высотою, сделанного из луба, б) из „вушек“—налобник с черной шелковой бахромой, оканчивающейся бисером, в) повойника — который представляет из себя полосу холста или миткаля, собранную на вздержку сверху, г) „кички“, которая состоит из круглого донышка и околыша 5 см. шириною, д) из платка, который складывается жгутом, охватывает вокруг голову, и концы его складываются по бокам (см. фот. № 90—91). Этот головной убор сменился кокошником (см. описание его в отделе

кокошника). Кокошник сменился чепцом (см. описание его в отделе повойника), (фот. 90 и 91).

5. Головные уборы с сетками: Судовище, Грабовка.

Дер. Судовище. Убор в ней называется „котелкой“ (см. рис. 87 и 88), состоит из 6 частей:

Рис. № 86.

а) „верховка“—колпачок, вязанный иглой из суровых льняных ниток, в окружности 60 см. высотою 28 см., надеваемый на голову, так, чтобы середина совпадала с макушкой;

б) „котелка“-собственно, из круглого кленового луба в 5 см. высотою, надеваемая сверх верховки так, что края ее поднимаются кверху и закладываются за нее, окутывая ее со всех сторон;

в) позатыльник,—состоящий из колодки дл. 9 см., ситцевой, на подкладке из холста, трапецевидной формы, узким основанием обращенной книзу, и из бисерных „разнизок“, плетенных в 12 ниток из разноцветного бисера, с узором, называемым „лягушки“;

г) „стеганце“—прямоугольник 22 х 9 см. из нескольких слоев холста, простеганных, с завязками, надевается на лоб;

д) „привязка“ состоит из макушки полуовальной формы 25 х 13 см., из красной шерстяной материи и из чела—прямоугольник 13 см. кв., который окутывает всю голову и застегивается на крючках назади, почему спереди подшивается сетка, низанная из стекляруса, называемая „халевой“. Привязки различаются старушечьи, праздничные и будничные. Старушечьи вышивались по челу цветной шерстью-шленкой, шов-строчка елочкой, узор-геометрический: ромбы, называемые „круги“; будничные привязки шились из позумента, фабричной работы, а праздничные назывались „золотные“ и шились с челом из позумента монастырской работы, (см. колл. Ц.М.Н. № 679—690). Котелки носились по всей Мокровской волости в ее границах до революции. Бросили их носить лет 15. е) В старину носили их с „шуринками“, т-е. с полотенцами, концы которых были украшены кумачем и кружевами. „Шуринка“ складывалась жгутом, повязывалась по лбу, концы ее связывались назади. Теперь котелку заменил повойник (см. колл. Ц.М.Н. № 671), который состоит из околыша лубяного,

Рис. № 87а.

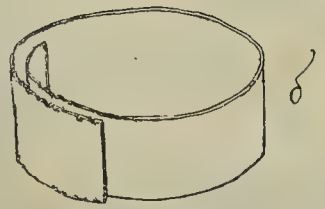

Рис. № 87б.

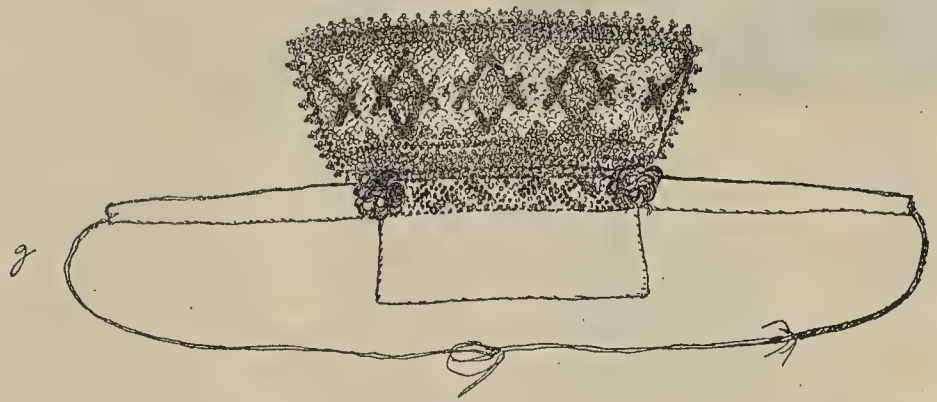

Рис. № 87в.

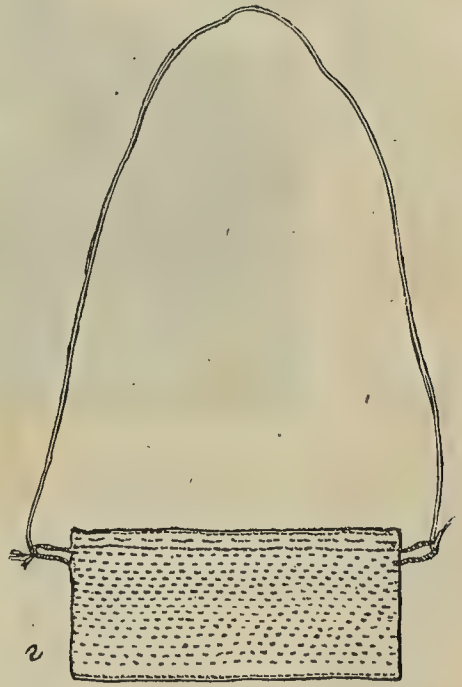

Рис. № 87г.

высотою 7 см. и на который складками натянут полукруг из красного сатина, назади со вздержкой при помощи красного шнура и с концами длиною 55 см.; шнуры назывались „косняки“, по лбу спереди идет поднизь из бус и блесток, называемая „ряска“. Теперь и этот головной убор бросается.

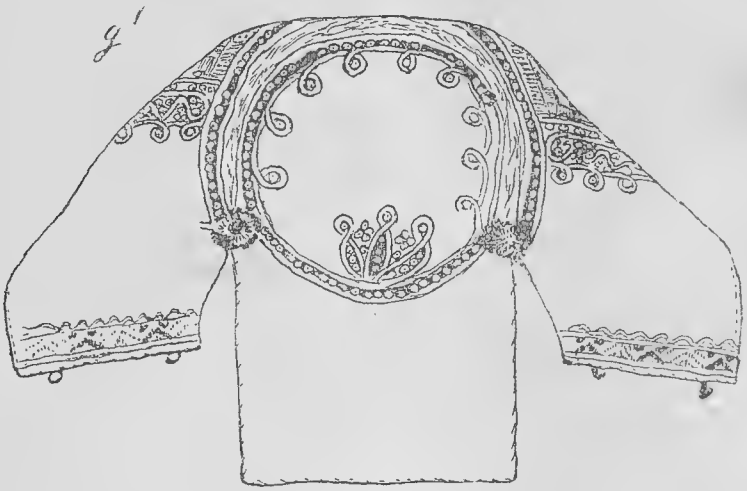

Рис. № 87д.

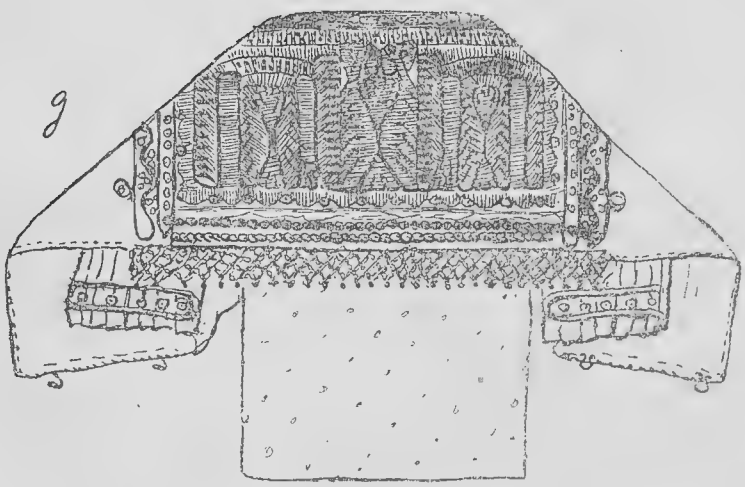

Рис. № 87е.

Дер. Гребовка. Убор, бытующий в этой деревне, называется „обуза“. Он состоит: е) из колпачка, высотою 22 см. и 54 см. в окружности, называемого „верховка“, она вяжется иголкой из суровых ниток; б) из „вобруча“—жгута из холста, шир. 2½ см. выгнут. полукругом, с завязками из ситца (см. Ц.М.Н. № 1327), из налобника. Старушечий будничный—полоса 3 см. шир., 65 см. дл., по средине на протяжении 31 см. край оторочен черной бумажной материей, над которой пришиты две полосы из мелких бус и бисера: 1-я из

желтых бус, 2-я из желтых, белых, черных, зеленых, красных бус. Налобник молодухи состоит из полосы холста дл. 42 см., шир. 5 см., сложенной вдвое (2½ см.), один край его оторочен черным бархатом, называемым плисом, по плису насажены разноцветные граненые дутые бусы, над ними идут в два ряда бусы граненые, дутые, называемые „калевки“, „завязки“ и „привязки“ из цветного пестрого ситца; по бокам—привески из красной шленки с черным бисером на концах, наз. „виски“ дл. 4 см. (см. колл. Ц.М.Н. № 1328); г) из „позатыльника“. Позатыльник молодухи праздничный, состоит:1) из прямоугольника в 11 см. шир.×26 см. дл. из холста, обшитого красным ситцем и желтыми пушками наз. „колодкой“, 2) из прямоугольника 26 × 18 см. шир., низанного из бисера, назыв. „позатыльником“, узор—геометрический: ромбы, по бокам обшитого пумпонами из зеленой и красной шленки, 3) из полосы петель в 3 см., петли делаются из шленки зеленой, красной, желтой, синей, наз. „подкиточкой“, 4) из поднизей, называемых „кишки“ в 6 и 8 бисерных ниток дл. 113 см., 5) из завязок из красного кумача, наз. „подвязочки“, дл. каждая 39 см. (см. колл. Ц.М.Н., № 1330), (см. фот. 89). Сверху головной убор покрывается французским платком, который складывается углом, при этом широкая его часть скатывается жгутом. В таком виде платок кладется на лоб этим жгутом, углом покрывается макушка, и концы завязываются под затылком. В старину, говорят, вместо платка, носили полотенце, (см. фотогр. № 89).

Рис. № 88.

6. Головные уборы, переходные от кичек к повойникам. Села: Подбужье, Почаевка, Берестня, Дешевки.

С. Подбужье. Головной убор в этом селе называется „повойник“, состоит из 3-х частей: (см. рис. № 92). Первая часть называется „калачик“ (на рис. 92а), он представляет из себя „обручок“ в 3 см. шир., сшитый из холста, сложенного в несколько рядов и простеганного; к обручу пришита полоса холста шириною в 7 см., по углам с прорезными петлями, в которые продевается шнур, плетеный в 3 пряди; шнур служит для стягивания калачика по размеру головы; вторая часть повойника является „позатыльник“, (б), верхняя часть которого называется „колодка“, нижняя часть—„поднизь“. Колодка шьется из холста или из ситца и обшивается покупными шнурочками—„мутозиками“, полосами позумента, называемого „золотцалинточка“, поднизь делается из цветного бисера, дл. до 2½ см., по краям поднизи нашиваются „пушки“ из цветной шленки.

3-я часть повойника называется „собственно повойник“, его покрой самый распространенный, со сборами спереди и сзади. Передняя часть, т.-е. обшивка околыша, называется „ковер“, она вся состоит из вышивки цветной шленкой, техника вышивания „гладь“, узор геометрический. По вышивке нашиваются полосы из бисера

Рис. № 89.

Рис. № 90.

и бус или просто из пуговиц, эти полосы наз. „дорожка“ (см. Муз. Ц. П. О. № 433—5). Этот головной убор сменил кичку с копытцем, а кичка с копытцем заменила кичку рогатую, здесь были те же кички, которые мы видели в с. Бояновичи.

Почаевка. Повойник, как весь головной убор, здесь называется „сорока“. Он состоит из 2-х частей: кички и сороки собственно. Кичка

Рис. № 91.

представляет из себя прямоугольник холста, сложенного в несколько рядов и выстеганного. К этому прямоугольнику пришивается полоса холста в 19×26 см., которая называется „задушка“. Задушка, будучи стягиваема при помощи мутозика или шнурочка, плетенного в 3 пряди из двух льняных ниток, выполняет роль повойника.

Вторая часть повойника, называемая сорока, состоит из нескольких частей: из передней части, наз. „причелок“, верхней части, наз. „подвершник“, боковых частей, наз. „вушек“, задней части, наз. „задушка“, и завязок, наз. „крыльями“. Покрой сороки, есть покрой обычной сороки с прямоугольным дном. Сорока шьется из цветного ситца, причелок украшается полосами позумента, называемого „золотцы“, нижняя часть задушки называется „хвостом“. Хвост обильно вышивается красной шленкой, техника вышивания — гладь и бранье, излюбленный узор „репьи“. К нижнему краю хвоста пришивают кружева из бисера, наз. „грибатка“ (колл. Муз. Ц. П. О. № 426).

Таким образом, описанный головной убор относится к повойникам, а не к кичкообразным головным уборам, потому что в нем нет всего комплекса частей, характерных для кичкообразных.

Берестня. Головной убор, называемый здесь „повойник“, состоит из 3-х частей: 1) из бисерного позатыльника, 2) из „валька“, т.-е. обруча, сделанного из соломы, обтянутого холстом и стеганного, и 3) из повойника. Покрой повойника со сборами спереди и сзади. Наиболее широко распространенный покрой: передняя

часть повойника вышивается шленкой и бумагой, техника вышивания — бранье, эта вышитая часть называется „причелок".

Этот головной убор сменил лопатообразную кичку, сделанную из лубка, кички эти до нашего времени не дожили.

Повойник в районе, близком к Берестне, известен во всех селах, принадлежавших помещику Коншину. Кроме Берестни, он известен

Рис. № 92а.

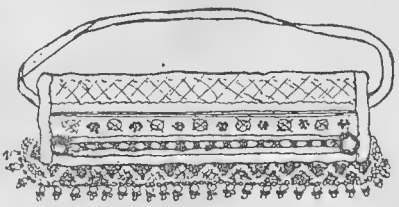

Рис. № 92б.

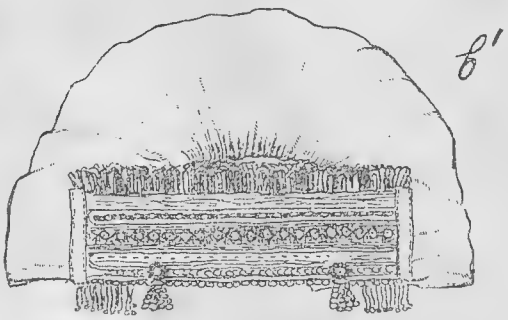

Рис. № 92в¹

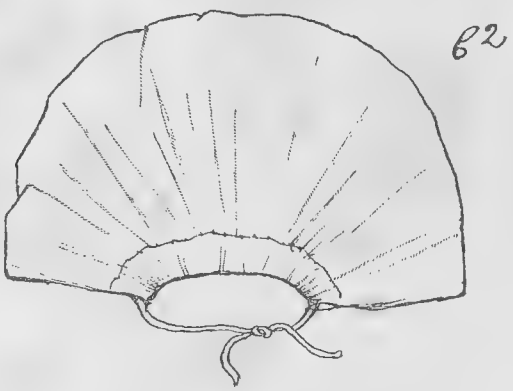

Рис. № 92в²

в с. Мойлове, в Кцыне, в с. Зикееве, в Дудорове, в Дудине, в Обухове, в Никитине, в Любовке, в Чухове, в Мединцеве и, вероятно, в некоторых других.

Дешевки. Повойник, как головной убор, сменивший здесь котелкообразную кичку, называется также повойник. Он состоит из повойника со сборами спереди и сзади, из налобника с селезеновыми кудрями, называемого „лента", из черных кистей шелковых нитей дл. до 25 см., называемых „наушники", из платка, повязываемого концами назад, и из венка искусственных цветов, надеваемого только молодыми бабами по большим праздникам и называемого „банты".

7. Головные уборы—повойники. Повойники по своему покрою разделяются на две группы: во-первых, повойники, форма которых связана с предшествовавшими им кичками, и во-вторых, универсальная форма повойника.

К первым могут быть отнесены повойники из д. Борнятино, Бокеевка, Судовище и Глинное.

Повойник из д. Бокеевка и также из Борнятино по выкройке повторяют здесь форму бывшей здесь ранее лопатообразной сороки, разница лишь в его задней части—у сороки хвост висит свободно, у повойника он собран в сборки (см. фот. № 50—51).

Повойник из с. Судовище повторяет форму ранее здесь бывшей котелкообразной кички, дно этого повойника повторяет форму полуовала макушки бывшей здесь кички и сохраняет в себе лубяной круг—котелку, но только плотно вшитую в околыш повойника. В то время как предшествовавшая ей ранее в головном уборе котелка была самостоятельной частью (см. кол. Ц. М. Н. № 671).

Село Глинное. Повойник здесь называется „чепец". Дно его полукруглое, околыш высокий, заканчивающийся сверху буфами. Чепец заключает в себе бывшую здесь ранее кичку, сороку с круглым дном и платок, сложенный жгутом и повязанный по лбу, носимый здесь ранее. Этот чепец появился здесь лет пять, его главной особенностью является то, что он носится здесь без платка.

Повойник универсальной формы шьется из квадратной полосы ситца, с одной стороны которого на расстоянии от края на 5—6 см. делается разрез, край разреза, обращенный к большей части куска, собирается в сборку, часть же в 5 см. шир. служит околышем и подшивается к сборам. Противоположный надрезу край также собирается в сборы. Этот тип повойника распространен почти по всей изученной территории.

8. Головные уборы—кокошники: с. Глинное.

Село Глинное. Головной убор, называемый кокошник, состоит: а) из кокошника. Он представляет из себя шапочку с полуовальным дном и околышем с закругленными концами, которые пришиваются к задней части донышка, кокошник шьется из бархата, чаще всего малинового цвета, б) из „вушек"—налобника с бахромой из черного шелка, в) из позатыльника, 3 см. шир. из кумача, вышитого золотой ниткой и г) из большого шелкового платка, складываемого жгутом и повязываемого по лбу так, что концы спускаются по бокам.

Кокошники здесь сменили котелкообразные кички. Говорят, что кокошники покупали на базарах в Трубчевске, добавляя: „там уж бросили носить, а мы начали".

При изучении Трубчевского района наличие кокошника не обнаружено. Однако, среди жителей отдельных сел мы встречаем группу однодворцев, как то: в с. Орельске. В настоящее время однодворцы старинных черт костюма не сохранили, однако, не исключена возможность бытования у них ранее кокошника, так как форма нашего кокошника является формой широко распространенной среди однодворцев. В с. Глинном к кокошнику прибавляются части бывшего здесь ранее головного убора.

Г. Женские головные уборы в обряде и быту.

Обряд надевания кички. Кичка на изученной территори надевалась тотчас после венчания, а именно: в церковной сторожке. В д. Алексеевка этот обряд, по сведениям, полученным от местного исследователя А. М. Романова, происходил следующим образом.

Как только кончится обряд венчания, молодую ведут в сторожку. Здесь заплетаются и косы на замужество. Заплетают две косы, которые кладутся по бокам головы и завязываются лентой на темени. При этом вечерняя сваха говорит: „Прощай коса—девичья краса, довольно тебе по плечам мотаться, пора под кичку убираться".

После того, как заплетут косы, надевают кичку. Этот обряд совершается торжественно. Свахи стараются сделать так, чтобы все было на своем месте, словом, подходило к лицу. Обряд надевания кички продолжается недолго. Само собой понятно, что близость церкви удерживает свах от песен, чувствуется сдержанность. Только выходя из церковной сторожки, когда молодая становится рядом с мужем, свахи начинают петь:

„Летели, шумели
Пчелы яровые,
Они сели пели (имя отца и невесты)
У (имя невесты).
Приехала свашенька
Из нова города,
Привезла свашенька
Три угодья на блюде.
Первое угодье—яровой хмель,
Даровичье масло (коровье)
Кочу покочу
Золотой маковкой".

В селе Вздружном при надевании кички различалось три момента: 1) плетение двух кос, в этот момент пели:

„Не трубушка трубит по ранней заре,
Девушка плачет по русой косе:
Свет моя косочка, коса русая"...

2-й момент—надевание кички, тогда поют:

Кичка прилипка, ко лбу прилипает.

3-й момент—окончание надевания кички и вывод молодой из сторожки. В этот момент подружки запевали:

Повели повитушечку, Иванову Грушечку...

Те же песни, те же моменты при надевании кички бытуют в д. Салтановка. Вообще же песен при надевании кичек мало, так как ее надевают в сторожке, и близость церкви налагает некоторую серьезность.

В с. Любец, при надевании свахой кички, девушки поют:

„Повивай, сваха, повивай,
Чтобы у тебя ручки
Отсохли по самые локоточки,
Чтоб не прясть пряжу
Не ткать, и початков не мотать".

В с. Уты бабий головной убор надевают после свадебного обеда. Сваха просит у матери разрешения повить невесту на вечное покрывало; после этого она заплетает две косы, надевает кичку, и девушки поют:

1) „Сделали диво
Из дежки лепешки
С муки паляницу"
Из девки молодицу.

2) „У нашего Пашечки
Молодая женушка,
А в котле, котле
Новый обручек,
У нашей Танечки
Молодой мужичок".

В деревне Местковичи при надевании повойника различается три момента:

Первый связывается с чесанием волос молодой, в это время поют:

„Пречистая матерь,
Не стой под вокошечком,
Ходи к нам в хату
Свахе помогати,
Голову чесати".

Второй момент связывается с надеванием повойника, в это время поют:

„Чего мы хотели,
То мы и сделали
Из дежки—лепешки,
Из муки—пеленешки,
Из девки—молодицу".

Третий момент—ввод молодой из сторожки в повойнике. В это время напевают:

„Вчера зайко, вчера серый
По подгорью бегал,
Сегодня зайка, сегодня серый,
На блюдечке лежит.
Вчера наша Танюшка
Девицей была,
Сегодня наша Танюшка
Молодая княгиня."

В деревне Лавигино те же моменты при надевании кички, но песни другие.

При заплетании кос свахой поют:

„Свели повитушечку,
А жениху погулюшечку".

При надевании кички сваха говорит:

„Скачум, скачум,
В вечный хомут".

Порядок наследования.

Кичка со всеми своими частями является довольно дорогою вещью. В старое время кичка с золотым позументом обходилась от 5 до 10 рублей, поэтому праздничные кички сохранялись тщательно и часто передавались по наследству. Обычным порядком является передача от матери к дочери; за неимением последней или за ее малолетством, свадебные кички часто возвращаются в ту семью, откуда вышла замуж молодая и обслуживают целый ряд сестер. Примером последнего может служить „привестка", приобретенная в д. Новоселки у Татьяны Крестовоздвиженской, привестка, которая принадлежала ее матери, побывала у всех ее сестер в первые годы их замужества и залежалась у ней, как у младшей сестры, не вышедшей замуж. В этом порядке передачи мы видим ту же тенденцию, которую мы видели при передаче праздничных понев: наиболее ценные вещи приданого являются собственностью молодой, и семья ее родителей имеет на них большие права, чем семья ее мужа. Та же тенденция проглядывает и при передаче более ценных частей одежды в случае смерти замужней женщины, при отсутствии у нее детей — тогда все ее приданое возвращается в дом ее родителей.

ГЛАВА VII.

УКРАШЕНИЯ: НАГРУДНЫЕ, СПИННЫЕ, УШНЫЕ.

А. Нагрудные украшения изученной территории встречаются, главным образом, плетеными из бисера; техника плетения та же самая, которая, как выше было описано, при изготовлении частей головных уборов позатыльников. По форме эти украшения могут быть разделены на две группы:

1) Ошейник с длинным кружевом из бисера, называемый „борода" (Подбужье) см. рис. № 93 М. Ц. П. О. № 594, см. фот. № 94), „жерелок" (Зимницы). „Бороду" носят девочки лет с пяти, молодые бабы и некоторые старухи до самой гробовой доски.

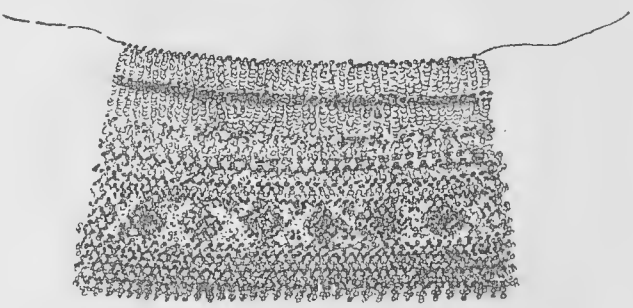

Рис. № 93.

2) Цепочки, длиною 1,20 метр. до 1,50, шириною 2 — 3 см., сложенные вдвое и соединенные на концах при помощи четырехугольника из холста, обтянутого цветной материей, с пришитым часто к краю медным крестом; называются они „чепка" (с. Бояновичи), „цепочка" (с. Бяково) (см. рис. 95), „королеска" (Зимницы), „решетка" (Гуличи"). Цепочки надеваются через голову так, чтобы соединенные концы падали на грудь; в д. Алексеевке во время работ цепочки перекидывают через правое плечо так, чтобы соединенные концы попадали под левую руку, т.-е. так, как носится у чуваш перевязь. Цепочки носятся, главным образом, взрослыми девушками и молодыми бабами.

3) Бусы (бусы)—несколько ниток с нанизанными бусами соединяются вместе; более старинные—это нитки с нанизанным бисером (см. рис. № 96), более новые—стеклянные и дутые бусы. Все эти бисерные украшения известны по всей изученной территории, кроме Трубчевского района, с. Глинного, Вздружного, Сытенок; западной границей их распространения являются те же села, которые были границей распространения рубахи с косыми поликами и поневы разнополки из 3-х полотнищ. Видоизменением этих бисерных украшений является шейное украшение, известное под названием „язык" и встречаемое в Гамаюнщине. „Язык" представляет из себя полосу цветной материи шириною вершка 3, длиною 10 верш. из цветной материи, украшенной покупными шнурками и пуговицами; эта полоса прикрепляется к другой полосе из такой же цветной материи, надеваемой вокруг шеи.

М. Е. Шереметьева в своей работе „Гамаюнщина“ сравнивает это шейное украшение с чувашскими и вотяцкими шейными украшениями. Я склонна считать его заместителем старого бисерного украшения „бороды“, явившегося под влиянием городской моды в 1900—1910 г.г., когда на верхней одежде и на кофточках носили такого рода украшения.

Рис. № 94.

Б. Спинные украшения мне пришлось встретить в с. Бояновичи. Эти украшения известны под именем „гайтаны“. „Гайтаны“ представляют из себя черный шелковый круглый шнур, длиною до 3-х арш., с концами, которые соединены вместе и обмотаны цветной шленкой и с черными кисточками внизу. Гайтан надевается через голову, охватывает шею спереди и опускается концами назади. Чем баба богаче, тем больше гайтанов она надевает; некоторые носят до 20 штук. Гайтаны носятся исключительно молодыми бабами по праздникам. Спинные украшения сохранились среди южновеликоруссов на очень немногих территориях. Известны они у новосильских казаков, под именем „апушки“, в Скопинском и Михайловском уездах, Рязан. губ. под именем „крылышки“ и кое-где в Воронежской губернии. Однако, общим с „апушками“ и „крылышками“ является у наших гайтанов лишь принцип носить украшение на спине. Самый же материал и форма их являются различными. По материалу и по форме наши гайтаны являются более близкими к тем „хвостам“ из шелковой тесьмы, которые мы встречаем на рогатых головных уборах района Богословщины, Михайловского у., Рязан. губ., к длинным кистям на платках и кичках бывшего Елатомского у., Тамб. губ., у Пензенской Мещеры Керенского у., а также к длинным хвостам головных уборов чуваш. На связь гайтанов

Рис. № 96.

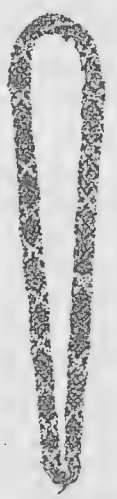

Рис. № 95.

с головными уборами указывает ношение их также на голове, как часть головного убора (см. главу „головные уборы: с. Бояновичи).

В. Ушные украшения здесь распространены очень заметно, среди них излюбленными украшениями являются „пушки“—круглые шарики, деланные из белого гусиного пуха или из белых заячьих шкурок. Пушки по способу надевания разделяются на две группы: одни прикрепляются к серьгам или прикрепляются к железному колечку, продеваемому через проколотое отверстие уха. (Подбужье, Бяково ; другие же соединяются петлей из ремешка и надеваются на ушную раковину. Часто пушки соединяются с бисерными „подвизями“, заменяемыми теперь блестящими бусами (см. рис. № 97, М. Ц. П. О. № 801, с. Подбужье, см. фот. № 94). (Зимницы). Пушки носятся девками, изредка молодыми бабами, они хорошо известны до сих пор в с. Дешевки, Кцынь, Берестне, Подбужье, Бояновичи, Бяково, Алексеевка, Бокеевке, Зимницах, Осавике. Неизвестны пушки лишь в Трубчевском районе, в Глинном, Салтановке, Вздружном. Западная граница их распространения та же, что и для рубах с косым поликом, понев разнополок и для бисерных украшений. Пушки известны у всех южно-великоруссов, у русской Мещеры, у мордвы (у всех ее групп), а также у средне-великоруссов Тверской губернии.

Рис. № 97.

ГЛАВА VIII.

ОБУВЬ.

А. Обертки („наголенки“). Обычай завертывать икры у женщин онучами, когда ходят босиком, широко распространен по всей изученной территории, однако встречается не во всех районах и не в одинаковой форме. Разница в самом названии „оберток“, разница в употребляемом для того материале, разница и в оборах, употребляемых для этого—последнее зависит от того, какие оборы носятся с лаптями в данном районе. Название оберток по назначению: „онучи“ (д. Бокеевка), „покрышка“ (Вырск), „завой“ (Флорово), „навертачки“ (Зимницы), по месту одевания: „берцы“ (Никольское), „наберцы“ (Березово, Макарово, Дешевки) „наберки“ (Булатово), „лыпки“ (Волосово),, „лытки“ (Бояновичи и Гнездилово, Ельнинского у. Смолен. губ.), „полытки“ (Салынь). „наколошники“ (Берестня), „калошки“ (Осавик); калошами также называются части мужских штанов, которыми закрываются голени; по материалу: „пратяночки“ (Красный Клин), т.-е. тканые не из шерстяной нитки; по цели надевания: „цыпки“ (Новое село). Цыпками называют сыпь, которая получается от грязи и обветривания, надеванием онучек на голени хотят ее отвратить. Материал, употребляемый для этой цели—холст льняной или замашный, т.-е. из поскони, тканный на 4-х подножках при чередовании их: 1, 2, 3, 4, 1 и называемый „ряднина“ (с. Никольское). Размер их весьма неустойчив, часто употребляют изорванные онучи, остатки холста, и редко специально шьют. Приобретенные „наберци“ для Музея Ц. П. О. (инв. № 537) из д. Дешевки представляют из себя куски холста в 62 см. дл., 36 см. шир., по краям утока обметаны крест-на-крест льняной ниткой, чтобы край не осыпался; бывают и более длинные; в с. Берестне употребляют онучи до 2-х метров длины, а иногда навертывают два три—накалошничка, чтобы ноги были толще, считая это наиболее красивым. Холстинные обертки распространены во всех указанных селах. В некоторых употребляются и шерстяные под названием „суконка“—это Русаново, Красный Клин, Вырск, где употребляют для этой цели чаще всего полосы, оторванные от старых коричневых зипунов, полушерстяные, тканые также в 4 цепка. В тех селах, где носят черные оборы, там клочками от них обертывают по наголенке, в Бокеевке, Зимницах, в Салыни (см. фот. 50, 51) в Новом селе. Таким образом, этот обычай по изученной территории захватывает уезды: Калужский, Лихвинский, Козельский, Жиздринский, Бежецкий в сев. зап. его части и в вост. части Ельнинского уезда. Неизвестны совсем в Почепском уезде и Навльской волости Бежецкого уезда (см. фот. № 50). Если сравним с другими группами восточных славян и их соседями, то этот обычай приходится отметить широко распространенным в Тверской губ. (Весье-

гоньевский у:) и в Ряз. губ. Касим. у., Куршинский район и по Сапожковскому у.; только в Ряз. губ. будет для этой цели употребляться другой материал, а именно черная шерстяная материя, тканая на 2-х цепках из ниток, пряденых в „жилку“. Границу распространения оберток наметить не представляется возможным, так как исследователи при описании изученных ими костюмов мало обращали внимания на эту деталь. Нидерле в своей книге Život starych slovanu считает этот обычай свойственным древним славянам, ссылаясь на рисунки чешских миниатюр.

Б. Лапти. Широко распространенным типом обуви по всему району являются лапти. Обывателей всей изученной мною территории по истине можно назвать „лапотниками“.

Лапоть является повседневной будничной, зимней и летней, обувью; лапоть является и праздничной,—в лаптях венчают, в лаптях и хоронят. С лаптями связан ряд обычаев и обрядов. Лапоть является „куриным“ богом, будучи повешен вместе с просверленным камнем на нашести,—место, где садятся куры (в Калужской губ. в Лихвинском у., в с. Русанове). В лаптях везут огуречные семена для посева, считая, что от этого лучше родятся огурцы („как длинны у лаптя оборы, так длинны будут плети у огурцов“).

По форме и способу плетения лапти изученной территории можно разделить на три типа: 1) „рачки“, („покосные“) 2) лапти московского типа и 3) „бахилы“.

1-й тип лаптей „рачки“, „покосные лапти“, плетутся чаще всего из вязовых лык (Алексеевка), как наиболее легких, иногда из липовых (Святое). Плетут теперь на колодке, но можно плести и без колодки. Вокруг колодки обтягиваются веревочки, через нее лыки надеваются от носка к задничку петлями, потом, начиная с боков, надевают петли через веревку, а концами лык переплетают основу—получается прямое плетение (см. рис. № 98). Плетение этих лаптей очень редкое, всего в 2 лыка, они очень непрочны—хватает их на несколько дней. Эти лапти надевают, главным образом, на покосе, поэтому они известны под именем „покосных“. Другое их название „рачки“ - по сходству петлей на головке, сверху непереплетенных, с „раковыми клешнями“, как говорят местные жители (рис. 98 а, б, лапти, приобретенные для Ц. М. Н. кп. 1, 117). Этот тип лаптей я встречала в д. Алексеевке, в сел. Святом, в Глинном, в Вздружном, Пролысове, Ситенках, Алешенке, Ружном, Ивашковичах, по Бутчинской волости и в районе Спас-Деменского—Сильковичей. Таким образом, эти лапти охватывают бассейн Десны, Ветьмицы, Болвы, Навли (восточнее не идут). Аналогичные лапти известны в Черниговщине (Случевск), Могилевщине по Сожу (Чечёрская волость, Чириковский у.), в Минском Полесье, у латышей, литовцев, у украинцев в Черниговском Полесье и по Припяти, но наиболее близко лапти нашего района стоят к лаптям латышским и литовским.

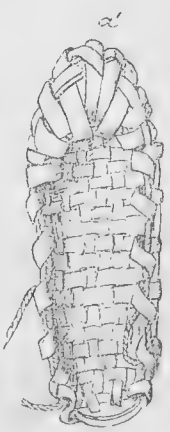

Рис. № 98а¹

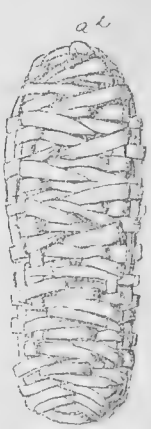

Рис. № 98а²

Переплет поперечных лык у известных до сих пор белорусских и украинских лаптей (см. рис. № 98) не тот, что у литовских,

латышских и наших в изученном районе. Подтипом этих лаптей являются лапти мужские из с. Ружное. Техника их плетения та же, что у „рачков", но более плотная, к ним приплетена головка и прочные борты, через которые продергивается обора—фасоном напоминают московского типа лапти, но прямое расположение лык остается.

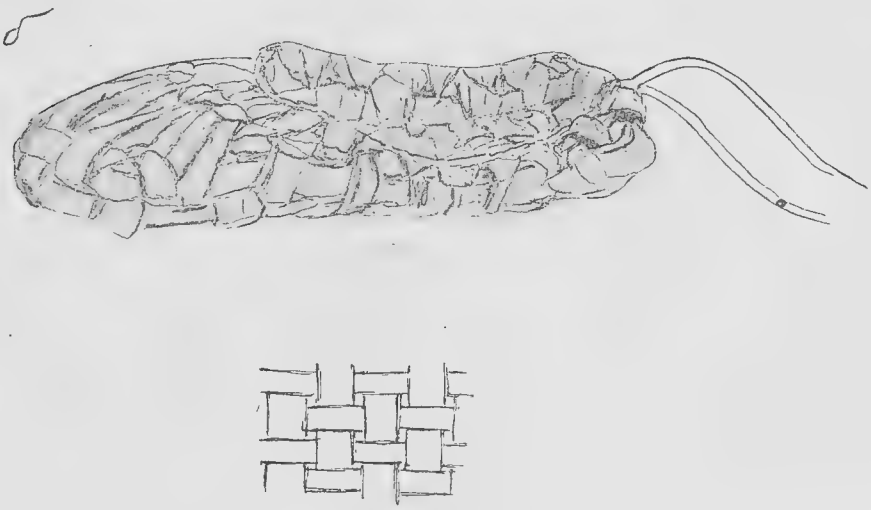

Рис. № 98б[1] и 98б[2]

2-й тип лаптей известен под именем „московских". Плести их начинают с пятки, плетение косое; особенность их: по бокам делается полоса, через которую переплетают лыко, за нее зацепляют оборы; таким образом, петель, как у лаптей мордовского типа, здесь не встречается. Части такого лаптя называются: а) головка, б) задок, в) увязка (см. рис. № 99) (Алексеевка) или „оборники" (Местковичи). Плетут их из липовых и вязовых лык. По количеству лык лапти разделяются: на лапти в 2 лыка (одноценка)—непрочные, которые плетут, главным образом, для продажи; 2) лапти в 3 лыка, называемые „подвожденные" (с. Никольское) или „подковыренные" (с. Бояновичи), т.-е. остов плетется из 2-х лык и вторично переплетается 3-им; лапти в 6—7 лык,—в таком случае употребляются более узкие лыки. Мужские лапти плетут в 6, а женские в 7 (д. Зимницы, бывш. Бутчинской волости).

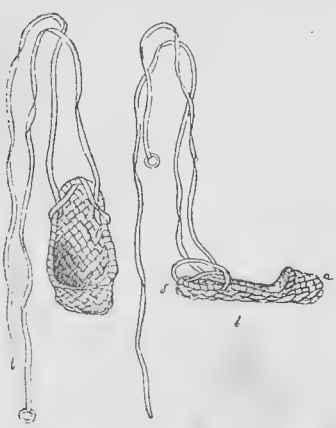

Рис. № 99 а, б, в.

Лыки для лаптей заготовляют с весны. В мае месяце партиями ходят в лес. Там, где леса небольшие и находятся в пользовании местного населения, так называемые леса местного назначения, там дерут лыки непосредственно для себя, где же леса казенные, там дерут лыки для казны из известной доли за работу. Ходить на работу, драть лыки в Бояновической волости называется: „ходить на меженя". Для лык выбирают молодые липки не толще $^3/_4$ вершка, срубают топором, потом делают надрез вдоль, сдирают лыко,

оставшееся лутошко бросают в лесу. Содранные лыки представляют из себя трубочки, разрезанные вдоль; их связывают в „пучки“, размер пучков неустойчивый—в зависимости от длины коры и от силы работающего. Пучки, предназначенные для продажи, заключают 50 лык. Эти пучки приносят домой, и они обычно лежат в сенях на балках. Прежде чем плести лапоть, лыко сутки мочат в воде—в реке, болоте, пруду, после того кору сдирают ножем, остается луб. Если желают получить красное лыко, то тотчас же, как сдерут, опускают в воду. Красное лыко употребляется для праздничных лаптей и идет на плетение в головки; заготовленные лыки свертывают в кружки, называемые „котелки“. Такие котелки в большом количестве висят на гвозде в сенях, в избе над „полом“—помостом для спанья. В момент плетения их кладут в воду, и всегда лапти плетутся из сырого лыка. Инструментом для плетения служит „кочедык“, который состоит из ножевидного кривого острия, сделанного из старой косы самими же хозяевами, и деревянной ручки. Для плетения лаптя московского типа необходимы колодки. Колодки делают мужики топором из березы или осины. Лапти плетут и мужчины и женщины, но в этом отношении есть разница между районами—есть места, где женщины лаптей не плетут, напр. с. Ружное, здесь парень, который умеет плести лапти „писанные“, особенно ценится девушкой. Лапти—лучший подарок молодой жене. „Писанный“, хорошо сплетенный, лапоть считается для праздника наряднее, чем башмаки. Марья Ерохина с гордостью заявила, что муж ее лучший мастер по плетению лаптей, если бы он не был таким, она и замуж за него не пошла бы. (см. лапоть, проданный ею для Ц. М. Н. кп. I—1146). В других же местах и в изученном районе довольно часто специалистами по плетению лаптей являются бабы. В некоторых местах, где есть продажа лаптей на базаре—это источник бабьих доходов. Такими центрами лапотниц являются деревни, расположенные недалеко от г. Калуги: Егорий, Никольское, Пушкино, Будаково, Николаевка, Михайловка, Мининки, Фабрика, Ахлебинино. Плетут лапти бабы и в б. Бояновической волости и в бывш. Бутчинской (Жизд. у.).

Плести этот тип лаптей (московский) начинают с задника. Бросается в глаза особенность здешних лаптей—это треугольники из перевернутых лык, расположенные вдоль головки и называемые „щечки“ (Обухово, Перестяж, Бояновичи), „петухи“ (Гуличи). Эти „щечки“ напоминают „курки“ на лаптях мордовского типа, известные в Рязан. губ. (Касимову, Сапожковск. у., у Пензенской мещеры и у мордвы),—при чем там для мужского лаптя „курки“ располагаются вдоль головки, для женского же поперек, здесь же одно лишь направление щечки и употребляется лишь для женского лаптя. Лапти с „щечками“, главным образом, встречаются в Бояновской волости, а также в районе Плахина. Эта деталь лаптя связывает Калужское полесье с Мещерским краем Ряз. губ., с мордовскими группами и стоит вне всякой связи с типом московского лаптя.

Лапти московского типа разделяются, в зависимости от того, кто их носит, на мужские, женские, детские. Разница в размере и в более крупных лыках, употребляемых для мужского лаптя.

В зависимости от употребления во времена года, они бывают зимние и летние. У зимнего лаптя подошва „подковыривается“ веревками из пеньки (с. Бояновичи, с Ружное).

По степени нарядности женские лапти разделяются на будничные и праздничные: воскресные и лапти больших праздников.

В с. Бояновичи для каждого этого сорта лаптей употребляются особые оборы. Будничные лапти из липового лыка, с ними носят ременные или сучоные льняные небеленые оборы. Воскресные лапти с красной головкой, плетеные из вязанного лыка, носятся с черными шерстяными оборами. Лапти больших праздников плетутся из красного, вязового лыка и носят их с белеными льняными оборами. Вязовые лыки редки, поэтому из них плетут самые праздничные лапти (см. набор лаптей из с. Бояновичи М. Ц. П. О. и Ц. М. Н.).

В других местах праздничные женские лапти плетутся из липовых лык, только головки у них делаются писанные. На обычную головку лаптя вплетают второй слой из мелких лык при узоре „елочкой“ (см. рис. № 100). Этот тип праздничного лаптя известен

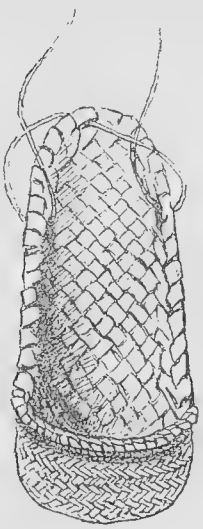

Рис. № 100а.

Рис. № 100б.

в с. Ружном, в окрестностях с. Плахина, в Калужском, Козельском, Мосальском, Лихвинском уездах и во всех тех местах, где лапоть московского типа встречается в чистом виде.

Лапоть московского типа с „курками“ и плетеный из вязовых лык я считаю сложным типом лаптя, заключающим в себе элементы московского типа и элементы, может быть, более древние, связывающие их с мещерой и мордвой. Лапоть московского типа на изученной территории в одних местах является основным (р. Ока, Жиздра, Витебеть), в других-же, где носятся рачки (Болва, Навля, Снопоть) — является позднейшим наслоением. Лапоть московского типа известен: в Московской, Тульской, Орловской, Рязанской гг., кроме части Егорьевского уезда, Касимовского и Сапожковского, в Воронежской, Курской, частично проходит по северу от Москвы, в Ярославской, Костромской, Вологодской, Владимирской губ., в связи, вероятно, с московской колонизацией. Таким образом, основной старинной территорией, где складывались основные группы великорусского населения. является Рязанское княжество: треугольник между Проней и Окой, Московское княжество и верхняя часть р. Оки. Это все территории, связанные по археологическим данным, с славянским племенем, с так называемыми вятичами, в другие же губернии к северу и к югу от Москвы, московский лапоть распространялся в связи с московской колонизацией и московскими культурными влияниями, сталкиваясь здесь с другими типами лаптей, в одних местах вытесняя их (напр. „Рачки“ в Брянской губ.), в других одноврсменно бытуя с ними (напр. „ступни“—тип Новгородского лаптя на территории Ярославской и Костромской губ.) и др.

3-й тип лаптей—„бахилы“—они имеют плетение косое, из липового лыка, форма—туфля низкого сапожка. Для плетения этого лаптя употребляется разборная колодка (см. коллекц. М. Ц. П. О. из дер. Зимницы) и вынимается она из готового лаптя частями. Бахилы известны в Калужском у., Лихвинском, в Бутчинской волости, а

также в д. Бокеевке. Надевают их всегда, когда моют полы, когда идут на скотный двор. В Бокеевке в них хоронят стариков. Этот тип лаптя, с более ярко выраженной трехугольной головкой и плетеный из бересты, является характерным для Новгородской и Псковской территории, вероятно, он распространялся на север в связи с Новгородской колонизацией. Довольно часто он встречается у средних великоруссов. Но, насколько можно судить по наблюдениям в Рязан., Калуж. и Брян. губ., среди южных великоруссов, в большинстве случаев он является позднейшим наслоением—современной фантазией мастеров, делающих подражание кожанным туфлям, отчего его часто называют „тухли". Этот лапоть не имеет специфических черт Новгородского лаптя, т.-е. трехугольной головки и бересты, как материала для плетения. Наиболее южную границу распространения типа новгородского лаптя мне удалось встретить в окрестностях г. Ельни, Смол. губ. (см. лапоть Ц. М. Н. 1. 1343 из д. Быки, рис. № 101).

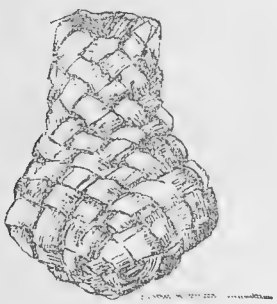

Рис. № 101а.

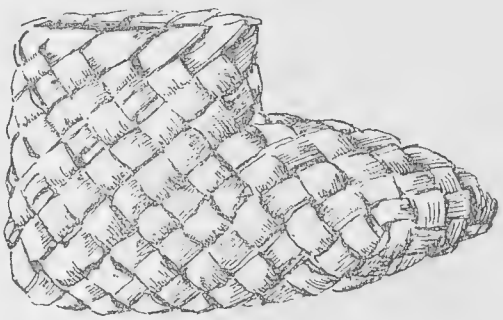

Рис. № 101б.

Итак, два типа лаптя характерны для изученного района: „рачки" и лапти московского типа.

Лапти являются очень древней обувью. Его остатки находят и в курганных погребениях и в Люцинском могильнике (см. лапоть из Люцинского могильника в колл. Витебского музея; у него подошва прямого плетения, очень близкого к нашим „рачкам". Археологи, находя „кочедыки" в неолитических стоянках, думают, что и лапти были в каменном веке. Во всяком случае, лапоть— один из элементов народной обуви, который по технике своего приготовления и по форме может говорить об очень древних этнических слоях той или иной территории. Лапти изученной территории, с одной стороны, говорят о древнем слое, который вошел в образование культуры белоруссов, частью украинцев и нашей группы южно-великоруссов. Возможно здесь говорить и о старом литовско-балтийском слое для нашей территории, захватившем резко очерченный район. (Десна, Ветлица, Навля, Болва); это—район, который некоторые лингвисты относят к белоруссам (см. диалектологическую карту, составленную Ушаковым, Дурново, Соколовым), сохранившимся в нашем Полесье в наиболее чистом виде (см. вышеуказанную разницу между литовскими и белорусскими лаптями). С другой стороны, другая группа лаптей говорит о культурном слое, связанном со средней и верхней Окой и с Москвой рекой), т.-е. с культурой, может быть, так называемых „вятичей".

В. Оборы. Оборы на изученной территории встречаются ременные и нитяные. Ременные бывают мужские и женские и свойственны небольшим районам. В настоящее время они сохранились лишь в с. Бояновичи, Подбужье, д. Зимницы и, вообще, по бывшей Бояновичской волости, также в с. Волосово-Дудине (у пастухов). Помнят и в Бокеевке, где они заменились шерстяными. Раньше, говорят, они были распространены шире и являлись принадлежностью рубщиков и сплавщиков леса по р. Жиздре и Десне. Как мужские, они сохранились в д. Зимницы (прошлым годом умер последний старик, носивший их) и д. Гуличи, как девичьи—в Бояновичах и Подбужье. Приобретенные оборы для Музея Центрально-Промышленной Области, представляют из себя полосы кожи в 290 см. длины с медным колечком на 1-м конце. Кольцо—такого типа, как было описано у девичьего косника „нанки"; источником, откуда берутся эти кольца, является упряжь, с которой девки воруют у отцов медные колечки; их так любят и ценят, что при продаже мне обор, старались тайком кольца отрезать, чтобы сохранить себе. Колечки, при обертывании ноги оборами, служат для продергивания через них другого конца и затыкания его через кольцо. Этим уничтожается узел, который неудобно делать из ремня (рис. 99 и 64д). Ременные оборы носятся девушками в будни и, главным образом, на работу и считаются для этого случая более прочными и удобными. Ременные оборы известны у белоруссов, латышей, болгар, сербов, чехов, кое где у южных великоруссов (пригородные слободы Сапожковского уезда, где они носятся не с лаптями, а с котами; тоже но не с котами, а с лаптями пастушьими, в Елатьемской волости, Касимов. уезда, село Варанцы. Остатки их известны в раскопках курганных погребений; нахождение в погребениях медных колечек у ног не говорит ли о наличии этих обор. Во всяком случае, наличие ременных обор является весьма архаической чертой (см. Niederle).

Нитяные оборы встречаются в двух видах: портяные и шерстяные. 1-е встречаются, главным образом, сученые и тканые, 2-е тканые и дерганые. Сученые оборы известны по всей территории. Как мужские, так и женские делаются из ниток льняных или конопляных. Берется прядь в несколько ниток, сучат вдвоем: с одного конца в одну сторону, с другого в другую, потом концы соединяют вместе и для прочности иногда повивают третьей прядью.

Праздничные оборы белятся — т.-е. уже готовые кладутся в золу и ночь стоят в печи, потом их промывают и белят на солнце. Оборы ткутся на дощечках (способ тканья тот же, который был описан в тканье поясов поневы). Оборы тканые портяные мало распространены, я их встречала лишь в с. Бояновичи.

Оборы шерстяные известны в двух видах по способу изготовления—дерганые и тканые. Способ дерганья—тот же, что и при дерганьи гашника (см. главу „понева").

Теперь, если хотят при конце обор получить раздвоенную тесьму, то снимают все время за край, обращенный к той или другой руке, как показано на рис. № 30.

Дерганые оборы, приобретенные для М.Ц.П.О. (инв. № 807) из д. Фролово, длиною 14 метров, шир. 1 см. Они надеваются— „стаканчиками", т.-е. сначала одним концом обор обертывают ногу от себя налево, потом на него густо накладывают второй конец уже слева направо, и оборы так густо наматываются, что получается впечатление, будто нога завернута черной онучей. Дерганые оборы

„дерганцы", известны в д. Фролово, Щигры, Ловать, Турьевка, Маховая, Белый Колодезь, Почаевка, Вяземки, Бяково, Водкино, Зимницы, Салынь, Анисимово, Городище, Михалево, Дубровка, Наторов, Выползово. Оборы дерганые 2-х цветов: красные и черные. Красные известны в Зикеево, Петровке, Салынь, в других—черные (см. фот. № 94).

Шерстяные оборы встречаются тканными. Есть два способа тканья: 1) на дощечках, 2) на „ниту".

Способ тканья на дощечках (см. описание при поневе, рис. на „ниту" № 21).

Тканье обор на дощечках—при участии деревянного ножа, называемого „кордиком" и служащего для прибивания утока, известно в Подбужье, Бокеевка, Слобода, Каменовке, Соколово, Павловке, Бякове. Тканые на нитку—в с. Бяково и его колонии Новый Свет. Есть районы, где встречаются и те, и другие: Хвастовичи, Борнятино, Новая (12 д.), Труфаново, Асмолово, Голосилово, Егоровка.

Во многих районах о шерстяных оборах говорят, что они явились заместителями ременных (с. Новое, Подбужье, Бояновичи). В Бокеевке явились лет 15 тому назад, в других селах, говорят, испокон века. Шерстяные оборы в одних местах являются принадлежностью праздничного костюма (Салынь, Подбужье), в других носятся только по воскресеньям. Шерстяные оборы широко распространены: в Белоруссии мне приходилось распространение их наблюдать по всей Чечерской волости, Гомельской губ. где они ткутся при помощи „бердечка"; в Суражском у., бывш. Черниговской губ., в Случевке, Стародубского уезда, где также ткутся на „бердечке". У Никифоровского „Житье-бытье Витебского белоруссса"—упоминаются черные шерстяные оборы, как наиболее парадные, носимые с лучшими лаптями и башмаками. Известны они и у Тудовлян, Ржевского у., Тверской губ., см. работу Н. П. Гринковой—„Одежда Тудовлян Ржевского уезда" (журнал „Этнография", т. I стр. 95).

Г. Сапоги. Ношение женщинами сапог довольно распространено. Хотя лапоть и является основной универсальной обувью, однако, на ряду с ними есть села, где сапоги носятся женщинами, (напр. д. Борнятино, Наталья Архипкина (см. фот. № 49), носятся сапоги и по праздникам. Наличие сапог известно во Фролове (теперь бросили носить), Алексеевке, Бякове, Борнятине, Прудках, Кцыне, Хвастовичах. Ношение сапог нельзя считать явлением вполне новым, напр. на Украине оно является очень старинным обычаем и связано со своеобразными покроями и цветной кожей, употребляемой для их изготовления. Ношение сапог среди высших классов известно и в Киевской Руси и в Московском государстве. Ношение сапог известно у мордвы Пензенской губ., известно у Мещеры, а также у группы великоруссов Рязанской губ., в с. Можары, где сапоги по покрою являются близкими к мордовским—с гармонией. Отсутствие на сапогах изученной территории специфических черт, а также их покрой—обычный покрой мужских городских сапог—не дает возможности пока ставить их в связь с какими-либо культурными влияниями.

ГЛАВА IX.

МУЖСКИЕ РУБАХИ, ШТАНЫ, И КОЛПАК-ВАЛЕНКА.

А. Рубаха мужская. Основной чертой мужской рубахи является ее туникообразный покрой. Чтобы скроить рубаху, берется цельное полотнище холста, перегибается по утоку, делается разрез ворота и разрез на левой стороне груди. Это перегнутое полотнище образует основную часть рубашки, называемую „стан", к нему сверху пришиваются по основе рукава, представляющие из себя перегнутые пополам прямые полотнища. Под рукава же и к бокам стана пришиваются на каждой стороне рубахи перегнутые по основе боковые полотнища, называемые „бока". В угол между рукавом и боковым полотнищем вшивается прямоугольник, называемый „ластовица". С изнанки на спине и на груди рубахи для прочности подшивается треугольник, называемый „подоплека". В старом типе рубах воротник не пришивался, а в более новых воротник пришивается, будучи выложен полосами кумача, черной тесьмы и вышивкой. Подол рубах затыкался красной бумагой и назывался „подопольником" (см. рис. № 102). Затканные подолы рубахи известны в Волосове, Пеневичах, в д. Сосновое Болото, с. Макарове, Гамаюнщине, с. Рябчевское, Орельске). Рубахи с затканными подолами носились молодежью. Свадебные рубахи и погребальные были совсем белые, без украшений, без всякой „лишвы" (с. Макарово). Рубашка застегивается металлической пуговкой и нитяной петелькой. В старину она завязывалась нитяными шнурочками, пришитыми к разрезу ворота (Бяково, Боянович). Старинные рубашки были очень длинными, на $^1/_4$ арш. ниже колен. Такие длинные рубахи еще сохранились в с. Бояновичи (см. выкройку рубахи рис. № 102, рубаху

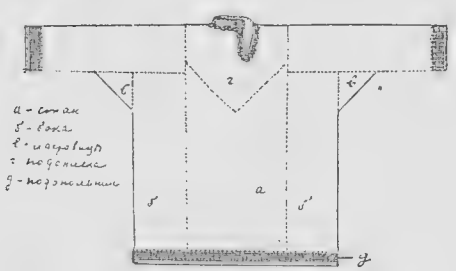

Рис. № 102а.

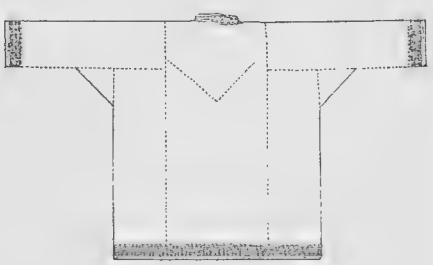

Рис. № 102б.

из с. Бояновичи: а) стан, б) бока, в) ластовица, г) подоплека, д) подопольник). Единичные образцы наиболее редких разновидностей рубах пришлось встретить в с. Бояновичи и в окрестностях Трубчевска. В Бояновичах удалось приобрести рубашку для М. Ц. П. О. (инв. № 809). Особенность этой рубашки заключается в вышивке ворота

и груди шелком. Техника вышивания—шнуровая гладь, шелк, употребляемый для этого, бледно-зеленый. Эта техника очень близка к тем вышивкам, что мы встречали на „сороках“ и ставили в связь с техникой вышивания, известной у Мари, Чуваш, Башкир, Таджиков и в восточной части Рязанской губ., с. Мелехово, Чучкова, в Тамбовской губ., в Кирсановском и Моршанском у.у., также на верховьях Днепра, в Смоленской губ. (судя по коллекциям Тенишевского музея). Она говорит об общих культурных связях изученной территории с культурой народов Поволожья и со среднеазиатскими культурными влияниями, возможно шедшими через посредство древних болгар, потому и захватившими главные речные магистрали.

Вторая вышеупомянутая разновидность, в районе г. Трубчевска, выразилась в вышивке рукава на плечах, называемой „полика“, и в вышивании угла по правую сторону от разреза ворота. Расположение узора на этих рукавах очень близко к вышивкам на рубахах великоруссов, на Алтае, Круто-Березовской волости (колл. Ц. М. Н.). Это вышивание--одно из древних элементов в мужских рубахах. К сожалению, цельной рубахи достать в этом районе было невозможно, и узор удалось установить по обрывкам мужских рубах, пришитым к женским частям одежды.

Подтипом основной туникообразной мужской рубахи является рубаха со скошенными боковыми полотнищами (см. рубаху Гаврила Сидоровича Волченкова из д. Квань, в Гамаюнщине,—(рис. № 103). Рубашка эта сшита 50 лет тому назад. Таких рубах сохранилось мало; теперь холст заменился ситцем, а вместе с этим изменился и покрой. Если у кого из стариков и сохранились старинные рубахи, то с ними не желают расставаться, берегут на смерть, считая, что на тот свет следует явиться в рубахе, сшитой женой, в которой ходил в молодости. Описанный покрой рубахи известен в Макарове, Гнездилове, и под Трубчевском, хотя для Гамаюнщины этот тип рубахи является самым старинным, который помнит местное население, однако для последних районов он является позднейшим наслоением на рубаху основного типа), т.-е. с прямыми бочками. Под Трубчевском рубаха со скошенными бочками появилась в 60-х годах.

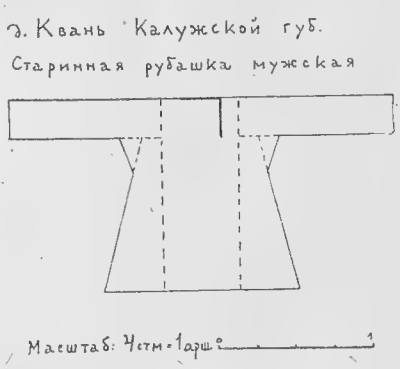

Рис. № 103.

Покрой мужской рубахи на изученной территории по форме полотнищ и по разрезу ворота является общим с рубахами южновеликоруссов и северно-великоруссов, известным у них уже в 17 веке. Попытки найти мужские рубахи с поликами, известные у белоруссов и украинцев, на изученной территории, не увенчались успехом. Является вопрос, насколько старинны мужские рубахи с поликами для украинцев и белоруссов. По отношению к замене их рубахой „косовороткой“ великорусского образца, замене, происходящей на глазах современного поколения, рубаха с прямым поликом является старой формой, но наличие ее не исключает возможности более древних слоев: во-первых, некоторые группы украинцев и в старое время не знают рубах с поликами. Так, напр., в коллекциях Румянцовского музея 1867 года есть рубаха из Киевской гу-

бернии туникообразного покроя с косым разрезом на груди; во-вторых, мы видели, что и женская рубаха с прямым поликом не всюду являлась первичной формой, и для многих районов севера Смоленской губ. она явилась заместителем рубахи, скроенной „замком".

Таким образом, наличие на нашей территории мужской рубахи туникообразного покроя с косым разрезом на груди сближает изученную этническую группу с современными великоруссами, однако, не исключает возможности, что эта группа сохранила элементы одежды, предшедствующие мужским рубахам современных белоруссов и украинцев.

Б. Штаны мужские. Штаны мужские на изученной территории встречаются в двух типах: 1) порты—на вздержке и без карманов, 2) штаны—сверху в сборку, на обшивке и с карманами. Первые являются старинными и под них никогда подштанников не носится. Порты состоят из двух частей: 1) калоши—надеваемые на ноги в виде прямых полотнищ холста, перегнутого пополам (см. рис. 104 А и Б) и 2) ширинки „огузка"—прямоугольная полоса холста разрезается пополам наискось, образуя две трапеции—одна пришивается к калоше спереди и слегка заворачивается углом сзади, вторая пришивается к калоше сзади, слегка углом пришивается спереди (см. рис. 104 б.). Сверху делается рубец, через который продергивается плетеный из пеньки или льна шнур, называемый „гашник", отчего и все штаны называются штанами на гашнике. Штаны из домотканной материи того же покроя; но когда они шьются из покупной материи то ширинка делается неразрезная. Детские порты шьются без ширинки—такие носят лет до пяти (с. Бяково). Они представляют из себя две калоши, скрепленные сверху пояском, для мальчиков побольше вставляется цельная ширинка, называемая „косинкой". Старинным материалом для портов является белый холст—теперь порты из этого материала можно встретить лишь в с. Бояновичи даже и не у стариков, но их помнят старики хорошо даже в Гамаюнщине. 75-летний старик в д. Квани рассказывал, что ему отец говорил, что лет 100 тому назад, во время крепостного права, стали появляться полосатые порты из домотканного холста, но таких франтов, в случае неуплаты податей, жестоко секли, „франтить горазд, а податей не платишь",—говорили бургмистры. Теперь полосатые порты и штаны повсеместно распространены, известны также штаны из синей набойки (см. штаны в Музее Ц. П. О. из д. Зимницы № 573). Фон—синий, рисунок—полоски и овалы—белый (рис. 104). Зимние штаны суконные, они обычно из коричневого холста, но в тех местах, где носятся белые „зипуны",—там известны и штаны белые, называемые „суконки".

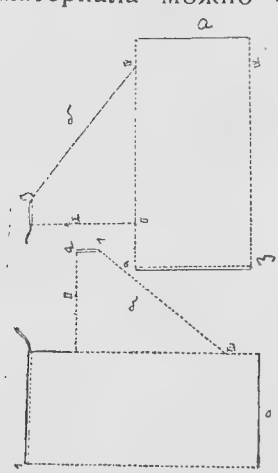

Рис. № 104 А.

В старину мальчики надевали штаны лет с двенадцати, теперь в селе Бояновичи я видела мальчиков 10 лет, щеголявших в одних длинных рубашках. Правда, в оправдание мне говорили, что они сиротки, некому им сшить штанов, но надевание штанов на мальчиков только лет в 5—7 здесь очень распространено. Сохранились некоторые остатки древнего, может быть, обряда совершенолетия мальчиков, но сейчас это просто обрывки, теперь уже не связанные друг с другом. Первые штаны обычно шьет мать, за отсутствием

ее--крестная; эти штаны надевают утром; мальчик стоит на „полу“, т.-е. на помосте для спанья, между печью и дверью, мать говорит: „носи, не скидай“. Когда мальчик появляется на улице в первый раз в штанах, то его приветствуют товарищи (Бяково, Бояновичи). Такой же обычай не носить штанов до 15 лет или даже до женитьбы, Д. К. Зеленин отмечает в своей книге (Ostslawische Volkskunde, стр. 206), как обычай, свойственный восточным славянам.

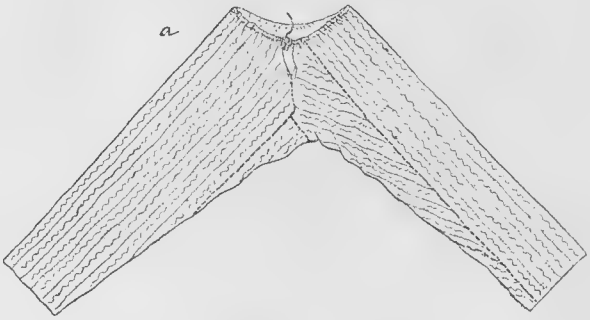

Рис. № 104 Б а.

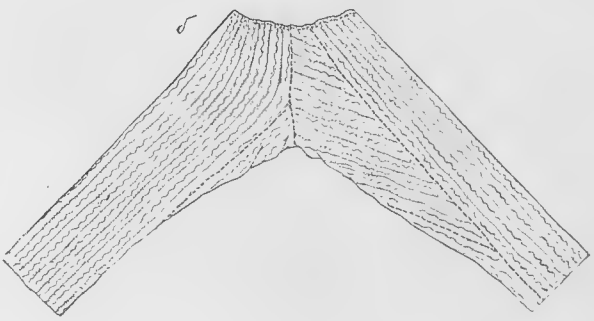

Рис. № 104 Б б.

В. Колпак „валенка“. Старинным головным убором является валенный из белой шерсти колпак, известный под названием „валенки“. Колпак имеет форму усеченного конуса, высотою до 15 см. с полями, отвернутыми во всю ширину околыша и плотно к нему прилегающими. Форма колпака и цвет шерсти (белый) делает его близким к известной у белоруссов „магерке“. Такие же колпаки мне удалось видеть в с. Вздружном, д. Семереве, (см. рис. 105) с. Новое, с. Бояновичи, где я и приобрела, правда, уже совсем изношенные, для Музея Ц. П. О. Колпаки сейчас совсем уже исчезли, заменились шапками и картузами. Сначала их заменяли колпаки того же покроя, но сделанные из коричневой шерсти, эти и сейчас можно встретить чаще, но они тоже исчезают, несмотря на свою универсальность. Колпак является головным убором и зимним и летним, и праздничным, и будним, защищающим от солнца и от непогоды. Удалось установить, по памяти живущего поколения, бытование белых „валенок“ в следующих селах и деревнях: под именем „шлыка“ в Кцыне и Мойлове, под именем „валенки“—в Святое, Алешинке, Алексеевке, Бякове, по всей Жерелевской волости, в районе Спас-Деменского, в Дретове, в Белом камне, Волосове, Дудине, Подбужье, Бояновичах, Пеневичах, Нехочах, Зимницах, по всей бывшей Бутчинской волости. Таким образом, бытование колпака захватывало междуречье р. Жиздры и р. Десны; было также по Десне, Ветьме, Навле. Все местные жители считают эти районы главным местом бытования „валенки“, однако получены сведения о том, что

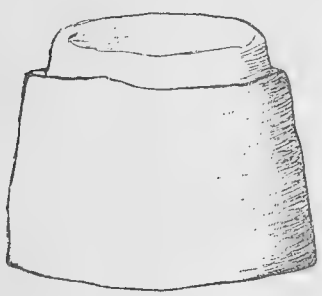

Рис. № 105.

она появлялась и в других, очень отдаленных от Полесья районах. Так, напр., в с. Макарове Лихвинского у., белые колпаки надевались на покос; получали их со стороны, тоже и в Гамаюнщине под г. Калугой. Колпак „валенка", под названием „Брянского", носился здесь и зиму и лето, особенно франтили новыми колпаками на покосе, но потом его сменили коричневыми, но и они сейчас исчезли. Главным местом продажи колпаков были Брянск, Жиздра, Карачев, Почеп. Торговцы отдельных сел скупали и привозили эти колпаки к Пасхе в свои села. Деревни, где приготовлялись колпаки, были: д. Шляпная, Жиздринского у., Семерево, Клюкавино, под Карачевым, и Почеп. Были и странствующие „волнотепы", т.-е. валяльщики, которые со своим инструментом, „струной", бродили из села в село. Мне удалось встретиться с такими „волнотепами" в с. Семереве, а в Почепе я могла наблюдать весь процесс приготовления колпака.

Шерсть, употребляемая для „валенки" — овечья и коровья. Овечья употребляется осенняя или поярки, т.-е. шерсть с ягнят, которых стригут летом в первый раз. Перед валянием шерсть „разбивают" или, как это называют в других местах, „чешут". Для того употребляются следующие инструменты:

1) лучок со струной. Лучок представляет из себя круглую палку, длиною от 2½ до $2^3/_5$ арш. и толщиной 2 верш. (рис. 106. А.) на

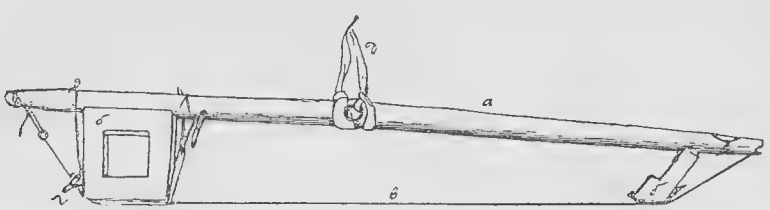

Рис. № 106 А.

расстоянии 20 см. от одного края и 15 см. от другого края. К палке приделаны четырехугольные дощечки, называемые „кобылки" (б), через кобылки натянута струна из овечьих кишек (в). Струна натягивается при помощи „натяговича" (г), т.-е. короткой палочки, вставляемой в петлю, образованной струной, между кобылкой и лучком, называемой еще „перо-зубец"—его назначение натянуть струну завертыванием. Лук делается из березы самим мастером, а струна покупается на базарах.

2) „Чапелка" — петля из веревки, которая вешается на стену с кольцом, к кольцу прицепляется лучок.

3) „Катеринка" — инструмент, которым бьют по струне. Это круглый брусок, длиною 20 см., диаметром 10 см., сделан из березы, на одном конце его сделан вырез-рубец; задеваясь за него, струна сильнее бьет по шерсти. На другом конце катеринки прикреплена петля из ремня, которая надевается на руку работающего.

4) „Решетка"—на нее кладется шерсть. Решетка состоит из деревянных пластинок, дл. 100 см., связанных в 3-х местах на расстоянии друг от друга $^1/_8$ верш., отчего образуются небольшие промежутки, в которые во время битья шерсти проваливаются на пол сор, грязь и другие нечистоты. Одним боком решетка прикрепляется к стене, а под другим ставится „упорище", т.-е. палка с острием на конце, втыкаемым наискось в стену, чтобы поддерживать решетку. С боковых сторон решетки подвязывается полоса холста, называемая „фартук", на который и сваливается битая шерсть. (Рис. 100. Б.).

Процесс работы заключается в следующем. Шерсть кладется на решотку. Мастер левой рукой держит на весу лучок, подвешенный к „чапелке“; при помощи „катеринки“ ударяет правой рукой по струне, которая приводится в колебательное движение, от чего получается очень своеобразный звук, по гармоничности которого можно узнать, насколько „ловок“, т.-е. опытен, мастер. А когда работают несколько мастеров получается своеобразный концерт, при чем они стараются бить в такт. Жужжащая струна бьет верхние слои шерсти, шерсть разбивается и падает на фартук. Когда ее начешется достаточное количество, мастер переносит ее на стол; кладет на холст; из части он делает форму-основу для валенки, называемую „затяжкой“. Основа представляет из себя полуовальный тонкий пласт, прибитый к столу руками; высота этого полуовала равняется высоте шляпы с отвернутыми полями, а основание полуовала равняется диаметру полей шляпы. Поля не оттопырены, а прилегают к шляпе, как бы увеличивая ее высоту. Затем с обоих сторон затяжки накладывают шерсть и все вместе закатывают в холст и катают железным 4-х угольным прутом „китайцем“, длиною до $^3/_4$ арш. и шириною с большой палец; после этого опускают закатанную золотину в горячую воду и в ней варят, потом опять ее катают, выворачивают, при чем затяжки либо прибиваются к одной стороне шляпы, либо вынимаются и сушатся. (См. рис. № 106). Мастер из Семерева говорил, что он делал деревянную колодку и на ней придавал форму колпакам, валял на ней вальком, а вместо варки в горячей воде, просто мочил и посыпал овсяной мукой, чтоб лучше склеить; последнее он делал, так как не прибавлял коровьей шерсти. Валенки продавались на базарах по 20—50 коп. Если мастера были бродячие, то брали за работу 10 коп. от штуки или продуктами. Бродячие мастера обычно поселялись в семье крестьянина, жили на его „харчах“ и не спеша заготовляли валенки для всей семьи, получая за каждую валенку 10 коп. Сезон валянья обычно начинался после Покрова и продолжался до Пасхи—период, когда нет сельско-хозяйственных работ. Лучок, употребляемый при валяньи, известен у южно-великоруссов (Рязанская, Саратовская губ.), у сев.-великоруссов (Тверская, Ярославская), у украинцев (Волков, „Украинский народ в его прошлом и настоящем“, стр. 494), у финнов Поволжья и в несколько иной форме у киргизов, крымских татар, у болгар (в Крыму), в Персии, Туркестане и Индии. Шапка „валенка“ белая, известна современным белоруссам (Могилевская, Витебская, Минская, Смоленская губ.). Кроме группы белоруссов, известных под названием „Черная Русь“ (бывший Новогрудский у., Гродненской губ.), она была у украинцев Черниговского полесья и у Пинчуков, распространялась не так давно далеко на юг по Полтавской губ., на левой стороне Днепра и в Сквирском у., Киевской губ. на правой стороне Днепра, известна также в городах Украины. Встречается белая валенка еще в Псковской губ. и в несколько измененной форме у мари. Южным великороссам свойственна валенка не белого, а коричневого цвета.

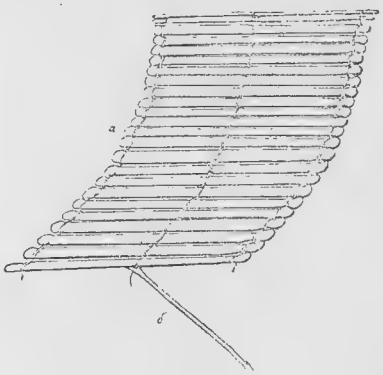

Рис. № 106 Б.

ГЛАВА X.

ПОЯСА: ЖЕНСКИЕ и МУЖСКИЕ.

А. **Пояса женские** по своему назначению разделяются на две группы: а) пояса, которыми подпоясываются рубашки, это—пояса необходимые, носимые всегда и всеми возрастами и б) пояса, надеваемые сверх поневы, передника, касталана.

Пояса 1-й группы чаще всего являются плетеными, дерганными, редко тканными на дощечках.

Пояса второго типа ткутся на „нить“ или особенным способом плетутся; в последнем случае, если они плетеные, то называются „кушаками“.

Материалом для поясов служит шерсть, обычно сученая, изредка—льняная нитка.

Плетение поясов 1-го типа заключается в следующем: когда плетут в три пряди, то плетут так, как косу, если в четыре пряди, то перевивают крест на крест две противоположные пряди. Плетут в 6—8 прядей, комбинируя противоположные нити. Пояса в три пряди получаются плоские, а в остальных случаях — круглые. Техника дерганья и тканья на дощечках были описаны в главе „понева“. Техника тканья на „нить“ была описана также при описании тканья поясов для поневы. Здесь приходится остановиться на некоторых особенностях при тканье поясов. Пояса для подпоясывания делаются значительно шире, чем пояса для понев, они доходят иногда до 3-х вершков, чаще всего ткутся из чистой шерсти без примеси льняной нитки. Узоры, употребляемые для этого, „репьи“ (см. рисун. № 107), „полурепьи“ (см. рис. 108) или „полдуга“ о четырех пальцах (№ 108), „попряничница“, половинчатый узор (рис. № 109) и пр.

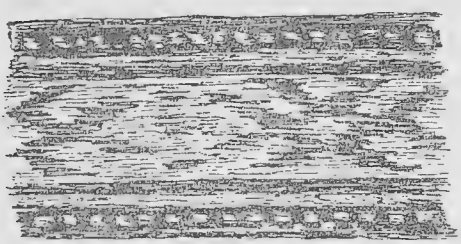

Рис. № 107.

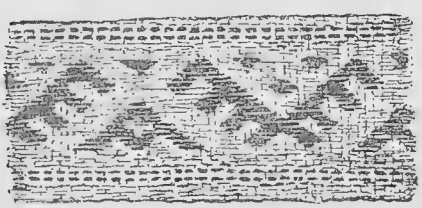

Рис. № 108.

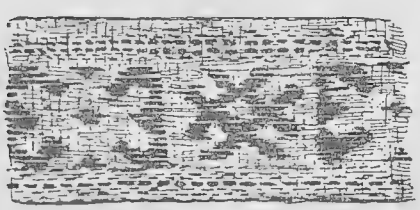

Рис. № 109.

Плетение пояса разделяется на два вида: плетение отдельными прядями по тому принципу, как плетется коса, и ажурное переплетение основы, навитой по стене.

Первый способ плетения заключается в следующем. Пояски плетутся во сколько угодно пар нитей, но общее число должно быть нечетное (см. рис. № 110 А, I стадия); черными линиями обозначены красные нити, а двойными синие, узор—„копытце“ (по одной нити с края нити а и н отделяется—они послужат утоком, после этого остальные нити разделяются на 2 группы—правую и левую; для 1-ой будет уток а, для 2-ой уток н. Каждая группа, в свою очередь, разделяется на 2 слоя—верхний и нижний, чтоб образовать зев, при чем отсчитываются по 2 нитки—две вверх, 2 вниз; таким образом нити б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м,—будут верхними,—о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ш,—нижними; пропускается уток, (см. рис. № 110 Б, стадия II). Затем нитки б и л выявляются как урочные; одна нитка из верхнего бывшего зева и одна нитка из бывшего нижнего зева—поднимаются наверх, чтоб образовать—верхнюю часть зева, таким образом нити в, п, д, с, н, ж, о, у, и, х, ч, к,—поднимаются кверху, нити же а, г, р, е, т, з, ф, і, ц, ш, м,—отбираются книзу. Для правой половины пропускается уток л, и так далее. Таким образом, все время при образовании нового зева половина ниток верхней части зева остается от старого зева—то же, что мы видим при тканье на 4 подножках и при тканье на дощечках. Описанный способ плетения поясов заключает в себе элементы плетения—нитки основы являются попеременно и нитями утока, но в нем есть и элементы тканья—разделение нитей на верхние и нижние группы, через которые сразу пропускается уток—зачаток зева. Узор достигается разноцветными нитями, которые входят в основу.

Такие пояса известны в Гамаюнщине, Бокеевке. Теперь плести редко кто умеет. Аналогичный способ я видела в Старом Селе „Витебщина“, где он называется „плетение на вилочке“, потому что здесь употребляется для держания готовой части пояса деревянный крючечек—вилочка, которая во время работы упирается в живот под ложечку (см. рис. 110 А и 110 Б).

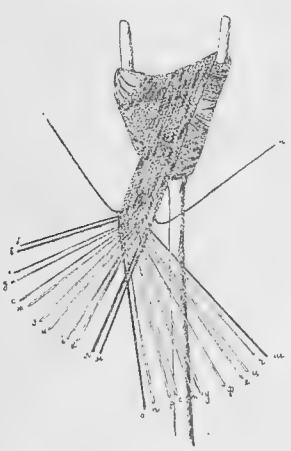

Рис. № 110 А.

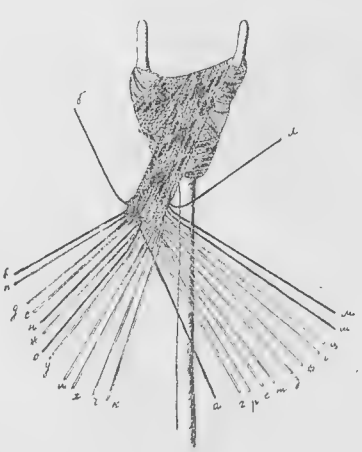

Рис. № 110 Б.

Второй способ плетения пояса заключается в следующем: втыкаются в стену два кола, через них делается основа так, как обычно делаются основы для стана. Снуют 70 ниток для широкого пояса. Плетение начинают, не снимая основы с колышков. Берут верхнюю нитку на большой палец, а нижнюю берут в руку, пере-

вивают верхнюю нитку нижней, нижнюю же все время держат в руке. 2-й ряд начинают, когда 1-й ряд закончили, тогда поднимают нижнюю на большой палец и ею переплетают верхнюю, верхние держат в руке и перевивают нижними; 3-й ряд делается также, как и 1-й. По окончании трех рядов перевязывают—„зев", т.-е. между группами верхних ниток кладется поперечная нитка. После этого начинают плести с другого конца основы, делают таким же способом три ряда. После этого опять начинают плести с 1-го конца и т. д. Во время плетения, нити с одного конца переплетаются на другом конце. Плетут то с одного, то с другого конца для того, чтобы получался узор, называемый „елочка". Пояса такого плетения известны в с. Алексеевке, Бояновичах, Гуличах, Местковичах, Немеричах. Аналогичный способ плетения распространен в Украине (Полтавщина, м. Хомутец, Великие Сорочинцы и пр.), в Черниговщине (Случевск и др.), в Гомельской г. по Клинцовскому уезду (напр. д. Песчанка).

Б. Мужские пояса и поясные привески. Мужские пояса бывают ременные и нитяные, последние бывают плетеные и тканые. Ременные пояса не сохранили архаических черт; нет ни блях, ни интересных застежек на них. Плетеные пояса такие же, как и плетеные для женских рубах. Что же касается тканых, то они сохранили интересную черту,—наличие бисерных украшений. Эти пояса ткутся на дощечках в 3—6—8 дощечек. Способ тканья такой же, который описан в главе о рубахах. На конце пояса делаются кисти, называемые „китицы", концы которых (см. рис. 111) украшаются бисером, называемым „занизками". Такие пояса встречаем в Бояновичах, Подбужье, Бякове, Зимницах. Самым западным пунктом таких поясов является д. Сосновое Болото и Жерелевская волость. Распространение бисера идет параллельно распространению бисерного позатыльника и шейных женских бисерных украшений.

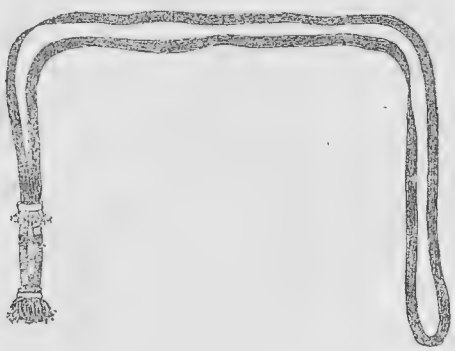

Рис. № 111.

Аналогичные пояса мы встречаем в Ряз. губ. (Скопин. у., Сапожк. у., с. Можары), а также у Мордвы—Эрзи Пензенской губ. В Сапожк. у. те села, где носят эти пояса, соседними однодворцами зовутся „мордвою", они говорят: „ходят, как мордва некрещеная". Такие пояса с украшениями являются праздничными. Такой пояс парень получает впервые от невесты к свадьбе вместе со штанами и рубахой.

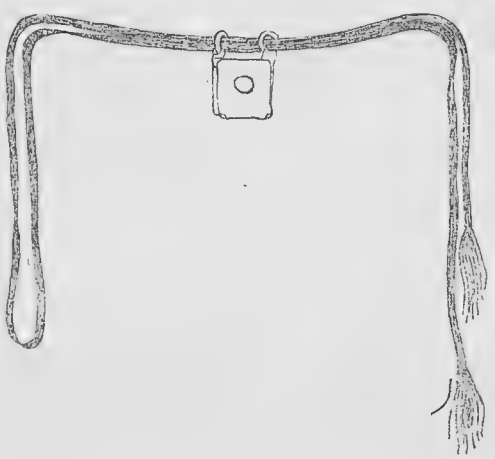

Рис. № 112.

Очень распространено ношение на поясе ножа, „ма-

шонки“ и „калиты“. Ножи носятся обычно складные, говорят, в старину они были нескладные и с ножнами. Нож надевается на левом боку и носится, главным образом, пастухами, (в с. Никольском, Макарове, Русанове, Волосове-Дудине, Бояновичах, Бокеевке). Под именем „машонки“ известна кожаная сумка, состоящая из одного куска кожи, сверху собранная на ремешке, в нее кладут табак, кресало, кремень и трут (рис. № 112). „Калита“—сумочка того же назначения, но четырехугольной формы, с кожаной крышечкой, застегивающейся пуговицей. (Подбужье, Лившино). „Кресало“ старинное было овальной формы с несведенными концами, заложенными спиралькой; современное же кресало—прямоугольной формы. „Кресало“ приготовляют местные кузнецы. В качестве трута употребляется льняной хлопок, вареный в золе, или березовый нарост, также проваренный в золе. Сумочки „калиты“ на поясе сохранились в Волосове, Дудине, Подбужье, Бояновичах. „Машонки“—в Бокеевке, Зимницах. Аналогичный поясной набор с сумкой „калитой“ мы видим у современных белоруссов Чириковского уезда Могилевской губ. (см. манекен Ц. М. Н.). Но считать ее чертою современных только белоруссов не приходится: она древнее самих белоруссов, известна и у других южно-великоруссов (Скопин. у., Ряз. губ.). Известна в остатках также в курганных славянских погребениях различных племен.

ГЛАВА XI.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА: ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ.

Верхняя женская и мужскал одежда по покрою и материалу мало отличается друг от друга. Женская одежда шьется лишь более широкой спереди. Сходство это настолько велико, что очень часто в будни женщины надевают мужские свиты, а мужчины—женские. Дети же ни мальчики, ни девочки не различают своей одежды и надевают ту, которая подвернется под руку. Для верхней одежды известны два покроя: *1-й--клинастый* по талии, свойственный зипунам, кафтанам, коротикам, шубам и 2-ой более новый покрой *со сборами на боках*; *2-ой* покрой—прямой балахон, свойственный зипунам и свитам. Образцом выкройки первого покроя может быть мужской—„коротик“ из д. Зимницы (см. рис. 113). Спинка его пред-

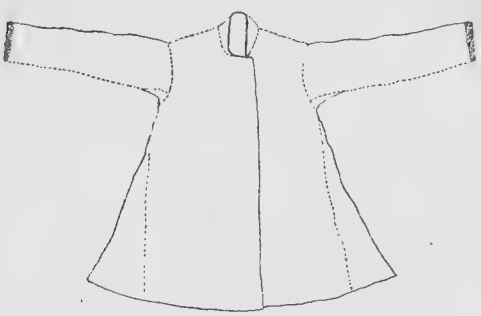

Рис. № 113 А.

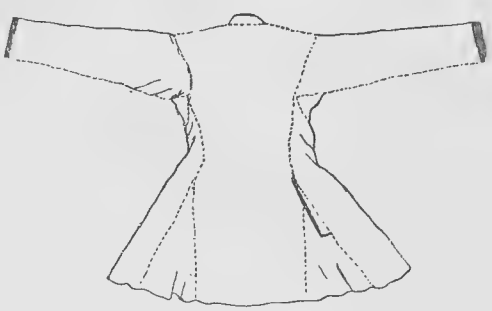

Рис. № 113 Б.

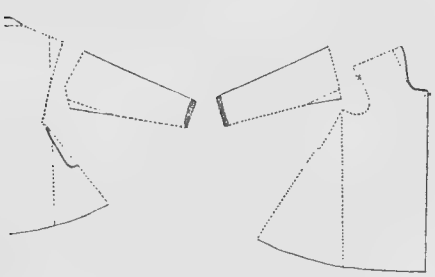

Рис. № 113 В.

ставляет из себя прямое полотнище с небольшой выемкой у талии, к ней пришивается разрезанное наискось полотнище, одна сторона которого идет для правого, другая для левого бока (см. р. № 113 Б и В). Передние полки каждая состоит из цельного полотнища, к бокам которого пришито также разрезанное наискось полотнище (см. рис. № 113 В). Рукав кроится также, как мы видели у рубах „косяток“: снизу срезается клин, который пришивается к верхней части рукава, отчего рукав делается несколько шире. Такой покрой называется „с клинцами“ (д. Зимницы) или „фантами“ (Макарово). Одежда, сшитая из домашнего сукна таким покроем, называется „коротик“ (см. фот. № 114, Подбужье, Зимницы), из овчин-—„шуба“. Этот

покрой, как старинный, мне удалось установить в Сапож. у., Рязан. губ., Скопин. у.) Зипун с „хвантами“ предшествовал зипуну со сборами. Последний в Калужской и Брянской губ. мало распространен. Он известен в Мосальском, Калужском, Козельском, Лихвинском у.у. Глухих мест Полесья он почти не коснулся. Зипун с двумя клиньями свойственен белоруссам, украинцам; у первых сохраняется

Рис. № 114.

и до сих пор (Могил. губ.), у последних вытесняется большим количеством „вусиков“ (см. Волков—„Украинский народ в его прошлом и настоящем“), известен также у западных и южных славян (Нидерле).

Покрой со сборами известен у южно-великоруссов и сев.-великоруссов, и, как видно, он не проник ни к белоруссам, ни к украинцам. Так, в Витебской губ., на севере ее (Озерницкий район), население себя отмежевывает от великоруссов Псковской губ., указывая на смешные кафтаны у них со сборами.

Появление этой одежды, как видно,—явление довольно позднее. По южным уездам Рязанской губ. и по Калужской губ. ее можно датировать временем 60—70 лет тому назад. При чем она явилась в связи с появлением покупного материала, который шел на поддевки со сборами. Первые носили одежду этого покроя бурмистры, извозчики, местные торговцы.

„Коротики“ на изученной территории встречаются двух видов: белые и коричневые. Последние постепенно вытесняют белый цвет, так что в тех районах, где еще недавно были белые зипуны, мы сейчас встречаем уже коричневые. В настоящий момент белые зипуны известны и еще носятся, начиная от р. Болвы, в д. Савки, в быв. Бутчинской волости и в Салыни. Но еще недавно они были распространены гораздо шире—в Спас-Деменщине, Жерелевской волости, в Мокровской, в Добуже, в Борнятине, в Бояновичской вол.

Таким образом, белые зипуны охватывали бассейн Болва—Десна - Витебеть—Жиздра. Дер. Дрехово была первой белозипунной

деревней. Белый цвет зипуна уже многих интересовал и наводил на мысль об этническом родстве означенной белозипунной территории с белоруссами, при чем считали белый зипун специфической особенностью последних. Но не всем белоруссам свойственен белый зипун, он неизвестен группе белоруссов „Черная Русь". На самом деле территория бытования белого зипуна является более широкой, чем только указанная. Белый зипун известен также украинцам— „бела свита" была еще недавно в Полтавской губ., в Миргородском повите (см. Волков—„Украинский народ в его прошлом и настоящем"). Белый зипун известен еще у литовцев, латышей, сербов, словаков, поляков (см. колл. Ц. М. Н.), у северно-великоруссов он известен в Псковской, Новгородской, Вологод. губ. (коллекц. Русского музея), а также в Нижегородской, (сведения С. П. Толстова). В Псковской губ. и Новгородской зипун белый еще можно было связать с белорусскими элементами, так как здесь проходит полоса переходных говоров, но в Вологодской губернии они могли проникнуть в связи с новгородской колонизацией, а в Нижегородской губ. не являются ли они связанными с белыми кафтанами мари. Известен еще зипун белый в Рязанской губ., в Данковском уезде, в с. Воейкове и в примыкающих к нему деревнях. Зипун, в котором ходили в старину на барщину, шился из белого домотканного сукна (см. мою работу „Народный костюм Ряз. губ."), но для Данковского уезда в этой его части указывалась позднейшая колонизация крестьян из Белоруссии помещиками, так что белый зипун мог быть остатком наслоений более нового времени. Таким образом, вопрос о белом зипуне стоит гораздо шире, чем приурочивание его к белоруссам — этнической группе, весьма сложной по своему составу. Интересно было бы поставить границы распространения белого зипуна в связи с породами овец и территорией распространения этих пород, прежде и в настоящее время. В некоторых местах мне говорили—„у нас овцы белые, поэтому и зипуны белые". (Зимницы), а теперь, в связи с модой на черные зипуны, крестьяне продают шерсть от белых овец, а сами покупают черную шерсть. Некоторыми разновидностями описанного коротика являются зипуны д. Алексеевки и Бяково, которые шьются очень длинными, чуть ли не до пят, по рукавам и спереди обшиваются кумачем, сзади у сшива клиньев выкладываются тесьмой с узорами, называемыми „костыли". Такое украшение зипунов мы встречаем в Псковской губ. (см. колл. Ц. М. Н.), кое-где у белоруссов и у поляков. Не является ли оно здесь поздним польско-литовским влиянием. Обычным же украшением коротика является обшивание правой полы и края рукавов кожей (более древнее) и черною покупной материей (более новое) и наличие пуговиц, делаемых из ремешка или деревянной палочки, пришитой поперек; застегиваются пуговицы в кожаные петли (см. колл. Ц. М. Н. № кн. 1309). Близкими по покрою к двухклинному зипуну являются женские шерстяные безрукавки, покрой тот же, шьются лишь несколько короче и без рукавов (см. фотогр.: уборка картофеля в д. Ивашкевич, рис. № 115, 116). Белые шерстяные безрукавки известны по всей территории, где носят белые зипуны, а коричневые особенно распространены в быв. Бояновской волости. В тех местах, где клинастые „коротики" заменились зипунами со сборами, там носятся безрукавки также со сборами из покупной материи, из плиса, или из чертовой кожи. Плисовые безрукавки особенно широко распространены в д. Дешевки. Из черной бумажной материи их можно встретить в Русанове, Никольском, Макарове.

Рис. № 115.

Рис. № 116.

Верхняя одежда прямого покроя встречается в двух видах: тулуп, сшитый из овчин, и свита, сшитая из сукна. Большой воротник, делаемый у этого покроя одежды, называется „шиворотом". В с. Осавик, Снопот, Рогнедино, еще недавно шили старикам белые балахоны такого же покроя, с такими же воротниками из холста, как похоронную одежду. Большой воротник считался необходимым, чтобы закрывать на том свете от сыплющихся на покойника углей.

Верхняя одежда прямого покроя среди южных великоруссов и северных великоруссов является одеждой, надеваемой в дорогу. У белоруссов (Могилевщина, Витебщина) и у украинцев (Харьковщина, Полтавщина) эта одежда являлась зимней выходной одеждой.

Материалом, употребляемым на изученной территории для верхней одежды, являются овчины и домашнее сукно. Овчины обычно отдаются на выделку овчинникам. Сукно же приготовляется дома, на него идет пряжа из овечьей шерсти; лучшим сукном считается то сукно, у которого основа из осенней шерсти, уток—из весенней. Это сукно ткется на четырех подножках. Готовое сукно отдают специалистам валяльщикам на валяние. Последние кладут сукно в корыто „комягу", поливают горячей водой и толкут пестами. Полученное, таким образом, после валяния сукно заказчики моют в реке, сушат, перекатывают из конца в конец, т.-е. сначала закатают одним концом внутрь, потом развернут и закатают другим концом внутрь, отчего сукно становится „ясным".

Верхнюю одежду шьют бродячие портные, которые, начиная с 15 сентября нового стиля, выходят из своих сел и бродят по соседним селам, волостям и уездам. Особенно много бродячих портных выходит из д. Бокеевки и др. деревень по р. Болве и Неруче. Портной берет с собой подводу и лошадь, поселяется в семье того, кого нужно обшить, кормится у него сам, кормит и лошадь. По окончании работы получает хлебом, т.-е. мукой и зерном, нагружает им свою телегу и едет к следующему заказчику; изредка берет и деньгами. Весь заработанный хлеб портной или привозит домой или продает частично на соседних базарах, приобретая для этого необходимые для домашнего хозяйства продукты, мануфактуру и утварь.

ГЛАВА XII.

ИТОГИ ЭЛЕМЕНТОВ КОСТЮМА НА ОБСЛЕДОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ.

Итак, мы рассмотрели отдельные элементы мужского и женского костюма и наметили границы их распространения. Костюм, проживший сложную долгую историю вместе с историей народа, представляет из себя целый ряд наслоений и целый ряд видоизменений, и не только костюм в целом, но даже отдельные его элементы представляют из себя сочетание различных эпох, как, напр., головные уборы. Необходимо было бы датировать во времени эти элементы, и тогда получилась бы поучительная картина культурной жизни народа на изученной территории, а, сравнивая эти исторические слои с другими на других территориях, мы могли бы установить отдельные культурные очаги. Но для этой датировки у нас не достает материала: музейный и письменный материал скуден, сравнительно не всегда точен и не касается многих еще территорий; народности, с которыми приходится сейчас иметь дело, представляют из себя весьма сложные конгломераты, составные элементы которых трудно поддаются различению. Если Д. Н. Анучин, в своей статье „великоруссы" (в Энциклопедическом словаре Брокгауз и Ефрон) указывал на отсутствие одного великорусского этнологического типа, находившееся в зависимости от различия славянских племен, вошедших в состав русских, от воздействия быта соседних народов, от культурных влияний, шедших в связи с торговыми отношениями, и от исторических условий, то не менее сложны по своему составу белоруссы и украинцы, игравшие ту или другую роль в истории изученной мною территории. Поэтому, сравнивая отдельные элементы, правильнее было бы говорить об отдельных группах белоруссов, украинцев и великоруссов, чем о народности в целом. Но пока у нас сравнительного материала недостаточно, чтобы расчленить эти народности на отдельные группы. Второе затруднение при расчленении территории на отдельные слои по этническим элементам, заключается в том, что не всегда возможно говорить, по отсутствию того или другого элемента на данной территории, об отсутствии его вообще в данной группе. Этнические факты живут своей своеобразною жизнью, и законы их исчезновения и бытования еще трудно поддаются учету. Некоторые архаизмы живут долгою жизнью, другие же скоро нивеллируются и исчезают. Можно ли сказать, что архаизмы, связанные с техникой и приемами обработки, оказываются удивительно живучими, сравнительно с вещами, привозимыми в готовом виде из-вне (последние быстро прививаются и быстро исчезают), а также, что элементы быта, связанные с культом, устойчивее хранят в себе глубокую старину. Ответить на это утвердительно едва ли возможно, так как

и технические архаизмы и культовые часто утериваются, по неизвестным для нас причинам, и перед нами часто проходят совершенно необ'яснимые явления: в одном из двух одинаковых по элементам культуры сел один архаизм исчез, в другом же еще живет. Все же архаизмы здесь очень важны, и для нашей русской этнографии еще благодатным условием является то, что сдвиг в сторону городской культуры, начавшийся более резко после освобождения крестьян, не успел замести все следы и черты старого быта, а также и то, что принцип „самоделок", т.-е. приговление предмета из собственного материала, собственными средствами и своим умением, вследствие маломощности нашей деревни, играет еще большую роль в быту крестьян. Разделение между городом и деревней, которое особенно резко пошло с начала XVIII в., замкнуло деревню надолго от культурных влияний, и она жила со своими чертами быта, впитавшими старые до-петровские традиции. Учитывая отдельные архаизмы, их исчезновение, часто под влиянием случайных причин, внешних давлений, как, напр., запрещение носить кички помещиками и священниками, введение сарафанов, мы должны знать настоящую цену относительно распространенности или нераспространенности явлений. Часто, говоря об отдельных элементах, приходится судить не по массовому его распространению, а по уникальным образцам, и очень часто на фоне общего быта эти уники будут для нас более существенными, чем нивеллированные черты быта, особенно если они связаны с перенесением в деревню городской культуры последнего времени. Это исчезновение отдельных черт затрудняет разграничение на этнические районы и их картографирование. Таким образом, мы видим, что, по целому ряду причин, трудно и сложно расчленение элементов быта по отдельным культурным пластам. Однако, кое-что уже можно сделать, можно наметить некоторые предположения относительно этнического облика изученной территории. Для этого пригоден также собранный мною и описанный здесь материал.

Обратимся к рассмотренным нами отдельным элементам костюма. Их можно разделить на ряд групп, приурочив их к современным этническим группировкам.

Первой группой, и наиболее многочисленной по количеству элементов, будет группа костюма с чертами, общими для всех южновеликоруссов. Сюда войдет рубаха с косыми поликами, понева из трех полотнищ на „гашнике", туникообразный передник „запан", рогатый головной убор, рогатость которого выражена в стеганной из холста кичке, с бисерным позатыльником, бисерные шейные украшения, пушки для ушей, мужские пояса с бисерными привесками, рубаха-косоворотка (последняя связана не только с южно-великоруссами, но и с северно-великоруссами), вышивание шелком, закладная техника тканья. Аналогию всем этим элементам костюма приходится искать не на западе, а среди финнов и тюрков Поволожья, среди Пензенской и Саратовской Мещеры. Это все—элементы, которые связаны с культурными группами, вошедшими в состав южновеликоруссов, и теми культурными течениями, под влиянием которых сложилось этническое целое, известное в настоящее время под именем южно-великоруссов. Эти элементы придают, безусловно, южно-великорусский облик населению изученной территории. Исходя из этих доминирующих черт, всю изученную территорию можно разделить на два больших района: 1-й—Трубчевский район по правому берегу Десны от с. Уты и кончая Сагутьевым на границе

с Черниговщиной, за которой большинство указанных черт отсутствует, и 2-й район—остальная территория, заключающая в себе все означенные черты, при чем западными границами их распространения будут: верховья р. Угры, р. Присмара, д. Дубровка, д. Грабовка и Жирятинская волость. Таким образом, элементы южновеликорусского костюма заходят несколько западнее Десны; поэтому, если ставить вопрос, исходя из этих черт костюма, где граница между южно-великоруссами и белоруссами, и является ли этой границей р. Болва или Десна, то приходится согласиться с мнениями тех, кто отодвигает эту границу к Десне; особенно хорошо совпадает эта граница с западной границей переходных говоров южновеликорусских и белорусских, проведенных на карте в книге Д. К. Зеленина „Ostslawische Volkskunde".

Во 2-ую группу элементов костюма выделяется ряд черт, общих с современными белоруссами—это будут сарафаны с лифом, белые зипуны, белые валенки—шапки, лубеные девичьи головные уборы, лубки и сетки женских головных уборов. Эти белорусские элементы могут быть разделены на две подгруппы: элементы костюма свойственные белоруссам после того, как они сложились в этническую группу белоруссов, и элементы, свойственные отдельным не исключительно белорусским слоям, но вошедшим в состав белоруссов. К 1-й группе относятся сарафаны с лифом, ко 2-й—все остальные черты, так как они входят в целый ряд народностей, помимо белоруссов, и являются очень древними. Сарафаны с лифом заходят в очень незначительном количестве и весьма нерешительно; датируются чуть ли не самым последним временем, охватывают самые западные границы нашей территории—бывшую Мокровскую волость, верховья Десны и Угры, Рославльский у., Смоленской губ., этим самым выделяя из нашего большого района—подрайон. Что же касается остальных черт, общих с белоруссами, то по ним можно говорить об отдельных культурных группах, вошедших в состав украинцев, белоруссов и южно-великоруссов. Эти черты будут связаны с районами так называемого Полесья. Во время моего исследования удалось установить некоторые оттенки в терминах — „полех" и Полесье. Эти термины в устах местного населения имеют двоякое назначение. С одной стороны, приходилось слышать такие ответы на вопросы: „Где живут полехи и где расположено Полесье— „полехи там, где лес"—мнение жителей д. Добрица, с. Макарово, с. Березово). Но такие ответы получались лишь там, где о Полесье имели лишь маленькое представление. В других местах Полесье точно фиксировали, как определенную территорию, которую, если даже и лес вырубят, все равно будут выделять в особую группу. Это разграничение особенно ясно проводилось по отношению к р. Витебете. Жители с. Хоссы и Клюксы всех обывателей по правому берегу реки Витебети, хотя там и есть леса, не называли полехами, а называли полехами лишь жителей по левому берегу этой реки, считая его восточной границей Полесья; первым полесским селом называли д. Дретово. Далее вели северную границу Полесья к с. Думиничи, к р. Неручи, к верховьям р. Болвы. Западная граница Полесья не доходила до Десны. Жители Ельнинского и Рославльского уездов, Смоленской губ., себя „полехами" не считают, а зовут этим именем жителей по р. Ветьме, выделяя ряд сел левого берега Десны, как на полесские; по правому берегу Десны полехами назывались жители сел вокруг дер. Салыни и д. Грабовки. Из южных границ Полесья указывалось на р. Ревну и на деревни,

связанные с с. Ружным, а также села, об'единяемые в один район с с. Глинным (см. ниже); села же вокруг Алексеевки и вокруг Бяково в Полесье не включалось. При опросе населения о полехах выяснилось, что не все села, входящие в очерченный район, могли быть полесскими. Так, в районе Плахина „полехами" не назывались жители старообрядческих сел; то же в районе Фоминичи „полехами" отказывались называть изредка и села помещичьи, жители которых являлись позднейшими колонизаторами края. Получалось впечатление, что „полехи"—старое население края. Название „полех" безусловно связывалось с селами,во 1-х, от д. Дретово по р. Витебете к Плахину, к району вокруг Кцынь, Берестни и, особенно, к бывшей Бояновской волости, во 2-х, полесским является район бывшей Бутчинской волости и, в 3-их—район вокруг с. Ружного. Все эти села обладают вышеуказанными чертами, общими с современными белоруссами. Другие же села, входящие в состав очерченной выше территории, не всегда назывались „полесскими"; так, заводские села по р. Болве, выделялись из них, как разбавленные пришельцами из других мест. Поэтому можно предположить по отношению к „полехам", что это была группа населения, часть которой, будучи покрыта великорусскими наслоениями, образовала группу наших полехов, другая же ее часть вошла в состав современных белоруссов. Что же касается отдельных районов в этом Полесье, то очерченные три группы полехов отличаются друг от друга рядом элементов костюма, напр.: а) лаптями—группа полех по Витебети „рачков" не знают, б) головными уборами: в Ружновской группе—полотенцевые головные уборы; в Мокровском районе, Грабовском и Глинновском районах — котелкообразные головные уборы с сеткой и без нее и др.

В 3-ю группу элементов костюма выделяются элементы, общие с литовцами—лапти „рачки" и шерстяные оборы. Эти элементы известны по всему нашему Полесью, кроме района р. Витебети и верховья р. Жиздры. Говорят ли эти элементы обуви об остатках древних литовских племен, вошедших в состав „полехов" или здесь сохранилась архаическая черта в культуре восточных славян, общая с балтийской группой—сейчас сказать трудно.

В 4-ю группу выделяются элементы костюма, общие с средневеликорусскими и, отчасти, с северно-великорусскими группами. Это будут косоклинные сарафаны, которые для Калужского, Козельского и Лихвинского уездов имеют весьма серьезное значение: с одной стороны, они, как будто, являются вторичным слоем на поневу, с другой же стороны, не исключают возможности в этом районе группы населения, которой давно известен сарафан, так как в этих районах распространение сарафана идет параллельно с распространением черт средне-великорусского типа жилища на общем фоне южно-великорусского жилища.

В 5-ю группу элементов костюма выделяется ряд черт, общих с современными украинцами—понева „колышка" и рубаха с прямым поликом, пришитым по основе, с рукавом из цельного полотнища. Эти элементы об'единяют целый район вокруг г. Трубчевска; этот район, как район, близко примыкающий к р. Нерусе, возможно, был колонизован так называемыми „Северянами", или, возможно, находился под общими культурными влияниями, под которыми жили обыватели р. Десны и р. Сейма, сейчас называемые „Северой".

В 6-ю группу выделяются элементы костюма, свойственные не только восточным славянам, но и южным, и западным славянам, это—головное полотенце, носимое без твердой кички, обычай обертывания ноги, не обутой в лапти, онучами, ременные оборы, клинастые зипуны.

Итак, на основании этих черт, наш район южно-великорусского облика может быть разделен на следующие подрайоны: *1-й подрайон*—Калужский, Козельский и Лихвинский уезды, где южно-великорусские черты перемешаны со средне-великорусскими чертами; *2-й подрайон*—Полесье, разделяемое на три группы южно-великорусского типа, с подслоем, близким к группам, образовавшим современных белоруссов, и с литовским слоем; *3-й подрайон*—западная часть изученной территории, которая, кроме черт, указанных для группы 2-й, обладает чертами позднейших белорусских наслоений.

Намеченные районы дают лишь общие штрихи для характеристики изученной территории, которая может быть разделена на целый ряд подрайонов; но так как мною не все до одного села изучались, то такое деление на мелкие районы я не считаю возможным дать сейчас. Однако, чувствуется потребность в более детальном делении, и само население дает свое бытовое районирование, хотя оно и не имеет научных оснований.

Все, работающие по собиранию этнографического материала, знают, какое впечатление разнообразия и пестроты производит наша великорусская деревня. Трудно встретить десяток деревень, которые бы произвели одинаковое впечатление. Две рядом расположенные деревни, даже при наличии общих элементов, часто будут казаться различными. Само местное население замечает эту разницу и отмечает ее теми названиями, которые дает оно различным группам сел; одни из этих названий относятся к числу тех метких прозвищ, которыми русский человек любит наделять своих соседей, и которые так прививаются, что, несмотря на то, что теряется нить, откуда они пошли—названия все же остаются жизненными. К таким названиям может быть отнесено название „Гамаюнщина".

Другая группа районов и названий, выделяемых самим населением, будет определяться географическими признаками, напр. название „Полехи".

Третья группа названий будет даваться по именам помещиков, по общности барщины („у нас была общая барщина"—выражается местное население). Это будут—Щепелевщина, Брюсовщина, Коншинщина и т. д.

Четвертая группа названий выделяется по приходам: „Один приход и один костюм", часто говорит местное население.

Жизнь под властью общего помещика, об'единенная в одном приходе в течение десятков и сотен лет, смешивала отдельные группы населения, вырабатывала общие черты и заставляет выделять их в настоящее время, как одно целое.

Разделение на районы и костюмы так, как это делит местное население, конечно, как уже сказано, не может иметь научного значения; часто чисто случайные признаки заставляют их выделять одно село от группы других. Однако, перечень сел, относящихся к определенным народно-бытовым группам, и научное описание в них характерных элементов костюма, могут иметь для нас некоторое значение: эти указания самого населения настолько ценны сами по себе, что я считаю полезным дать описание этих народно-бытовых районов, что и делаю ниже, при чем следует отметить, что в каждом из описываемых районов мною детально были изучены две-три деревни, на которые я и делала ссылки в своем основном обзоре материала. Одновременно с этим я даю перечень элементов костюма, бытовавших и бытующих теперь в каждом из этих районов.

ГЛАВА XIII.

РАЙОНЫ КОСТЮМА НА ОБСЛЕДОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ, УСТАНАВЛИВАЕМЫЕ САМИМ НАСЕЛЕНИЕМ.

1-й район: *территория.* „Гамаюнщина".

Гамаюнщина—название, данное ряду сел жителями соседних сел. Сами жители Гамаюнщины этого названия не любят и несколько его стесняются, следовательно, это название для них не местное они часто говорят: „какие мы гамаюны, это нас соседи так зовут".

Гамаюнщина в настоящее время об'единяет собой 17 сел и деревень: Ромоданово, Квань, Воровая, Верховая, Покров, Пучково,

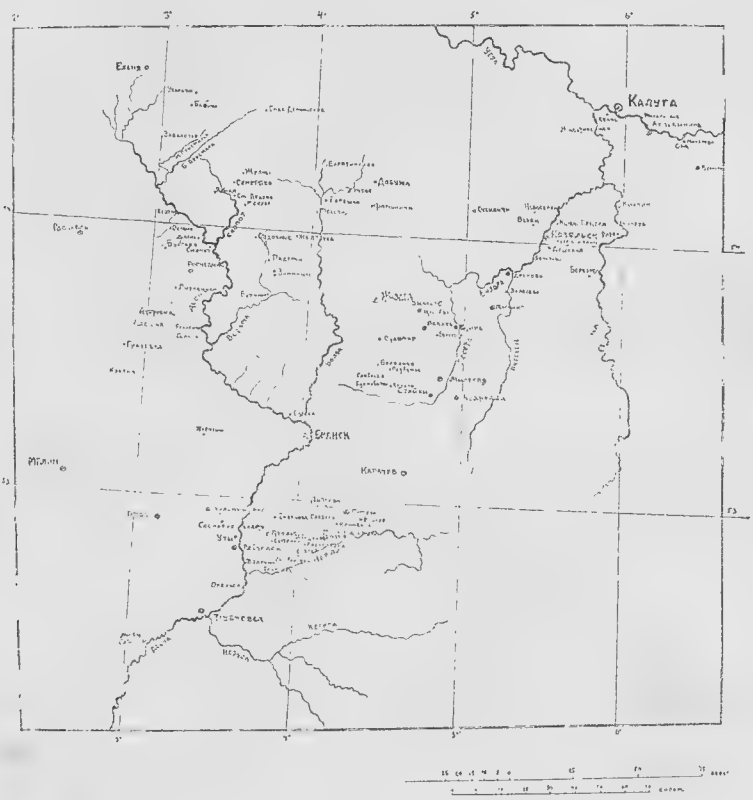

Рис. № 117.

Чижевка, Шопино, Секитово, Рождествино, Грачи, Вырка Верхняя, Вырка Нижняя, Еловка, Животинкина, Колюпаново, Горенск. Все села расположены около г. Калуги, на правом берегу р. Оки к югу от города.

За последние 200 лет этот район жил одними историческими судьбами, переходя от одного помещика к другим (Гамаюнщина в 17-м веке владение князей Ромодановских). „Вотчина“ сохраняет свой прежний состав, не дробясь и оставаясь все время одной „державой“, так говорили мне старики.

Характеристика костюма. Наиболее старые типы костюма сохранились мало, но костюм женский еще сохранил черты народного костюма и не перешел целиком к современному городскому костюму.

Женский костюм этого района можно разделить на 3 слоя: 1-й— понева с прошвой, передник типа запана, лопатообразная кичка с полотенцем, лапти московского типа; 2-й слой—слой косоклинного сарафана, рубаха с прямыми поликами, косоклинный сарафан южновеликорусского типа; 3-й слой—шубка—прямой сарафан с лямками, чехры, повойник. Мужская одежда: белый колпак.

2-й район. *Территория:* с. Никольское, д. Мужач (колония Никольского), деревни Сумки, Троица, Пушкино, Будаково, Митинское, Ахлебинино, Косаково, Козлы, Егорье, Крутицы, Тихино, Ильинское, Морхань.

Характеристика костюма. Рубаха с прямыми поликами и без поликов. Понева с прошвой и без прошвы. Лопатообразные кички, (были еще недавно, теперь исчезли); лапти московского типа, сарафаны из прямых полотнищ.

Старинный костюм плохо сохранился, старухи еще ходят в поневах, средний возраст в сарафанах, молодежь в ситцевых юбках и кофтах.

3-й район. *Территория:* Район вокруг с. Макарова (Лихвин. у.) д.д. Шилники, Гусева, Курово, с. Ильино, с. Никольское. с. Грязново.

Характеристика костюма. Костюм плохо сохранился, ходят в ситцевых юбках и кофтах. По воспоминаниям старух и по вещам, хранящимся в сундуках, выясняются черты более старого костюма. В старину именно здесь носили рубахи женские с прямыми поликами, выкроенными вместе с рукавом, поневы с прошвой, занавеску с грудинкой; лапти московского типа наголенки; онучи белые льняные и шерстяные. Коты—род туфель с бантами. Сарафаны клинастые с рукавами; сарафаны из прямых полотнищ; нагрудники с клиньями по бокам.

Девичий головной убор состоял из повойника с селезневыми кудрями, шелкового платка, сложенного жгутом, и ленты, сшитой с трубочками.

Бабий головной убор состоял из лопатообразной кички, бисерного позатыльника, налатника с пучками шленки, селезневых кудрей, сороки, полотенца. Корсетки со сборами.

Носились мужские рубахи косоворотки с затканками на рукавах и по подолу. Было распространено ношение мужчинами ножа на поясе. Шубы и зипуны носили клинастые, теперь со сборами.

4-й район. *Территория*: с. Русаново. Район называется „Засыпщина“, к нему принадлежат села: Русаново, Богданово, Моргуново, Ханино, Левохино, Беляево, Исаково, Колонтаево,—владения Засыпкиных. До Засыпкина принадлежали с 1756 года заводчику Демидову. (до Демидова Русаново принадлежало гр. Головкину и его дочери Репниной), владения которых доходили до р. Дубны, Тульской губ. Из с. Левохино привезены Демидовым крестьяне Тульской губ. из с. Лагуджа, а в с. Русаново много привезено из с. Горачева Тульской же губернии.

Характеристика костюма. Рубаха старинная с косым поликом, понева с прошвой, кичка, черные полушерстянные онучи, лапти

московского типа, нагрудники шерстяные с клинами, сарафан из прямых полотнищ. Старинный костюм сохранился мало.

5-й район. *Территория*: с. Березово, Бутырки, Вырск, Ермаково, Скрылево, Альферово, Завалихино, Овсяниково, Страхотиновка, Ивановка.

Характеристика костюма. Рубаха с прямыми поликами и с рукавом, вырезанным вместе с поликом, поневы разнополки и с прошвой (исчезли), старинный головной убор „вывод"—рогатообразная кичка, „махренка" (исчезает), повойники. Сарафан из прямых полотнищ. Наголенки носят. Большинство или в сарафанах, или в юбках из ситца.

6-й район. *Территория*: д. Дешевки, с. Березичи, с Клюксы.

Характеристика костюма. Рубаха с прямыми поликами и без поликов. Понева разнополка, запан, котелкообразные головные уборы (исчезли), бисерные украшения, пушки, лапти московского типа, наголенки, сарафан из прямых полотнищ, „шубки" плисовые, безрукавки со сборами позади, повойник с венком из цветов.

7-й район. *Территория*: Булатово.

Характеристика костюма. Рубаха с прямым поликом, поневы разнополки (исчезли), сарафан из прямых полотнищ, запан, хвартук. Девичий головной убор с бисерными налобниками и венками из цветов. Наголенки, лапти московского типа.

8-й район. *Территория*: с. Волосово-Дудино, Белый камень, Мушканы, Крычина, Колосова, Радиха, Тростянка, Перестряж, Отвершек, Слободка, Бродок, Белый Верх, Дудино.

Характеристика костюма. Рубахи с прямыми поликами (старинные с косыми), понева-разнополка, запан, бисерные украшения, пушки (исчезли), лопатообразная кичка, лапти московского типа с ременными оборами (у пастухов).

9-й район. *Территория*: (Полехи)—с. Кцынь, Мойлово с. Берестня, Сусей, Брусна, Хотьково, Хомище, Катановичи, Ловать, Высокое, Щигры, Меховая, Зикеево.

Характеристика костюма. Рубаха с прямыми поликами, понева разнополка, запан, бисерные украшения, в старину лопатообразные кички, теперь повойники, наголенки, шерстяные оборы, красные и черные, лапти московского типа, сапоги у женщин, белые зипуны и белые колпаки („шлыки").

10-й район. *Территория*: бывшая Бояновская волость—крестьяне бывшего Свенского монастыря (Полехи).—с. Бояновичи, с. Подбужье, с. Пеневичи, д. Слобода, д. Нехочи, д. Елдахово, переименованная после наследника Алексея—в Алексеевку, с. Хвастовичи. Существует предание, что жители Подбужья пришли из под Буга. Бояновичи получили свое название от разбойника Бояна. Елдахово—от слова Поделдытник, т.-е. побуждающий к ссорам. Нехочи от слова не хотеть, так как они не хотели принимать участие в ссорах. Пеневичи от слова пенять, пеняли на соседей, заводили вечные раздоры. Слобода от слова свобода, никого не хотели признавать. Хвастовичи—хвалились своим богатством.

Характеристика костюма. Общие черты костюма—рубаха с косыми поликами, поневы-разнополки, бисерные украшения, пушки, наголенки, черные шерстяные оборы и ременные, лапти московского типа, мужские рубахи косоворотки с перетыками, пояса с бисером, и сумочки „калиты", белые клинастые зипуны, шапки-валенки.

Кроме этого, в каждой деревне своеобразные головные уборы; в Бояновичах, Нехочах, Слободе и Елдахове старинный головной

убор с рогатой кичкой, современной копытообразной. В Подбужье пережили обе эти стадии и заменили их повойником. В Пеневичах своеобразные рогатые кички с лопатообразной сорокой, заменившейся повойниками с прутом; кроме этого, в Пеневичах сохранились шушманы, а в Слободе нагрудники.

11-й район. *Территория:* с. Новое, д. д. Бортнятино, Труфаново, Асмолово, Голосиловка, Егорово,—группа помещичьих крестьян, об'единенных одним приходом.

Характеристика костюма. Рубахи с косыми поликами и прямыми, понева—разнополка, запан с рукавами и без рукавов, касталаны, бисерные украшения, пушки, лопатообразные кички (исчезли), оборы, черные, дерганные; полушерстяные, лапти московского типа, наголенки, сарафан из прямых полотнищ, белые колпаки.

12-й район. *Территория*: Щепелевщина--барщина помещика Щепелева. Сюда входят деревни: Бокеевка, Буда, с. Бережки, д. Прудки, с. Анисово, городище „Ракитная". Обыватели этих сел славятся в округе, как песенники.

Характеристика костюма. Сейчас еще носят старинный костюм. Рубахи с косыми поликами, понева-разнополка, касталаны, лопатообразные кички (исчезли), бисерные накосники и другие украшения, нагольники, черные оборы, дерганые и тканые, лапти писанные щечками, занавески с рукавами и без рукавов, наголенки, были ременные оборы, были белые зипуны; колпаки-валенки, мужские рубахи-косоворотки, сумочки—„калиты" на поясе, прямые сарафаны.

13-й район. *Территория*: бывшая Бутчинская волость б. владение Свенского монастыря. (Полехи), с. Бутчино, д. Гуличи, д. Зимницы, д. Верхние Падерки, д. Ивашкевичи. Обыватели всех этих деревень называются „Полехами".

Характеристика костюма. Костюм сохранился хорошо. Начинает только изчезать. Рубаха с косыми поликами, понева-разнополка, запан, бисерные украшения, пушки, рогатые кички, дерганные оборы, черные и красные шерстяные у женщин, и ременные—у мужчин, лапти „рачки" и московского типа. Наголенки, мужские рубахи-косоворотки, мужские пояса с бисерными украшениями, белые зипуны, белые колпаки, белые шерстяные безрукавки.

14-й район. *Территории*: д. Судовище, Ветьмица, д. Хатонища, д. Красники, д. Нижние Падерки, д. Ямное.

Характеристика костюма. Костюм разделяется на исчезнувший и носимый сейчас.

Исчезнувший—рубахи с косыми поликами, поневы-разнополки, запаны, лапти „рачки", черные оборы, белые колпаки, белые зипуны, головные уборы—котелки с сеткой.

Носимые теперь: рубахи с прямыми поликами, сарафан с лифом, повойник, наголенки.

15-й район. *Территория*: с. Осавик, д. Чернея, с. Федоровское, д. Милейкино, д. Пахиничи, д. Слобода, д. Бухолова, д. Овечкина, д. Рожня, д. Барановка, д. Осиновка, д. Косоворовка, Новая Деревня, д. Ларица, д. Терехова, д. Алексеевка, д. Пештовка, д. Благовещенская, с. Снопоть, д. Литовня.

Характеристика костюма. Старый костюм значительно изчез, возможно его установить по рассказам старух и по остаткам его в сундуках. Рубаха с косыми поликами и прямыми поликами, понева-разнополка, называемая „подгузка", запан, женский убор „привеска" с лапотообразной кичкой, пушки в ушах, бисерные украшения, лапти московского типа, сарафан с лифом, нагольники,

девичий головной убор „золотнуха“, верхняя мужская и женская одежда „насов“ с двумя клиньями.

16-й район. *Территория*: (Полехи), д. Салынь, д. Берестоκ, д. Голубея, д. Вязовская, д. Девочки, д. Соболева, а также с. Раковичи, д. Загорье, слобода Земницкая, д. Казановка.

Характеристика костюма. Костюм сохранился весьма недурно. Рубахи с косыми и прямыми поликами, с расшивкой на подоле, поневы-разнополки, запаны, головной убор называли в старину „головное“ с рогатообразной, а теперь с лопатообразной кичкой, лапти „рачки“ и лапти московского типа, оборы красные и черные, тканые и дерганные, нагольники с лыковыми онучами, бисерные украшения, мужская рубаха-косоворотка с перетыками, мужские пояса с бисером (помнят мужские ременные оборы), белые шапки—валенки, белые клинастые зипуны, белые клинастые безрукавки, девичий головной убор-венок, белые холщевые армяки.

17-й район. *Территория*: д. Грабовка, (Полехи), крестьянское население (мещане, носят юбки) д. Заустье, д. Бордянка, с. Жабово, д. Прилепы, д. Студенец, д. Шушерка, д. Сосновка, д. Колышкино, д. Трехбратская, д. Федоровка, д. Сергиевская, д. Тросна, д. Герасимова, д. Поляковка, д. Алешинка, д. Берлевец, д. Красинская, д. Сметковщина, д. Взденежье.

Характеристика костюма. Старинный костюм значительно исчез—носят ситцевые юбки и кофты. Из старинных частей костюма удалось установить: рубаха с прямыми поликами и с косыми, поневы-разнополки, запаны, женский головной убор „обуза“ с повойником сеткой, черные оборы, тканые на дощечках, мужские рубахи косоворотки с перетыками, белые колпаки валенки, лапти московского типа.

18-й район. *Территория*: д. Сосновое Болото, Уручье, Милечь, д. Рясная, д. Колодная, д. Павловка.

Характеристика костюма. Костюм сохранился очень плохо. Ситцевые юбки и кофты. Рубахи с косыми поликами, лет 35 тому назад была понева-разнополка, были рогатые кички с бисерными позатыльниками, лапти „рачки“—„щербаки“ и московского типа, запан, нагрудник, „саян“, оборы, черные шерстяные дерганные на пальцах, головной убор „чепец“, девичий головной убор, сложенный платок, повязываемый по лбу, мужские рубахи-косоворотки, с вышитыми косяками на груди, с перетыками на подоле и на рукавах, мужские пояса с бисером, белые клинастые зипуны, белые колпаки и кожанные мешочки „саке“ на поясе.

19-й район. *Территория:* Брюсовщина. Крестьяне бывш. помещика Брюсова со времени Петра I-то (сведения получены от А. М. Романова, который получил сведения из архива местного помещика Бодинского). В состав его поместья входили д.д. Алешинка, Алексеевка, Серкина, Липки. Деревня Алексеевка получила свое название от крестьянина Алексея, который жил одним двором и сидел на одном тягле. При Петре I-м жители Алексеевки попали под власть помещика. В 1724 году все 4 деревни переходят во власть помещика Безобразова, в 1750 году от Безобразова к Бодиско и т. д. Таким образом, все 4 села живут общею жизнью, будучи об'единенными под властью одного помещика.

Характеристика костюма. Женский костюм сохранился у старух и у баб среднего возраста. Рубахи с косыми и прямыми поликами, поневы-разнополки, запаны, девичьи головные уборы „тканки“, головные уборы замужних женщин—рогатообразные кички, бисер-

ные украшения, коричневые зипуны с 4-мя клинами, шапки-валенки, лапти-„рачки“ московского типа, мужские рубахи-косоворотки, были белые зипуны.

20-й район. *Территория:* Бяково, Соколово, Клинское, Святое, Колпачовка, Новый Свет, Каминка, Селищи, Муравьянка, Николаевка.

Характеристика костюма. Рубаха с прямым поликом, поневаразнополка, запан, бисерные укращения, пушки, лапти московского типа, черные оборы-тканые, мужские пояса с бисером, белые колпаки, длинные коричневые зипуны, у женщин „с костылями“ назади, т.-е. выложенные шнуром.

21-й район. *Территория:* Ружное, Пластовое, Бутры, Лбы, Чичиково, Синезерки, Рябчичи, Гремячее, Прилепы (Полехи).

Характеристика костюма. Рубаха с косыми и прямыми поликами, понева-разнополка, бисерные украшения, („головное“ и „увязка“), лапти „рачки“ и московского типа, белые колпаки.

22-й район. *Территория:* (Крестьяне Апраксинские). Село Глинное, с. Вздружное, д. Салтановка, д. Зеленухово, с. Пролысово, Сытенки (Полехи).

Характеристика костюма. Женские рубахи с прямыми поликами и с отложным воротником, котелкообразные кички, кокошник, чепец, понева-разнополка, лапти-„рачки“ и московского типа, белые зипуны, колпаки-валенки, сарафан из прямых полотниц, мужские рубахи в роли нагрудников, пушки (исчезли).

23-й район. *Территория:* Трубчевский („Задесенье“). Село Уты, д. Якобское, с. Рябчевск, д. Манцурово, д. Прутки, с. Меркулово—Уты, д. Лбы, д. Саврасова, д. Здесловка, с. Плюсково, с. Юрово, д. Липовка, д. Ивановка, д. Голубча, д. Ивановское, с. Любожичи, с. Фомчино, д. Верхние-Новоселки, с. Орельск, с. Глинево, д. Нижние-Новоселки д. Кветунь, д. Вдолье, д. Селец, д. Колодезь, с. Филипповичи, д. Темная, д. Макорзня, (один приход). Крестьяне бывш. Удельного Ведомства. В некоторых селах между ними есть однодворцы (с. Орельск; см. Церковные исповедные записи, где однодворцы выделены как самостоятельная группа, но они так смешались с местным населением, что ничем от него не отличаются).

Характеристика костюма. Старый костюм совсем не сохранился кроме головного убора, но удалось установить по остаткам в сундуках и по воспоминаниям старух. Рубахи староукраинского типа, поневы-колышки, запан, нагрудник—„саян“, головной убор „позявкин“, черные шерстянные тканые оборы, лапти—„рачки“, лапти московского типа, занавески с грудинкой, наголенки, мужские рубахи с косыми воротами и перетыками, с вышитыми косяками на груди, бывали ременные оборы, белые валенки, сарафан с лифом (лет 10 тому назад появились), были зипуны белые, полосатые домотканные юбки.

Москва 24 мая 1927 г.

СПИСОК РИСУНКОВ.

№ 1. Покрой женской рубахи. С. Никольское.
№ 2. Женская рубаха (спереди). С. Бояновичи. Коллекции Музея Ц.П.О. № 811.
№ 2а. Та же рубаха—сзади.
№ 3. Покрой полика к рис. № 2.
№ 4. Женская рубаха спереди, и рядом внизу—расположение кумача по подолу сзади. Д. Литовники. Коллекции Ц.М.Н. № 1334.
№ 5. Покрой женской рубахи. Д. Алексеевка. Колл. Ц. Муз. Нар. № 632.
№ 6. Женская рубаха (спереди). Колл. Муз. Ц.П.О. №539.
№ 6а. Та же рубаха сзади.
№ 7. Схема кройки рукава и полика „замком“ в дер. Замошье. Сычевского уезда.
№ 8. „Манишка“. Д. Новоселки. Чертеж Муз. Ц.П.О.
№ 9. Схема выкраивания разрезных рукавов. Бояновичи.
№ 10. Узор „крюки“ к рубахе на рис. №5.
№ 11. Узор „косяки“ к той же рубахе.
№ 12. Узор „круги“, набранный на ткацком станке д. Щербаки, Смоленской губ. Колл. Ц.М.Н. № 374.
№ 13. Мялка. Новое Село, Масальск. у.
№ 14. Пряслица к веретену. Зимницы. Колл. Муз. Ц.П.О. № 681.
№ 15. Схема снования по стене. Журавки.
№ 16. Основа, снятая с колышков.
№ 17. Схема изготовления „нита“—1-я стадия.
№ 18. Тоже, стадия 2-я. Чертеж Муз. Ц.П.О.
№ 19. Челнок для тканья дерюг. Никольское.
№ 19а. Старинный тип челнока для тканья холста.
№ 20. Понева. Бояновичи. Колл. Муз. Ц.П.О. № 816.
№ 21. Схема тканья пояса на нить. Русаново.
№ 22. Узор „глазики“ на пояске. Русаново. Колл. Муз. Ц.П.О.
№ 23. Узор „пальцы“ на пояске. Красный Клин. Колл. Муз. Ц.П.О. № 521.
№ 24. Узор „гребеночка“ на пояске поневы. Васильевское. Колл. Муз. Ц.П.О. № 523.
№ 25. Узор. „клинушки“ на пояске поневы. Березичи. Колл. Муз. Ц.П.О. № 520.
№ 26. Узор „косяки“ на пояске поневы. Нижние Прыски. Колл. Муз. Ц.П.О. № 517.
№ 27. Узор „рожки“. Колл. Муз. Ц. П. О.
№ 28. Елизавета Синякова, 63 лет, в поневе. Осавик.
№ 29. Дерганье тесьмы, пояса, обор на пальцах. Фролово.
№ 30. Тканье пояса на дощечках. Бояновичи.
№ 31. Способ складывания поневы при ношении „подтыкамши“. Дешёвки. Колл. Муз. Ц.П.О. № 519.
№ 32. Понева с одним непришитым полотнищем и со вставкой (старинная), лицевая сторона, из д. Дешевки. Колл. Муз Ц.П О. № 522.
№ 32а. Та же понева с изнанки.
№ 33. Дарья Шмарцова, 50 лет, в поневе „колышки“, с правого бока. Рябчевск. Колл. Муз. Ц.М.Н.
№ 34. Она же, с левого бока.
№ 35. Покрой косоклинного сарафана. Животинкино. Чертеж Муз. Ц.П.О.
№ 36. Анастасия Журавлева, 62 лет. в косоклинном сарафане. Животинкино.

№ 37. Девушки Мария Гусева 20 лет и Дарья Назарова 20 лет в сарафане—„шубке". Животинкино. Фотогр. Муз. Ц.П.О.

№ 38. Покрой сарафана с лифом. Семерево. Чертеж. Муз. Ц.П.О.

№ 39. Покрой шушпана. Слобода. Колл. Муз. Ц.П.О. №

№ 40. Покрой касталана. Бокеевка. Колл. Муз. Ц.П.О. № 548.

№ 41. Покрой нагрудника в пять полотнищ. Бокеевка. Колл. Ц.М.Н.

№ 42. Схема изготовления „бахмары" для касталана. Бокеевка. Колл. Муз. Ц П.О.

№ 43. Крестьянки Зорюковы, одна замужняя в поневе, другая девушка без поневы, обе в касталанах. Бокеевка. Фот. Муз. Ц.П.О.

№ 44а. Схема кройки полотнищ нагрудника „по топорному". Березово. Муз. Ц.П.О.

№ 44б. Тот же нагрудник, называемый „сарахван", спереди.

№ 44в. Тот же нагрудник, сзади.

№ 45а. Покрой нагрудника—чупруна, спереди. Русанова. Муз. Ц.П.О. № 523.

№ 45б. Тот же чупрун, сзади.

№ 46. Покрой передника „шушмана". Пеневичи. Колл. Муз. Ц.П.О. № 814.

№ 47. Покрой „запана" сзади (налево) и спереди (направо). Бояновичи. Колл. Муз. Ц.П.О.

№ 48. Покрой „запана" с рукавами. Колл. Муз. Ц.П.О.

№ 49. Наталия Архипкина, 28 лет, в запане с рукавами. Бонятино. Фот. Муз. Ц.П.О.

№ 50. Крестьянки Зорюковы в запане без рукавов (левая) и с рукавами (правая), спереди. Бокеевка. Муз. Ц.П.О.

№ 51. Они же, сзади.

№ 52. Узор „круги", сделанный по технике вырезами, на занавеске. Дешевки, Колл. Муз. Ц П.О.

№ 53[1,2,3]. Узоры „рогульки", „бабочки" и „круги о четырех пальцах", сделанные по технике вырезами, на занавеске. Русаново. Колл. Муз. Ц.П.О.

№ 54. „Косник" (нанка). Бояновичи. Колл. Муз. Ц.П.О., № 505.

№ 55. Узор „крючки", закладной техники, для головного полотенца. Алексеевка. Колл. Ц.М.Н.

№ 56. „Налóбень"—девичий головной убор. Пеневичи. Колл. Муз. Ц.П.О. № 792.

№ 57. „Венок"—девичий головной убор. Рековичи. Колл. Ц.М.Н. № 1321.

№ 58. Девушки: Дарья Назарова 20 лет. и Мария Гусева 20 л., в „чехрах". Животинкино. Фот. Муз. Ц.П.О.

№ 59. Крестьянка Сазонова 35 лет. в женской прическе и в кичке. Верхн. Пáдерки. Фот. муз. Ц.П.О.

№ 60а. и б Полотенцевый женский головный убор, (способ надевания спереди и сзади). Пластовóе. Колл. Ц.М.Н.

№ 61. Головной убор „увязки" (способ надевания спереди и сзади). Ружное. Колл. Ц.М.Н.

№ 62а. Кичка (нижняя часть головного убора „привески"). Бояновичи. Колл. Муз. Ц.П.О. № 793.

№ 62б[1] и б[2]. Привеска: б[1]—с переди, б[2]—сзади, Бояновичи. Колл. Муз. Ц.П.О. № 794.

№ 63. Ульяна Ралова 64 л., в „косинке" и в „ширинке". Бояновичи. Фот. Муз. Ц. П. О.

№ 64а. Кичка—часть головного убора. Бояновичи. Колл. Муз. Ц. П. О. № 795.

№ 64б[1]. и б[2]. „Привески"; часть голов. убора: б[1]—спереди б[2]— сзади. Бояновичи. Колл. Муз. Ц. П. О. № 796.

№ 64в. „Позатыльник", часть головного убора, Бояновичи. Колл. Муз. Ц. П. О. № 797.

№ 64г. Арина Мандрусова 28 лет в „привеске": полном головном уборе. Бояновичи. Фот. Муз. Ц. П. О.

№ 65а. „Кичка", часть головного убора „сороки". Пеневичи. Колл. Муз. Ц. П. О. № 428.

№ 65б[1]. и б[2]. „Сорока"—собственно, часть головного убора „сорока" (полного): б[2]—спереди, б[1]—сзади. Пеневичи. Колл. Муз. Ц. П. О. № 429.

№ 66а[1]. и а[2]. „Кичка“: а[1]—спереди, а[2] - сзади, часть головного убора „привески“. Зимницы. Колл. Муз. Ц. П. О. № 446.

№ 66б. „Позатыльник“, часть головного убора „привески“. Зимницы. Колл. Муз. Ц. П. О. № 447.

№ 66в[1]. и в[2]. „Привеска“ — собственно, верхняя часть всего головного убора „привески“: в[1]—спереди, в[2]—сзади. Зимницы. Колл. муз. Ц. П. О. № 448.

№ 67а. Узор „девять глазков“ для чела „привески“. Зимницы. Колл. Муз. Ц. П. О. № 448.

№ 67б. Узор „медвежьи глазки“ для чела „привески“. Зимницы. Колл. Ц. М. Н. № 696.

№ 68. Узор „крючки“ для чела „привески“. Зимницы. Колл. Ц. М. Н.

№ 69. Узор „гребенки“ для чела „привески“. Зимницы. Колл. Ц. М. Н.

№ 70. Узор „колёсики“ для чела „привески“. Зимницы. Колл. Ц. М .Н.

№ 71. Татьяна Архипкина, 25 лет, в кичке и позатыльнике. Зимницы. Фот. М.Ц.П.О.

№ 72. Крестьянка Сазонова 35 лет, в кичке, позатыльнике и привеске. Верхние Падерки. Фот. Муз. Ц. П. О.

№ 73. Татьяна Архипкина 25 л. и Соломонида Филатова 60 лет, в полных головных уборах „привесках“, с платками; у первой, как у „молодухи“, на висках „китки“ и „разнизки“. Зимницы. Фот. Муз. Ц. П. О.

№ 74 А. „Кичка“—собственно, часть полного головного убора „кички“. Алексеевка. Колл. Ц. М. Н. № 636а.

№ 74 Б. „Привеска“—собственно, часть того же полного головного убора „кички“. Колл. Ц. М. Н. № 636в.

№ 74 В. „Поднизь 6“ (позатыльник), часть того же головного убора „кички“. Колл. Ц.М.Н. № 636с.

№ 75 а и б. Способ надевания того же полного головного убора „кички“: а—спереди, б—сзади.

№ 75 I а и б. „Махрёнка“, часть полного головного убора „махрёнки“: а—спереди, б—сзади. Иваньково. Колл. Муз. Ц. П. О. № 498.

№ 75 II а и б: а. „Косицы“ к тому же головному убору—„махренки“, б—„павлины“ к нему же.

№ 76. Феня Попова, 28 лет, в уборе „головное“. Салынь. Фот. Ц. М. Н.

№ 77. Елизавета Синякова, 60 лет, в головном уборе „привеска“. Осавик. Фот. Ц М.Н.

№ 78а и б. Способ надевания головного убора „сороки“ (полного): спереди и сзади. Святое. Колл. Ц. М. Н. № 646.

№ 79а и б. Способ надевания головного убора „сороки“ (полного): спереди и сзади. Нов. Свет. Колл. Ц. М. Н.

№ 80. „Кичка“—собственно, часть головного убора „позявник“. Уты. Колл. Ц.М.Н. № 1310.

№ 81. „Кокошник“, часть того же головного убора. Колл. Ц. М. Н. № 1313.

№ 82а и б. Способ надевания полного головного убора „позявник“, спереди и сзади. Уты. Колл. Ц. М. Н. № 1310 — 1315.

№ 83. „Кичка“— собственно, часть головного убора „кички“ (полного). Животинкино. Колл. Ц. М. Н. № 446.

№ 84. „Кичка“—собственно, часть полной, „кички“. Нов. Село, Колл. Муз. Ц.П.О. № 454.

№ 85а—е. Части головного убора „привески“: а) кичка, б) позумент, в) кудри, г) сорока (сзади), д) позатыльник, е[1]) привески (сзади) е[2]) привески (спереди). Новоселки. Колл. Муз. Ц. П. О., №№ 438, 449 — 452.

№ 86. Татьяна Крестовоздвиженская в кичке. Вербы. Фот. Муз. Ц. П. О.

№ 87а,б,в,г. Части головного убора „котёлки“: а) „верховка“, б) „котёлка“, в) „позатыльник“, г) „стёганец“. Судовище. Колл. Муз. Ц. П. О.

№ 87д и е. От того же гол. убора: д) „привески“ спереди, е) „привески“ — сзади.

№ 88. Тот же головной убор „привеска“— способ надевания.

№ 89. Хвикола (Фекла) Ивановна Мартынова, 40 л., в головном уборе „обуза". Грабовка. Фот. Ц. М. Н.

№ 90. Прасковья Ревенкова, 25 л. (налево) и Наталья Титоренкова, 30 л., в „котелках": вторая покрыта платком. Глиняное. Фот. Ц. М. Н.

№ 91. Три крестьянки в головных уборах „котелках" спереди и сзади. Сытёнки. Фот. Ц. М. Н.

№ 92. Головной убор „повойник", его части: а) калачик, б) позатыльник, в[1]) повойник-собственно, спереди, в[2]) он же, сзади. Подбужье, Колл. Муз. Ц. П. О. № 433 — 435.

№ 93. Нагрудное украшение „борода". Подбужье. Колл. Муз. Ц. П. О., № 524.

№ 94. Марфа Хрычова, 14 лет и Марфа Прокопочкина, 14 л., в бисерных украшениях „борода„ и „чопки" (цепочки). Подбужье. Фот. Муз. Ц. П. О.

№ 95. Нагрудное украшение „чопка" (цепочка). Бояновичи. Колл. Муз. Ц.П.О. № 804.

№ 96. Нагрудное украшение „бусы" из бисера. Берёзничи. Колл. Муз. Ц.П.О. № 501.

№ 97. Украшение „пушки" из гусиного пуха с „поднизями" из бисера. Подбужье. Колл. Муз. Ц. П. О. № 801.

№ 98а. Лапти „щербаки": а[1]) сверху и а[2]) с подошвы, из слободы Захарпольской, Гомельской губ. Колл. Ц. М. Н. № 1363.

№ 98б[1] и б[2]. Лапти „рачки" и схема плетения (б[2]). Святое. Колл. Ц. М. Н. № К. П. I, 1117.

№ 99. Лапти „московские", с ременными оборами: а) головка, б) задок, в) увязки. Бояновичи. Колл. Муз. Ц. П. О.

№ 100а и б. Лапти „московские", с писаными головками, праздничные. Подбужье. Колл. Муз. Ц. П. О.

№ 101а и б. Лапти типа „бахилы", из дер. Быки, Смол. губ. Колл. Ц. М. Н., № 1343.

№ 102. Рубаха мужская: А) спереди, Б) сзади. Бояновичи. Колл. Муз. Ц. П. О. № 809.

№ 103. Покрой старинной мужской рубахи. Квань. Чертеж Муз. Ц. П. О.

№ 104 А. Покрой мужских портов, для правой и левой ноги по две части: а) калоша, б) ширинка. Зимницы. Чертеж Муз. Ц. П. О.

№ 104 Б. Мужские порты: а) спереди, б) сзади. Зимницы. Колл. Муз. Ц. П. О. № 543.

№ 105. Шапка, белая, „валёнка". Семерёво. Колл. Ц. М. Н.

№ 106 А. Лучок со струной для валяния шерсти: а) лучок, б) кобылка, в) струна, г) натяжич, д) чепелка, из гор. Почепа. Колл. Ц. М. Н. № 1437.

№ 106 Б. Решотка, для валяния шерсти: а) решотка, б) упорище, из г. Почепа. Колл. Ц. М. Н. № 1438.

№ 107. Узор „репьи" с пояса. Клинское. Колл. Ц. М. Н. № 798.

№ 108. Узор „полдуга о четырех пальцах" или „полурепьи" на поясе. Рябчевск. Колл. Ц. М. Н.

№ 109. Узор „попряничница" на том же поясе. Рябчевск.

№ 110 А. Техника плетения пояса на вилочке. Стадия 1-я, в Калужской губ.

№ 110 Б. Та-же техника. Стадия 2-я.

№ 111. Пояс мужской, с китицами. Пеневичи. Колл. Муз. Ц. П. О. № 503.

№ 112. Пояс мужской, с „калитой". Подбужье. Колл. муз. Ц. П. О. № 806.

№ 113 А. Покрой белого зипуна, „коропкой", спереди. Зимницы. Колл. Муз. Ц. П. О. № 818.

№ 113 Б. Тот же покрой—сзади.

№ 113 В. Тот же покрой—с боков.

№ 114. Татьяна Архипкина и Соломонида Филатова (см. рис. № 73) одна—в коротике, другая—в безрукавке, сзади. Зимницы. Колл. Муз. Ц. П. О.

№ 115. Две крестьянки, одна—в безрукавке, другая—в запане и понёве, обе спереди. Ивашковичи. Фот. Муз. Ц. П. О.

№ 116. Феня и Ольга Поповы: одна—в безрукавке, другая—в запане. Салынь. Фот. Муз. Ц. П. О.

№ 117. Карта изученного района по верховьям Десны и верховьям Оки.

RÉSUMÉ.

Introduction. L'oeuvre présente forme une partie organique d'un grand plan d'explorations ethnologiques, qui sont menés sous la direction et par l'initiative de V. V. Bogdanov et se concentrent avec sa participation dans la Section Ethnographique de la Société des Amis des Sciecees Naturelles, d'Anthropologie et d'Ethnographie, dans la Comission Ethnologique de la Section de Moscou à l'Académie d'Etat de l'Histoire de la Culture Matérielle, au Musée Central d'Ethnographie (ex-musée Roumianzov), et au Musée d'Etat de la Région Industrielle Centrale.

D'après ce plan les gouvernements du centre, avec leur population russe prédominante forment le rayon principal des explorations. L'autre problème dirigeant consiste dans l'exploration non de la tribu entiére, mais des groupes ethniques isolés, renfermés térritorialement en complexetés caractéristiques ethniques, quoique ces derniers ne fussent identiques par leur origine ni du même type par leur état actuel de moeurs.

Ainsi cet oeuvre s'adjoint aux autres ouvrages des ethnologues étant sous la direction de V. V. Bogdanov et avant tout à l'ouvrage de B. A. Kouftine „La Culture Matérielle de la Mechtchera Russe" Moscou, 1926.

L'exploration de l'état matériel du Poliéssié (du mot "liess—forêt) eut lieu en 1925—1926 dans le rayon des gouvernements de Briansk et de Kalouga, à la source des rivières Desna et Oka.

Ainsi qu'aux temps anciens de différents peuples slaves d'Orient, connus par les annales de Nestor, se croisaient sur ce terrain, de même en y decouvre au moment actuel de dissemblables éléments de la culture, provenant des sources à peu près anciennes. Les matériaux archéologiqus, linguinistiques et historiques, encore peu nombrex pour ce rayon l'affirment en partie. Au moment actuel il est d'usage de considérer ce territoire comme partie de la Grande Russie du Sud.

Les sujets de l'étude ethnologique furent:

1. Les bâtiments—la composition des plans et des profils, la photographie, l'étude des types primitifs principau: la hutte (cournaya isba), la terraille de bain (banya).

2. Le costume populaire, surtout ses formes anciennes et principalement la variété des ornements de tête de femmes.

3. Le tissage, surtout le tissage primitif: le tissage des ceintures, des rideaux et le tissage des volan (abor).

4. Les instruments d'agriculture.

5. Les métiers territorials surtout celui de potier et celui de boiseur.

6. Les moyens de voyage, tels que: les bateaux, les canots et les chariots à deux roues.

7. Les instruments musicals populaires.

8. La culture spirituelle, les cérémonies surtout.

Dans cet ouvrage imprimé n'apparait que la premiére partie: les costumes populaires, le tissage et le filage, quant à la 2-me partie—la demeure et la cour, la 3-me—les moyens de voyages, la 4-me les métiers populaires et la 5-me—les cérémonies et le culte populaire—elles s'apprêtent à être publiées.

Chapitre I. La chemise et joint à elle le procédé de tissage de filage, de coupe et de broderie.

La chemise est un élément principal du costume de femme, comme vétement de sortie et aussi comme costume unique pour les femmes de certains âges; pour d'autres la chemise forme la partie expositive du costume. Sur le territoire, qui a été exploré les types suivants de chemises peuvent être indiqués: I type—espéce de tunique en forme de sac rectangulaire (dess. № 1), II type—avec des insertions (polikis) obliquangles, qui sont enchassées sur le dos et sur le devant et s'attachent à la base des lés de la chemise (des. № 2, 2-a, 3). Il y a trois espéces de chemises à „polikis" obliquangles (des. 4, 5). III type—avec des „poliki" droits (des. № 6) de forme rectangulaire et qui sent cousus à la trame (outok) ou à la base aux coutures principales de la chemise. Ce type est connu chez les habitants de la Russie-Blanche, de l'Oukraine et de la Grande-Russie du Nord (des. 7). Dans la littérature et dans les collections des musées nous trouvons peu d'indications sur ce type de chemise. D'après l'opinion de B. A. Kouftine la chemise à „poliki" droit, cousue à la base, est la plus ancienne parmis les chemises de l'Oukraine et il est inclin à la nommer chemise du sud de la Russie ou de l'Oukraine. Elle a sans contredit un lieu aves les influences de la culture, qui sont venues par les sources du Dniépre et de l'embouchure de la Desna. IV type—sans „poliki", la manche est directement cousue à la garniture du col. V type—nouveau. La chemise est formée de deux bandes d'une étoffe achetée avec des manches, cousues aux côtes et un col plissé (des. 8).

Toutes les chemises de différents types se divisent en chemises avec et sans „podstawka", la variation de cette derniére est plus moderne, suite de l'emploi de l'étoffe achetée, telle que la perse eu le satin de coton, se qui est compté comme plus élégant.

D'aprés la façon des manches en distingue deux espéces de chemises: chemise à chanteau (découpée) et chemice unie (de lés entiers). La coupe est donnée sur le dessein 9. Les manches unies, sur le territoire étudié, sont une couche nouvelle, tandis que pour les slaves du sud et l'Oukraine c'est la forme la seule connue. La particularité de toutes les chemises se manifeste en ornements du bas des chemises, des „poliki" et des manches. Les ornements sont différents: différentes maniéres de tissage; (des. 10, 11) ainsi le tissage sur des planchettes.

D'aprés la forme du col les chemises se divisent: a) col à garniture plissé, b) col rabattu. D'aprés l'opinion de Zélénine cette seconde variation est une chemise polonaise (Ostslavische Volkskunde) en la rencontre chez les paysans—propriétaires du gouvernement de Riasane, de Tambov, de Voronége et sur le Don, mais la masse de ces paysans-propriétaires était sous l'influence de la culture polonaise et lithuanique.

On compte plusieurs moyens d'agraffer la chemise—tels que: a) le col noué à l'aide de deux rubans de coton, b) à l'aide d'un ruban passé dans deux boutonniéres découpées (de même chez les habitants de l'Oukraine et de la Russie-Blanche) et attaché à un bouton de cuivre, de ver ou de bois etc. Le col droit est orné à l'ancienne, le col rabattu n'est point orné.

L'étoffe employée pour les chemises est principalement la toile de lin. On trouve aussi des chemises faites de la toile de chanvre et de coton (plus moderne).

Les moments principaux de filage et de tissage se résument en des procédés suivent: le lin et le chavre sont battus, noyés en gerbes, séchés au séchoir et macqués, ensuite pegnés. Avan le filage le lin est pegné à

l'aide d'un peigne de bois, en l'attache ensuite à la „pryalitza“ et on le file à l'aide d'un fuseau, (des. 14) (ancienne méthode, qui disparait) ou à l'aide d'un rouet, ce dernier est d'origine de l'est. Le lin filé, qui ne doit pas être peint et qui est employée pour le „outok“ est mis en pelotons, de ce dernier, il est dévidé sur des „tzewky“ (sorte de petit tuyau de l'écorce de tilleul, qui est placé à l'intérieur de la nacelle). Le fil destiné pour la chaîne („osnova“) ou pour être peint est dévidé sur les „talki“ (petit bâtons en forme de fourchettes, croisés du côté opposé). On passe ensuite à l'ourdissage. Le moyen le plus répandu est l'ourdissage sur le mur (des. 15, 16). On ôte la chaîne plicé en forme de tresse en l'arrose avec de l'eau chaude, on la bat, on la sêche et le lendemain on commence „nabivat(i) na stan“.

Au lieu de l'ourdissage au mur on emploie de différents ourdissoirs („snovalki“), en travaillant avec la tisseuse n'es pas obligèe de se mouvoir le long des murs, car ses mouvements sont remplacés par ceux des cadres.

„Nabivàniié na stàn“ se fait ainsi: on enroule toute la chaine („osnova“ sur le „navoi“, on passe les fils du premier groupe du „ziev“ à travers un „nitte“ et l'autre groupe de fils à travers un autre „nitte“, ensuite on passe deux fils (un de chaque groupe) entre chaque second fil voisin du „berdo“, le „berdo“ est composé d'un cadre avec des cannes dedans placées parallélement.

Il existe deux sortes de metiers à tisser—avec et sans „podnebnik“. „Podnebnik“ est une planche, placée parallélement à la base et à laquelle on attache le „nitte“ et le „berdo“ (des. 17, 18). Il y a trois sortes de navettes pour faire passer la trame („outok“), (voir dessin 19, 19-a).

Ainsi d'aprés les éléments qui la composent et d'aprés la technique du tissage, la chemise a des rayons typiques suivaut: I groupe de chemises à „poliki“ obliquangles se répend vers l'est jusqu'aux villages Ossavik, Litovnia, Rakovitchi et touche la culture de la Grande-Russie du sud. Il groupe est le rayon au bord droit de la Desna, ou la chemise a le type de l'Oukraine ancienne; certains linguistes classent ce rayon parmi ceux du sud de la Russie, d'autres y trouvent des couches de l'Oukraine ancienne.

Chapitre II. Paniova: l'étoffe, le tissage, la coupe, les types.

La paniova est un vêtement de femme, qu'on met autour des hanches directement sur la chemise; c'est un vêtement trés caractéristique pour le rayen étudié. Les étoffes des „paniova“ et la technique de leur préparation sont différentes sur tout le territoire exploré. Les „paniova“ sont faites d'une étoffe en laine carrée. Voici la technique la plus ancienne du tissage de la „paniova“ (au moment actuel en l'oublie): premiérement on peigne la laine, on la deméle soigneusement plusieurs fois et on l'enfonce sur le peigne et on tire ensuite le fil du peigne à la maniére de filer le lin. La technique essentielle du tissage de la „paniova“ est le tissage sur les deux marchepieds à deux „nitte“ c'est à dire à la maniére de tisser la toile de lin. Il y a encore des moyens trés anciens de tissage, c'est la technique „zakladnoye“, qui est largement connue chez les tattars de la Volga, la mordwa, de même que dans l'Asie centrale (pour le tissage des tapes sans poil). Cette maniérr de tisser a un lien avec le courant de la culture de l'Asie centrale, qui pénétrée dans la population du sud de la Grande-Russie (des. 20). L'autre ancien moyen de tissage est le tissage sur 4, 6 et 8 marchepieds, il consiste en alternation de ces marchepieds de droit à gauche. Cette maniére de tisser est connue comme

ancienne pour toutes les „panïova“ du rayon de Tschernigov de même, qu'au rayon de la Poltava, où elle est comme pour le tissage des „plachta“.

Les „panïova“ de notre rayon ont un fond bleu (prédominant) ou un fond rouge. Pour de trés anciennes „panïova“ le fond bleu est quelquefois remplacé par un fond noir. Le dessin est à carreau et la maniére de réunir les fils dans les raies est trés variées dans tout le rayon: des carrés dans certains districts, des carreaux rectangulaires dans l'autres (des. 20). Il y a deux types de coupe de la „panïova“ dans ce rayon: a) Les „panïova“ cousues de trois „totschi“, qui sont mises d'en haut et liées en plissé au bord supérieur; ces „panïova“ se divisent en trois sous-types: 1) avec „prochva“, 2) sans „prochva“, 3) avec des lés, qui ne sont pas cousus jusqu'au bas, b) la „panïova“ faite de deux „totschi“ cousus jusqu'au milieu, la „panïova“ est attachée à la faille à l'aide d'une large ceinture. La ceinture de la „panïova“ est tissée par un moyen primitif, connu sous le nom du tissage sur le „nitte“ (на нитy) (voit des. 21): premier moment—le „nitte“ est levé les fils inférieurs sont aussi levés, le „ziev“ se forme et on y passe le „outok“; second moment—le „nitte“ est abaissé les fils supérieurs sont levés—le second „ziev“ est formé. Dans l'alternation des fils supérieurs et inférieurs se forme le „ziev“ et la possibilité du tissage est aussi donnée. Les dessins des ceintures tissées ont de différentes formes et noms. Le moyen de tissage des ceintures, qui vient d'être décrit est connu chez les habitants de la Grande-Russie du nord et du sud et chez ceux de la Russie-Blanche. Ce n'est plus le tressage, mais c'est la forme primitive de notre métier á tisser, du moment qu'on y trouve le „ziev“ et le „nitte“. La ceinture tissée est cousue au bas de la „paniova“. Au contraire le „gachnik“ pour la „paniova“ est tressé comme une tresse, pour la „paniova“ on emploie le „gachnik“ tiraillé. Le technique du tiraillement exige deux personnes: les doigts de l'une servent à tenir la chaîne, la seconde personne tient de sa main gauche l'autre bout de la chaîne et elle ourdit avec la main droite (voir des. 29—quatre moments). Les „gachnik“ sont aussi tressés sur des planchettes (dess. 30). On introduit un fil de la chaîne dans chaque trou de la planchette et la chaîne est ordinairement ourdie sur le mur à l'aide de petits pieux. Les planchettes avec les fils de la chaîne passés dedans sont mises de maniére que le bord inférieur et supérieur des planchettes correspondit aux fils inférieurs et supérieurs du „ziev“ (des. 30, moment—1). Ensuite on passe le „outok“ (un fil de lin); en retourne les planchettes de maniére que le 1 et le 4 trou fussent en haut et le 2 et le 3 trou—en bas,—un „ziev“ nouveau se forme, en y passe le „outok“ et ainsi de suite (des. 30, moments 2, 3, 4). A l'aide des planchettes on tisse aussi les (abor), de même que les ceintures d'hommes. Le tissage au moyen des planchette est connu à la Grande-Russie du nord et du sud, chez la „mordwa“, les „tschouvach“, au Turquestan, chez les ossétes.

En passant à la description de la „paniova“—rasporovka“ il est necessaire d'indiquer les maniéres de la porter: elle est portée déployée ou retroussée. Les ornements de la „paniova“ dépendent de le maniére, dont elle est portée (des. 31). „Paniova“ à trois les sans „prochvwa“ est le second sous-type (des. 32). Le troisiéme sous-type, assigné en un groupe separé—„paniova“ à trois lés avec „prochwa“. Le second type de la „paniova“ s'appelle „kolichki“—elle est composée de deux lés cousus ensemble par la chaîne (des. 33 et 34). On la met ainsi: la partie cousue de la „paniova“ entoure le deriére, les kolichki“ sont pliés par devant en angle, le coin droit ou bas de la „paniova“ est levé par derriére à la taille, toute la „paniova“ est attachée à l'aide d'une ceinture. Cette ma-

niére de porter la „paniova“ s'appelle „koulkom“. D'aprés les façons des „paniova“, le territoire étudié peut être divisé en rayons. 1) rayon—depuis le village Outi, au bord droit de la Desna jusqu'au district de Novgorod-Seversky—le second type de „paniova“ à „kolichki“ est caractéristique pour ce rayon; II rayon—l'autre partie du territoire étudié, par lequel le premier type de „paniova“ est caractéristique. D'aprés les éléments des „paniova“ le rayon entre les riviéres de Bolva et Desnà, sujet de discution des linguistes, doit être rapporter à la Grande-Russie du sud. La „paniova“ joue aussi, sur le territoire étudié, un role dans les cérémonies du culte. Les jeunes filles ne portaient aux temps anciens que des chemises. La jeune fille mettait la „paniova“ pour la premiére fois lorsqu'elle atteignait sa majorité, ou au moment oú la fiaucée devait aller à la ceremonie du mariage. L'action de mettre la „paniova“ était accompagnée d'une cérémenie spéciale. Même aux endroits, oú l'on portait le „sarafane“ et non la „paniova“ cette cérémonie était restée. Là, ou les „paniova“ avaient disparu, la même cérémonie avait lieu avec la ceinture.

Chapitre III. La sarafane.

Au surnom de sarafane correspondent plusieurs types de costumes de femmes. Sur le territoire étudié c'est un vêtement à bretelles („liamky“) ou à épaulettes, („pletchiki“) qui est cousu de lés droits ou obliques en étoffe achetée ou tissée à la main. Il y a trois types de coupe de sarafane: 1) à échanteaux obliques avec des épaulettes ou des bretelles unies, 2) de lés rectangulaires, 3) en forme de jupe, de quatre ou cinq lés rectangulaires, cousue au corsage. Le sarafane du I type est nommé par Kouítine—sarafane de la Grande-Russie du sud (voir des. 35, 36). Le sarafane du II type voir dessin 37 et du III type dessin N 38. Les sarafanes du I et du II type sont connus sous les noms de „sarafane“, „choubka“, „sukman“, „suknia“, platié“, „kitaika“. Le III type de sarafane est le type le plus moderne,

Chapitre IV. Le plastron.

Cette partie du costume est nommée „kastalan“ à l'est du rayon étudié et „tchouproun“ à l'Orient. D'autre surnoms pour les plastrons sont moins stables: „sarafane“, „tchekhlik“, „chouchpan“, balakhon“. „sayan“, „nasov“. On distingue trois types de coupe de plastrons: 1) en forme de tunique avec manches, 2) de lés rectangulaires sans manches, 3) en forme de tunique avec des lés obliques aux côtés. Les plastron du I type sont divisés en deux groupes (voir des. 39, 40, 41). Le plastron „kastalan“ est garni de franches. La manière de faire les franches est représentée sur le dessin N 42-a et б. et la façon de les porter sur le dessin N 43. Au Musée de Smolensk on peut voir des plastrons, dont le long des coupures des lés de devant et de derriére sont brodées de cheveus humains. D'aprées les renseignements reçus cette espece de plastron était destinée pour les enterrements. Le II type de plastron a sa coupe spéciale (des. 44 а, б, в) proche à celle du rayon de Pskov—Novgorod, d'oú il a pu pénetrer au gouvernement de Riasan et au bord de la riviére Bolva, grâce à la colonisation du nord. Le III type de plastron (des. 45а et б) cousu de deux lés de toile de lin bleue, de même que d'une étoffe en laine rouge ou bleue, tissée à la main. Les plastrons en laine sont d'origine plus ancienne, que ceux en lin. En certains endroits on peut constater uu lieu évolutif du plastron en laine avec le sarafane à chanteaux obliques.

Chapitre V. Le tablier: surnoms, la coupe, les différentes espèces.

Le tablier est connu sous les noms de: „chouchman", „zapan", „zanavieska", „fartouk" et il est repandu aux endroits oú le plastron n'existe pas. Sous le mom de „chouchman" on entend un vêtement, fait d'un lé de la toile de lin, plié en deux avec une fente au milieu pour la tête (des. 46). C'est probablement un costume primitif trés ancien, dont se sont developpées ses formes plus modernes. L'autre tablier „zapan" est aussi fait d'un lé, mais ses lisières des côtés sont cousues ensemble, excepté les endroits, oú l'on passe les bras (des. 47). „Zapan" est généralement répandu dans les rayons, oú l'on porte les „paniova" et les „kitchki", mais oú le plastron n'est pas porté, le „zapan" sert alors de supplément unique à la chemise—costume de la jeune fille (des. 48, 49, 50, 51). III espéce de tablier—„zanavieska"; le haut de cette derniére est fait à la façon de „zapan", mais on coud à sa base deux les droits liés en plissé; la partie d'en haut est appelée „groudi", celle d'en bas „polotno". Cette espéce de tablier apparait partout comme une évolution du „zapan"—avec des manches on n'en trouve pas.

Il y a pourtant un vêtement, appelé „roukava", qui ressemble par la coupe des „groudi" à la „zanavieska", c'est la costume favori des jeunes filles, qui le mettent par dessus, le „zapan". Les „zanaviesky" sont garnies de dessins découpés, tissés sur des planchettes, c'est à dire de broderie découpée. Le „fartouk"—IV type du tablier est cousu de quatre lés.

Chapitre VI. Les ornements de tête des jeunes filles et des femmes, leur types, leur rôle dans les cérémenies et dans la vie des moeurs dans chaque village separén ent.

A. Ornements de tete des jeunes filles.

La coiffure est étroitement liée à l'ornement de tête. La coiffure prédominante de jeune fille pour ce rayon—est la tresse, faite de trois, quatre et cinq méches avec une raie devant. A cette coiffure correspond un ornement de tête spécial: „kosnik", ou „nanka" (Voir. des. 54). Au cordon de la „nanka" est cousu un petit anneau de cuivre, qui ressemble beaucoup à ceux qu'on trouve en grande quantité, dans les „kourgans" des slaves de l'Orient. Parallélement à la tresse il s'est conservé, au rayon donné, une coiffure de fille plus ancienne: les cheveux non tressés tombent en méches des deux côtés du visage; au village Miestkovitchi cette coiffure prédominait; elle est aussi connue en autres rayons. B. A. Kouftine indique cette coiffure comme étant la plus ancienne coiffure de filles slaves d'Orient. Comme forme survécue on la retrouve au rayon étudié à certains moments, précisement dans les céremonies du culte. Les ornements de jeunes filles se sont moins conservés que ceux des femmes. Leur trait caractéristique c'est qu'on ne couvre pas le sommet de la tête. C'est généralement un bandeau, qui borde le front. Les éléments de l'ornement de tête des jeunes filles sont un essuie-main („polotienze") (des. 55), un cercle de tille (des. 56), „nalobnik" de passement, des plumes d'oiseaux, (celles du canard et du paon). Les ornements de tête de filles compliques sont composés d'éléments nommés de la maniére suivante: a) „vienok"—dessin 57, b) „tkanka" comrosée du „nalobnik" et du „polotienze" (essuie-main) plié en quatre et mis au bord du front, c) „podplastnik"—fait de franches de perles fines avec des plumes de canard et d'un châle plié „plastom"; plus tard la franche de perles fines („podnisi") fut remplacée par des passements avec des pendeloques („tshekhry") (voir des. 58). L'ornement de tête de jeune fille a conservé en général beaucoup de traits archaiques, qui sont trés iuteressants au point de vue historique et de moeurs.

B. Les ornements de tête de femmes mariées.

Le trait essentiel de tous les ornements de tête de femmes, au rayon étudié est la tendance de couvrir les cheveux: „découvrir les cheveux est honteux pour les femmes". Les femmes, au temps anciens, ne tressaient pas les cheveux, mais elles les réunissaient sur le devant en forme de chignon qui servait d'attache à la „kitchka" (voir des. 59). Cet usage a franchi les limites du rayon étudié et se retrouve en Podolié, au gouvernement de Grodno, dans la Russie-Blanche suivant le bord de la riviére Soje, au gouvernement de Poltava et dans d'autres. L'élément essentiel des ornements de tête de femmes est „polotientze" (l'essuie-main): la différence consiste dans la maniére de le nouer. Tous les ornements de tête femmes sont divisés en deux groupes: a) ornements faits de „polotienze" (essuie-main), b) le type de „kitchka".

Les ornements de tête composés d'essuie-main et mis sur une base molle sont connus chez les habitants de la Russie-Blanche et de L'Oukraine, et dans certains groupes, qui font partie de la Grande-Russie, ainsi que chez les slave du sud et de l'est, le „mari" et les „tschouvach". Sur le territoire étudié les essuie manis, comme éléments de l'ornement de tête se sont conservés dans une forme la plus archaique. Les ornements de tête de femmes en forme de „kitchka" ont un grand nombre de parties, qui les composent. „Kitchka" est la partie principale de cet ornement—elle donne la forme à ornement de tête entier et unie au „povoïnik" elle est la premiére couverture des cheveux de femmes mariées. Les „kitchki" sont divisées par leurs formes en celles qui ont la forme de cornes, de sabot, de pelle, de marmite. Au rayon étudié tous les „kitchki" portent le nom de „rogi". Tous les slaves d'Orient réclament des ornements de tête de femmes en forme de cornes. Le „kitchka" en forme de cornes, prise au naturel ressemble à deux cornes de vache faites de toile de lin centre-pointée. (des. 62a), Dans certaines régions les „kitchka" ont changé la forme de corne en celle du sabot et de la pelle (des. 64a et 84). Ces dernieres presentent la partie inferieure de la „kitchka" en forme de cornes (des. 84, 62a). La „kitchka" en forme de marmite a l'air d'un cercle ou d'un demi-cercle (des. 85 et 87б).

Le „povoinik", qui fait partie de la „kitchka" est tressé quelque fois de fils écrus.

Le second élement de l'ornement de tête en type de „kitchka" est le „pozatilnik" de perles fines. Il est la partie caracteristique de l'ornement de tête de femmes, habitantes de la Grande-Russie et il est lié avec la culture des finlandais de la Volga et des bulgars—ce qui a ete noté par V. V. Bogdanov. (La Revue Ethnographique", 1914 N 1—2). Le troisiéme élement de l'ornement de tête de femme est „soroka", ce dernier forme la partie principale de l'ornement de tête lorsque „kitchka" n'est pas liée au „povoinik". Par conséquant beaucoup de femmes, qui ne portent plus la „kitchka", ont conservé „soroka" comme ornement de tête indispensable. La „soroka" est connue sous deux noms, celui de „soroka" et de „poviazka". Il existe trois formes de „soroka": a) à fond rectangulaire, b) à fond oval, c) avec un fond et un bord en forme de cornes, cette dernière forme est la plus ancienne. L'ornement de tête qui ressemble à la „soroka" est la „chirinka",—coiffure de tête faite de chale carré. Les ornements de tête en forme de „kitchka" se composent encore d'éléments suivants: Les plumes de canard (pareillement aux ornements de tête des jeunes filles), „nalobnik" (également pris des ornements de tête de jeunes filles), le „polotiéntze" (l'essuie-main).

B. Les ornements de tete de femmes classés par villages:

1) Oernements de tête composés d'essuie-mains (voir des. 60a et б, 61), 2) les ornements de tête espèce de „kitchka“: en forme de cornes et de sabot (dess. 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, A B, 75a et 75 I, 75 II); en forme de polle (des. 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 90, 91); les ornements de tête avec un réseau, 3) les ornements de tête qui sont transitoires de la „kitchka“ ou „povoinik“, 4) ornement de tête en forme de „povoinik“, 5) ornement de tête en forme de „kokochnik“.

Il faut remarquer que la variation des éléments qui constituent les ornements de tête de femmes du rayon étudié, leur terminilogie variée et leur différentes façon les rendent excessivement intéressants au point de vue scientifique et très élégants par leur aspect. On trouve, par exemple, au village Alexievka un ornement de tête „kitchka“ (en entier) qui est composé de 8 parties: „kitchka“ (comme une partie) dessin 74a, 74Б, „privieska“ (des. 74 Б), „piesiki“ (des. 75), „podnisi“ (des. 74a, 74 В), „pokosniki“ (des. 75 a), „chirinka“ (des. 75 et 10), „tkanka“, et les rubans („lienti“). La „kitchka“ n'est mise en son complet qu'aux jours de fêtes; aux jours ordinaires la tête n'est couverte, que d'un chale par dessus la „priviaska“.

C. Les ornements de tête de femmes dans les cérémonies du culte et la vie des moeurs.

Au rayon étudié on mettait la „kitchka“ tout de suite après la cérémonie du mariage. Etant en son complet un objet assez cher, la „kitchka“ passait de génération en génération, de la mère à la fille. En cas, où il n'y avait pas de fille ou qu'elle était mineure la „kitchka“ de mariage revenait souvent dans la famille de la jeune mariée. Les objets de valeurs de la dot tel que „kitchka“, et „paniova“ appartiennent à la jeune mariée et la famille de ses parents a plus de droits d'en disposer que la famille du mari. En cas de mort de la femme mariée qui n'a pas d'enfants toute sa dot revient dans la maison de ses parents.

Chapitre VII. Les ornements de la poitrine, du dos, des oreilles.

Les ornements de la poitrine présentent principalement des tressage en perles fines: colliér à longues dentelles de perles fines appelé „boroda“ (des. 93, 94) une chainette appelée „tschepka“ (dessin 95) qui est mise par la tête de manière que les bouts tombassent sur la poitrine; les fausses perles („boussi“)—leur forme variée est „iasik“ au Gamaiounchtchina. Les ornements du dos sont connus sous le nom de „gaïtan“; gaitan est un lacet noir entouré d'un ruban de coton de couleur, il est mis par la tête, il entoure le cou par devant et ses bouts descendent sur le dos. Il est lié avec l'ornement de tête d'autant plus qu'il est également porté sur la tête, comme partie de l'ornement de tête. Les plus remarquables ornements d'oreilles sont „pouchki“ (petites boules en duvet) et les boueles d'oreilles. Les „pouchki“ sont souvent réunis avec les „podnisi“ de perles fines (des. 97, 94).

Chapitre VIII. Les chaussures.

Quand elles marchent nu-pieds, les femmes enveloppent souvent les mellets de jambes en des bandes de toile, appelées „onoutchki“, „pokrichki“, „zavoi“, „navertotchky“ etc. Dans certains villages en porte des bandeaux noirs („obori“) (voir des. 50). Les chaussures de tille sont répandues dans

tout le rayon. Par leur forme et leur manière de les tresser en distingue trois types: 1) „ratchky“ (pour le fauchage), 2) type de Moscou „moscovskié“, 3) „bakhilli“—voir dessins 98a, 98б, 99, 100 et 101. Deux premiers types sont caractéristiques pour le rayon étudié („ratchki“ et ceux du type de Moscou). Ils ont un lien avec la culture des habitants de la Russie-Blanche, en partie avec celle de l'Oukraine et de la Grande-Russie du sud. Les „abor“ dont on entoure les „onoutchi“ sont en fil ou en courroie. Ces derniers sont munis d'un anneau en cuivre du même type que celui du „kosnik“, „nanki“ de la jeune fille. Les bouts de l' „abor“ sont passés à travers l'anneau pour ne pas faire de noeud (des. 99 et 64d). Les „abor“ (en toile et en laine) sont tordus; on rencontre moins souvent des „abor“ tissés. Les „abor“ sont tissés sur des planchettes et sur le „nitte“ (comme les ceintures des „paniova“—des. 21).

Les bottes sont portées, par les hommes et par les femmes. L'usage de porter les bottes ne peut pas être considéré comme nouveau, mais jusqu'à présent on n'a pas réussi à faire des explorations plus détaillées.

Chapitre IX. La chemise d'homme, les pantalons, le bonnet „valionka“.

La coupe principale de la chemise d'homme est en forme de tunique. On insèrre „boka“ (les côtés) sous les manches; dans le coin entre la manche et le „bok“ se trouve „lascovitza“ (une insertion carrée); le dos et la poitrine sont doublés de „podoplieka“. Aux temps anciens la chemise n'avait pas de col, à présent il est cousu à elle. Le dessin du bas de la chemise est tissé en rouge (des. 102) La manière de broder le col et le devant ressemble à celle qu'on rencontre chez les „mari“, les „tchouvaches“, les „baschkirs“, chez les habitants du sud de la Grande-Russie, aux gouvernements de Tambov, de Riasane et à la source du Dniépre. Seconde variation—les manches sont brodées aux épaules—„poliki“—c'est un élément trés ancien de la chemise d'homme. La coupe des chemises à lés obliques a changé vu que la perse a remplacé la toile. d'autrefois. Mais en général la coupe de la chemise d'homme de ce rayon est la même, que chez les habitants de la Grande-Russie du sud et du nord. Les pantalons d'homme sont ici de deux types: 1) „porty“ liés en plissé et sans poches (anciens); 2) les pantalons à des poches le haut est lié en plissé et cousu à une garniture (voir des. 104). Le bonet („kolpák-valiònka“) était un ancien ornement de tête d'homme, dans ce rayon, on le portait en hiver et en été. Les instruments, qui servent à la fabrication des „valionki“ sont montrés au dessin 106.

La „valionka“ blanche est connue chez les habitants de la Russie-Blanche d'aujourd'huit, elle a été aussi connue chez les habitants de l'Oukraine du Poliessié de Tchernigov et chez les „pintchouks“, on la rencontre encore au gouvernement de Pskov et d'un aspect changé chez les „mari“ („tcheremissy“).

Chapitre X. La ceinture d'homme et de femme.

Il y a deux espèces de ceintures de femme dans ce rayon: 1) ceintures mises autour de la taille par dessus la chemise; ces ceintures sont portées toujours et par les femmes de tous les âges, 2) ceintures mises par dessus la „paniova“, le tablier et le „kastalane“. Les ceintures du premier type sont pour la plupart tressés, moins souvent on les tisse sur des planchettes. Quant aux ceintures du second type, elles sont tissées sur le „nitte“. Les dessins des ceintures sont donnés au dessin 107, 108, 109. On tresse les ceintures au moyen de petites fourchettes („vilotchki“)

(des. 110 А, 110 Б), ou au moyen de l'ourdissage sur le mur. Outre les ceintures d'homme en courroie, il y en a qui sont tressées de fils et d'autres tissées et muniés d'ornement en peles fines (tissage sur les planchettes) (des. 111). L'ornement en perles fines de la ceinture se développe parallèlement au „pozatilnik" de perles fines. On porte à la ceinture: les couteaux, „machonki" (sac en cuir, des. 192), „kality" (aussi sac en cuir), „kressale" (le briquet).

Chapitre XI. Vêtements qu'on porte pardessus les autres.

La coupe de cette espèce de vêtement d'homme diffère peu de celle des femmes. Il existe deux façons de coupe: coupe à chanteaux obliques et coupe droite (des. 113, 114). D'aprés la seconde coupe on fait le „korotik", qui est blanc ou brun. Les „korotik" blancs ou „zipoune" sont répandus sur un grand territoire et ne sont pas uniquement des vêtements priveligiés des habitants de la Russie-Blanche. Un vêtement sans manches „bezroukavka" ressemble par sa coupe au „zipoune" à deux chanteaux (des. 115, 116). Les vêtements de coupe droite sont des vêtements de voyage chez les grand-russiens du nord et du sud et des vêtements de sortie chez les habitants de la Russie-Blanche et de l'Oukraine. Ces vêtements sont cousus par des tailleurs ambulants.

Chapitre XII. Le total des éléments du costume au rayon exploré.

Le costume qui a une longue histoire compliquée présente de même que l'histoire du peuple une série de couches et de variations et même ses éléments pris séparement réfletent en eux la réunion de différentes époques. Il serait indispensable de dâter les époques de ces éléments on obtiendrait alors un tableau magnifique de la culture du peuple du rayon étudié et en comparant ces couches historiques avec celles des autres territoires nous aurions pu fixer certaines bases de la culture. Mais pour dâter ces éléments on manque de matériel, vu que beaucoup de territoires importante ne sont pas explorés dans la mesure due. C'est encore le proffeseur Anoutchine, qui a remarqué que les grand-russiens ne peuvent pas être caractérisés en masse, parce qu'il n'ont pas de type commun, mais ils présentent une complexité compliquée d'éléments slaves et d'autres qui ne le sont pas. La même chose peut être dite des habitants de la Russie-Blanche, de l'Oukraine et d'autres peuples slaves. L'ethnologie a encore devant elle un grand travail et premièrement celui de réunir les archaismes de la culture, encore assez nombreux chez les slaves de l'Orient. Ici on est obligé de faire attention à des phénomènes comme le sont toutes sortes de procédés de production et le lieu de l'objet ou de la forme avec le culte et la cérémonie. Depuis le commensement des réformes de Pierre (XVIII S.) le village russe s'est brusquement éloigné de la ville; ce fait a contribué à sa conservation, qui y a été légèrement ébranlée par les évènements, tel que l'emancipation des cerfs, la révolution de 1905, 1917, 1918 ans. Outre celà il n'est pas important qu'un phénomène soit largement ou peu répandu. Parfois un objet ou un phénomène unique nous content plus de l'antiquité que les objets et les phénomènes modernes répandus, on a pu s'en assurer en rassemblant le matériel.

En faisant le total de ce qui a été exploré en 1925, 1926 à les sources de la Desna et de la Oka, on peut fixer certains aspects du rayon étudié. On peut distinguer plusieurs groupes d'après les éléments du costume local.

Le I. groupe possède les traits caractéristiques de tous les grands russiens du sud. On y trouve: la chemise à „poliki“ obliques, „paniova“, à trois lés, attachés par un „gachninik“, tablier en forme de tunique—„pierednik“—„zapan“, ornements de tête en forme de cornes, le „pozatilnik“ en perles fines, coliers en perles fines, „pouchky“ pour les oreilles, les ceitures d'hommes à pendeloques en perles fines. Chemise—„kossovorotka“ (elle est portée par les grand-russiens du nord), broderie à la soie, le procédé du tissage, appelé „zakladnoie“. On est obligé de cher-cher les éléments analogiques de costume non à l'est, mais parmi les finlandais et les „turki“ du bord de Volga, dans la Mechtchera du gouvernement de Penza et Saratov. Ces éléments donnent, sans contredit au rayon étudié un aspect de la Grande-Russie.

II. groupe a des éléments caractéristiques communs avec ceux des habitants de la Russie-Blanche d'aujourd'huit. Ces éléments sont: sarafane à corsage, „zipoune“ blanc, „valionki“ blanches, ornements de tête de jeune fille faits en tille, les tilles et les reseaux, des ornements de tête des femmes. Le sarafane à corsage est assigné en un sous-groupe particulier, qui est caractéristique spécialement pour les habitants de la Russie-Blanche depuis le moment, où ils ont formé une nationalité, les autres éléments, plus archaiques sont d'usage chez d'autres nationalités et non seulement chez les habitants de la Russie-Blanche.

III. groupe d'éléments de costume se distingue par des traits communs avec les lithuaniens. Chaussures en tille „ratchky“ et les „abor“ en laine. Il est impossible de resoudre la question si c'est une preuve de la présence des lithuaniens sur ce territoire ou si c'est un trait plus archaique.

IV. groupe se distingue par des éléments communs à ceux des grand-russien du centre et en partie avec les groupes ethniques de la Grande-Russie du nord. C'est le sarafane à chanteaux obliques.

V. groupe a une série de traits communs avec les habitants de l'Oukraine d'aujourd'huit: „paniova—kolychki“, chemise à „poliki“ rectangulaires cousus à la base, avec des manches d'un lé uni.

VI. groupe se distingue par les éléments, qui sont propres non seulement aux slaves de l'orient, mais aussi à ceux du sud et de l'est: c'est à dire: l'ornement de tête „polotientze“, porté sans „kitchka“ dure, usage d'envelopper les jambes et les pieds nus (non chaussés de „lapti“) en des „onoutchi“ et des „abor“ en couroie; le „zipoune“ à chanteaux obliques.

Ainsi en prenant pour base le gouvernement donné, le rayon étudié peut être divisé en sous-rayons suivants:

I. sous-rayon: les districts de Kalouga, Kozelsk, Lichvine, ou les traits des grands-russiens du sud sont melés à ceux des grands-russiens du centre.

II. sous-rayon: Poliessié, partagé en trois groupes du type de la Grande-Russie du sud avec sous-couche, proche aux groupes, qui ont formé la Russie-Blanche d'aujourd'huit et avec une couche lithuanique.

III. sous-rayon. La partie d'ouest du rayon, qui possède outre les traits indiqués pour le II. sous-rayon, les traits des populations plus modernes de la Russie-Blanche. La population elle-même notant les traits caractéristiques du costume des moeurs de ses voisins partage, pour ainsi dire, le territoire étudié en des rayons specials de moeurs. On a recueilli ce matériel, quoiqu'il n'est pas d'importance d'une classification scientifique. Néan moins il est important de le prendre, en considération en certaines circonstances et il est donné en forme de révision dans le chapitre suivant, où l'on donne la description du rayon et du caractère des costumes.

Toutes les collections, mentionnées dans cet ouvrage sont rassemblées et conservées.

Chapitre XIII. Le territoire exploré divisé en rayons par la population elle même suivant le caractère des costumes.

1. Gamayunchtchina (17 villages).
2. Le village Nikolskoié et d'autres en tout 16 campagnes.
3. „ „ Makarovo et les autres en tout 7 campagnes.
4. „ „ Roussanovo (le rayon Zassiptschino) et les autres en tout 8 campagnes.
5. Le village Bieriozovo et les autres, en tout 10 campagnes.
6. La campagne Dechevki en tout 3 campagnes.
7. „ „ Boulatovo.
8. „ „ Volossovo—Doudino et les autres, en tout 13 campagnes.
9. Le village Kzyni en tout 13 campagnes.
10. Le canton („volost") ex-Boianovskaya—le village Boianovitchi et les autres, en tout 6 campagnes („Polehi").
11. Le village Novoyé et les autres, en tout 6 campagnes.
12. Chtchepieliovchtchina („barchtchina"—du propriété de Chtchepeliov) la campagne Bokieievka et les autres, en tout 6 campagnes.
13. Le canton („volost") ex-Boutchinskaya (Polehi). Le village Boutchino et les autres, en tout 5 campagnes.
14. La campagne Soudovichtché et les autres, en tout 6 campagnes.
15. La campagne Ossavik est les autres, en tout 20 campagnes.
16. „ „ Saligne „ „ 10 „
17. „ „ Grabowka „ „ 20 „
18. „ „ Sosnovoïe Boloto „ „ 6 „
19. Le rayon „Briussovchtchina" (le propriétaire Briussov); le village Alechinki et les autres, en tout 4 campagnes.
20. La campagne Biakovo et les autres, en tout 10 campagnes.
21. La campagne Roujnoié et les autres, en tout 9 campagnes (Poléhi).
22. Le rayon Apraksinsky (d'après le nom du propriétaire) le village Glinnoïé et les autres, en tout 6 camp. (Poléhi).
23. „Zadessegné" (et la rivière Desna): le village Outi et les autres, en tout 28 campagnes.

Moscou 24/V—1927.

14346

TABLE DES FIGURES.

1. La coupe de la chemise de femme. Nikolskoie.
2. La chemise de femme vue de face. Boianovitchi.
2-a. La même chemise, vue du dos.
3. La coupe du „poliki“ (des. N 2).
4. Le devant de la chemise de femme. Litóvniki.
5. La coupe de la chemise de femme. Aliekseiévka.
6. La chemise de femme vue de face. Diechóvki.
6-a. La même chemise, vue du dos.
7. Le schème de la coupe de la manche et du „poliki“, „zamkom“ Zamóchié:
8. La chemisette. Novossiolki.
9. Le schème de la coupe des manches découpées. Boianovitchi.
10. Le dessein „kriouki“ pour la chemise (des. 5).
11. Le dessein „kosiaki“ pour la même chemise.
12. Le dessein „krougui“ mis sur le métier à tisser Chtcherbaki.
13. La macque—Novoie.
14. „Prialitza„ pour le fuseau.
15. Le schème de l'ourdissage sur le mur. Jouravki.
16. Le chaîne ôtée des pieux.
17. Le schème de l'apprêtage du „nitte“, I moment.
18. Le même schème, II moment.
19. La nacelle à tisser l'étouperie. Nikolskoié.
19-a. Le type ancien de la nacelle à tisser la toile de lin.
20. La „paniova“. Boianovitchi.
21. Le schème du tissage des ceintures sur le „nitte“ (на нитy) Roussanovo.
22. Le dessin „glaziki“ à la ceinture. Roussanovo.
23. Le dessin „paltzy“ à la ceinture. Krasnyi Klin.
24. Le dessin „grebionotchka“ à la ceinture de la „paniova“ Vassilievskoié.
25. Le dessin „klinouchki“ à la ceinture de la „paniova“ Bieriezitchi.
26. Le dessin „kossiaki“ à la ceinture de la „paniova“ Nijnié Pryski.
27 Le dessin „rojki“.
28. Jelizaviéta Siniakova, agée de 63 ans en „paniova“. Osavik.
29. Le tiraillement de la chevélière, de la ceinture, des rubans („abor“) au moyen des doigts—Frolovo.
30. Le tissage de la ceinture à l'aide de planchettes. Boianovitchi.
31. Le moyen de plier la „paniova“ lorsqu'on la porte rétroussée („podtykamchi“). Diechovka.
32. La „paniova“ ancienne, avec un lé non cousu et avec une insertion (de face).
32-a. La même „paniova“ à l'envers.
33. Daria Chmarzova, agée de 50 ans en „paniova“—„kolychki“ en profil droit. Riabtchevsk.
34. La même en profil gauche.

35. La coupe du „sarafane“ à chanteaux obliques. Jivotinkino.
36. Anastasiia Jouravliova, agée de 62 ans en sarafane à chanteaux obliques. Jivotinkino.
37. Mariia Goussieva et Dariia Nazarova, jeunes filles de 20 ans en sarafanes-chubka. Jivotinkino.
38. La coupe du sarafane avec un corsage. Siemieriovo.
39. La coupe du „chouchpane“, Sloboda.
40. La coupe de „kastalane“. Bokieievka.
41. La coupe du plastron, fait de cinq lés. Bokieievka.
42. Le schème de l'apprêtage de „bakhmara“ (la franche) pour le „kastalane“. Bokieievka.
43. Deux paysannes Zorioukovy, l'une mariée, en „paniova, l'autre jeune fille, sans „paniova“, toutes les deux en „kastalanes“. Bokieievka.
44-а. Le schème de la coupe des lés du plastron „po topornomou“ Bieriozovo.
44-б. Le même plastron, appelé „sarakhvàn“, vu de face.
44-в. Le même plastron vu du dos.
45-а. La coupe du plastron „tchouproune“ vu de face. Roussanovo.
45-б. La même „tchouproune“ vu du dos.
46. La coupe du tablier „chouchmàne“. Pienievitchi.
47. La coupe du „zapane“—vu du dos (à gauche), de face (à droite). Boianovitchi.
48. La coupe du „zapane“ avec des manches.
49. Natalia Arhipkina, agée de 28 ans en „zapane“ avec des manches. Boniatino.
50. Les paysannes Zorioukovy vue de face en „zapane“ sans manches (du côté gauche) et avec des manches (du côté droit).
51. Les mêmes paysannes, vue du dos.
52. Le dessin „krougui“ sur la „zanavieska“ fait à la maniére de la broderie découpée. Diechovki.
53. Les dessins „rogoulki“, „babotchki“ et „krougui o tchetyriokh palzakh“ sur la „zanavieska“ faite à la manière de la broderie découpée. Roussanovo.
54. „Kosnik“ (nanka). Boianovitchi.
55. Le dessin „kriutchki“ pour le „polotienze“ (l'essuie-main).
56. Nalobieni—ornement de tête de jeune filles. Pienievitchi.
57. „Vienok“, (la couronne de fleurs)—l'ornement de tête de jeunes filles. Riekovitchi.
58. Daria Nazarova et Mariia Goussieva—jeunes filles de 20 ans en „tchekhry“. Jivotinkino.
59. La paysanne Sazonova, agée de 35 ans en coiffure de femme et portant la „kitchka“. Vierkhniie Padierki.
60-а, б. L'ornement de tête de femme composé du „polotientze“ (l'essuie-main) et la manière de le mettre—vue de face et du dos. Plastovoie.
61. L'ornement de tête—„ouviaska“: la manière de le mettre—vue de face et du dos. Roujnoie.
62-а. „Kitchka“—(la partie indérieure de l'ornement de tête appelé „privieska“). Boianovitchi.
62-б^1, б^2. „Prieveska“: б^1—vue de face, б^2—vue du dos. Boianovitchi.
63. Ouliana Ralova, agée de 64 ans en „kosinka“ et en „chirinka“. Boianovitchi.
64-а. „Kitchka“—comme partie de l'ornement de tête de femme.
64-б^1, б^2. „Prievieska“—comme partie de l'ornement de tête, б^1—vue de face, б^2—vue du dos. Boianovitchi.

64-в. „Pozatilnik“ — une partie de l'ornement de tête de femme Boianovitchi.

64-г. Arina Mandroussova agée de 28 ans en „privieska“—ornement de tête en son complet. Boianovitchi.

65-а. „Kitchka“ comme partie de l'ornement de tête „soroka“. Pienivitchi.

65б^1, б^2. „Soroka“—comme partie de l'ornement de tête „soroka“ (en son complet): б^1—vue de face, б^2—vue du dos. Pienivitchi.

66-а^1, а^2. „Kitchka“ comme partie de l'ornement de tête „privieska“, а^1—vue de face, а^2—vue du dos. Zimnitzy.

66-б. „Pozatilnik“—une partie de l'ornement de fête „privieska“. Zimnitzy.

66-в^1, в^2. „Privieska“—(elle même) partie supérieure de l'ornement de tête entier, appelé „privieska“: в^1—vue de face, в^2—vue du dos. Zimnitzy.

67-а. Le dessin „dieviati glazkov“ pour le front de „privieska“. Zimnitzy.

67-б. Le dessin „miedviejii glazki“ pour le front de „privieska“. Zimnitzy.

68. Le dessin „kriutchki“ pour le front de „privieska“. Zimnitzy.

69. Le dessin „griebiechki“ pour le front de „privieska“. Zimnitzy.

70. Le dessin koliossiki“ pour le front de „privieska“. Zimnitzy.

71. Tatiiana Arkhipkina, agée de 25 ans en „kitchka“ „pozatilnik“. Zimnitzy.

72. La paysanne Sazonova, agée de 35 ans en „kitchka“, „pozatilnik“ et „privieska“ Vierkhniie Padierki.

73. Tatiiana Arkhipkina, agée de 25 ans et Solomonida Filatova de 60 ans en complets ornements de tête „privieski“ avec des chales; la première comme étant jeune porte aux temps—„kitchki“ et „rasnizki“. Zimnitzy.

74 А. „Kitchka“ comme partie d'ornement de tête complet „kitchka“. Aliexséievka.

74 Б. „Privieski“—comme partie du même ornement de tête „kitchka“.

74 В. „Podnizi“ (=„pozatylnik“) une partie du même ornement de tête „kitchka“ en son complet.

75 а, б. La manière de mettre le même ornement de tête „kitchka“, а—vue de face, б—vue du dos.

75, I а, б. „Makhrionka“ comme partie de l'ornement de tête „makhrionka“ en son complet: а—vue de face, б—vue du dos.

75, II а, б. „Kossitzy“ et „pavliny“ pour le même ornement de tête „makhrionka“.

76. Fienia Popova, agée de 27 ans en ornement „golovnóié“. Salyni.

77. Jelizavieta Siniakova, agée de 60 ans en ornement de tête „privieska“. Osavik.

78. La manière de mettre l'ornement de tête „soroka“ en son complet—vue de face et du dos. Sviatoié.

79. La manière de mettre l'ornement de tête „soroka“ en son complet,-vue de face et du dos. Novoyi Sviet.

80. „Kitchka“—comme partie d'ornement de tête „poziavnik“ en son complet. Outy.

81. „Kokochnik“—une partie du même ornement de tête.

82. La manière de mettre l'ornement de tête „poziavnik“ en son complet,—vue de face et du dos. Outy.

83. „Kitchka“—comme partie d'ornement de tête „kitchka“ en son complet. Jivotinkino.

84. „Kitchka",—comme partie d'ornement de tête „kitchka" en son complet. Novoie Sielo.

85 a—e. Les parties d'ornement de tête „privieska" en complet: а—„kitchka", б—"pozoumient", в—„koudri", г—„soroka" (vue du dos, д—„pozatilnik", e^1—„privieska" (vue du dos) e^2—„privieska" (vue de face). Novosiolki.

86. Tatiiana Kriestovozdvijenskaia en „kitchka". Vierby.

87 а, б, в, г. Les parties d'ornement de tête „kotielki" en complet: а—„vierchovka", б—„kotielka", в—„pozatilnik", г—„stioganiétz". Soudovichtche.

87 д и е. „Privieski"—vues de face et du dos, appartenantes au même ornement de tête.

88. Le même ornement de tête „privieski"—la manière de mettre.

89. Fiokla Ivanovna Martynova, agée de 40 ans en ornement de tête „obouza". Grabovka.

90. Proskoviia Rievienkova de 25 ans (à gauche) et Natalia Titorienkova de 30 ans en „kotelki", la seconde est couverte d'un chale. Glinnoié.

91. Trois paysannes en ornements de tête „kotelki"—vue de face et du dos. Sytiónki.

92. L'ornement de tête „povóinik", ses parties: а—„kalattchik", б—„pozatilnik", $в^1$—„povoinik"—vue de face, $в^2$—vue du dos. Podboujié.

93. L'ornement de la poitrine—„boroda". Podboujié.

94. Martha Khrytchova et Martha Prokopotchkina, agées de 14 ans en ornements de perles fines: „boroda", tchepki". Podboujié.

95. L'ornement de la poitrine „tchepki" (цепочки). Boianovitchi.

96. L'ornement de la poitrine „boussy" (бусы) de perles fines Bieriezitchi.

97. L'ornement „pouchki" fait du duvet d'oie avec „podnizi" de perles fines. Podboujié.

98 а. Les chaussures de tille („lapti") „chtcherbaki": $а^1$—vues d'en haut, $а^2$—vues de la semelle,—du gouvernement de Gomel.

98 б. Les chaussures de tille „ratchki". Sviatoié.

99. Les chaussures de tille „moskovskié" aux „abor" de cuir: а—„golovka", б—„zadok", в—„ouviazka". Boianovitchi.

100. Les chaussures de tille „moskovskiié" de fête avec des „golovki" peints. Podboujié.

101. Les chaussures de tille des type "bakhily" du village Byki du gouvernement de Smolensk.

102. La chemise d'homme: а—vue de face, б—vue du dos. Boianovitchi.

103. La coupe de la chemise d'homme, ancienne. Kvani.

104 А. La coupe des pantalons d'homme (porty); par deux partie pour chaque jambe: а—„kolocha", б—„chirinka". Zimnitzy.

104 Б. Les „porty" (les pantalons d'homme) vues de face et du dos. Zimnitzy.

105. Le bonnet d'homme-blanc—„valionka". Siemieriovo.

106 А. „Lutchok" avec une corde pour le foulage de la laine: а—„loutchok", б—„kobylki", в—„strouna", г—„natiajitch", д—„tchepiolka". Potchep.

106 Б. La grille („riechotka") pour le foulage de la laine: а—„riechotka", б—„ouporichtche; Potchep.

107. Le dessin „riepié" sur une ceinture. Klinskoié.

108. Le dessin „poldouga" o tchetyriokh palzakh" ou „polouriepie" sur une ceinture. Riabtchevsk.

109. Le dessin „poprianitchnitza“—sur la même ceinture. Riabtchevsk.
110 A. Le procédé du tressage de la ceinture au moyen des fourchettes I-ier stade.—le gouvernement de Kalouga.
110 Б. Le même procédé II-me stade.
111. La ceinture d'homme „kititzy“. Pienievitchi.
112. La ceinture d'homme avec „kalita“. Podboujié.
113 A. La coupe du „zipoune“ blanc et de „korotik“—vue de face.
113 Б. La même coupe vue du dos.
113 B. La même coupe vue des côtés.
114. Tatiiana Arkhipkina et Solomonida Filatova—l'une en „korotik“ l'autre en „bezroukavka“ (vue du dos). Zimnitzy.
115. Deux paysannes: l'une en „bezroukavka“, l'autre en „zapane“ et en „paniova“, vues de face. Ivachkovitchi.
116. Fienia et Olga Popovy: l'une en „bezroukavka“, L'autre en „zapane“. Salyni.
117. La carte du rayon étudié aux sources des rivières Desna et Oka.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение 5

Глава I. Рубаха и связанные с ней процессы прядения, ткачества, покроя, вышивания 13

Глава II. Панева: материал, тканье, покрой, типы 31

Глава III. Сарафан 49

Глава IV. Нагрудник: типы и подтипы, названия, покрой . . 53

Глава V. Передник: названия, покрой, типы и разновидности. 60

Глава VI. Головные уборы: девичьи, женские (типы, их распределение по отдельным селениям, их роль в обряде и в быту) 66

Глава VII. Украшения: нагрудные, спиные, ушные 107

Глава VIII. Обувь: обертки-наголенки, лапти, оборы, сапоги . 110

Глава IX. Мужские: рубаха, штаны и колпак-валёнка . . . 118

Глава X. Пояса: женские и мужские 124

Глава XI. Верхняя одежда: женская и мужская 128

Глава XII. Итоги элементов костюма на обследованной территории 133

Глава XIII. Районы костюма на обследованной территории, устанавливаемые самим населением. 138

Список рисунков 144

SOMMAIRE.

p. p.

Introduction 148

I. La chemise et joint à elle le procédé de tissage de filage, de coupe et de broderie 149

II. Paniova: l'étoffe, le tissage, la coupe, les types 150

III. La sarafane 152

IV. Le plastron 152

V. Le tablier: surnoms, la coupe, les différentes espèces . . . 153

VI. Les ornements de tête des jeunes filles et des femmes . . 153

VII. Les ornements de la poitrine, du dos, des oreilles 155

VIII. Les chaussures 155

IX. La chemise d'homme, les pantalons, le bonnet-„valîonka“ . . 156

X. La centure d'homme et de femme 156

XI. Vêtements qu'on porte pardessus les autres 157

XII. Le total des éléments du costume au rayon exploré . . . 157

XIII. Le territoire exploré divisé en rayons par la population elle même suivant le caractère des costumes 159

Table des figures 160